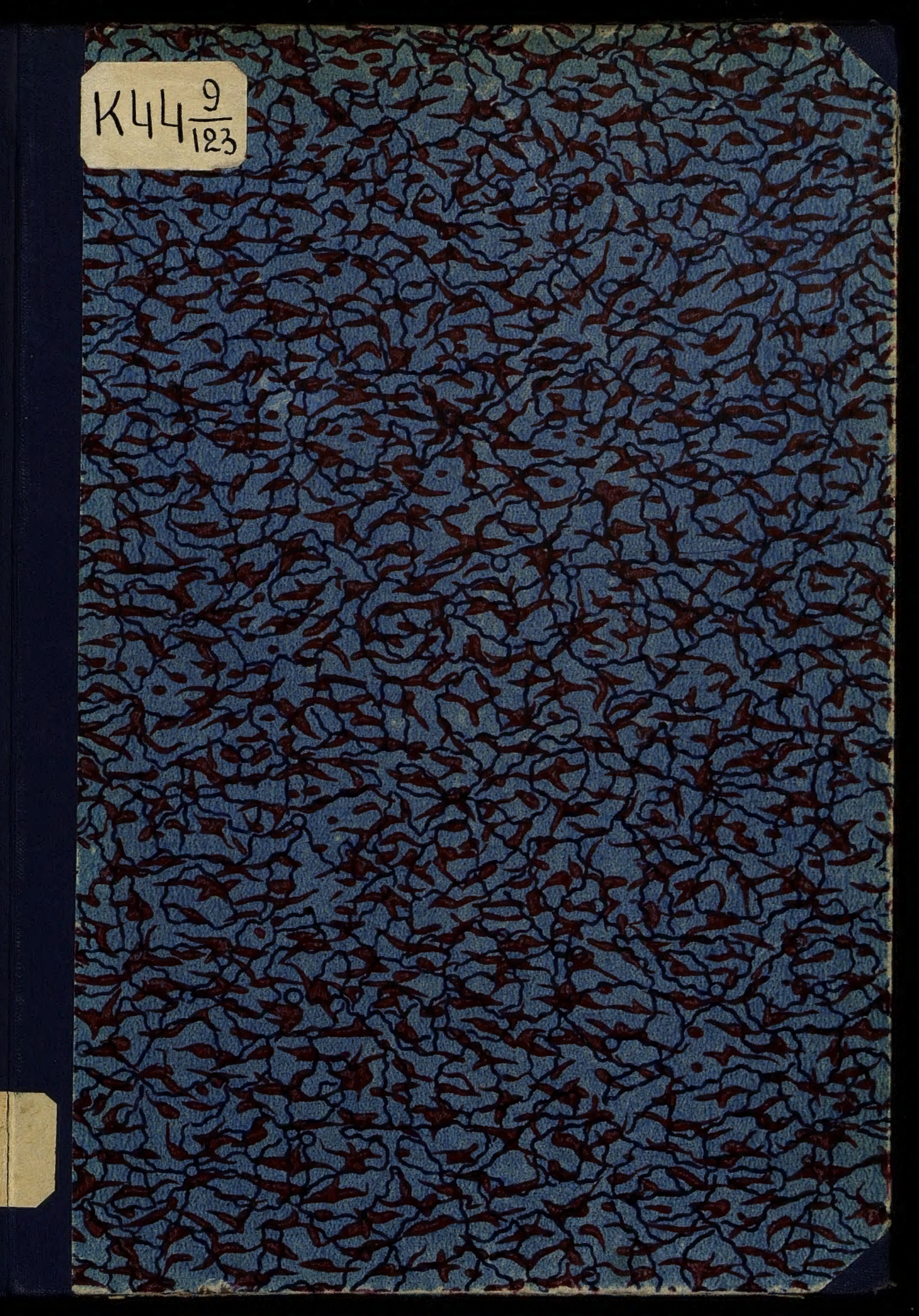
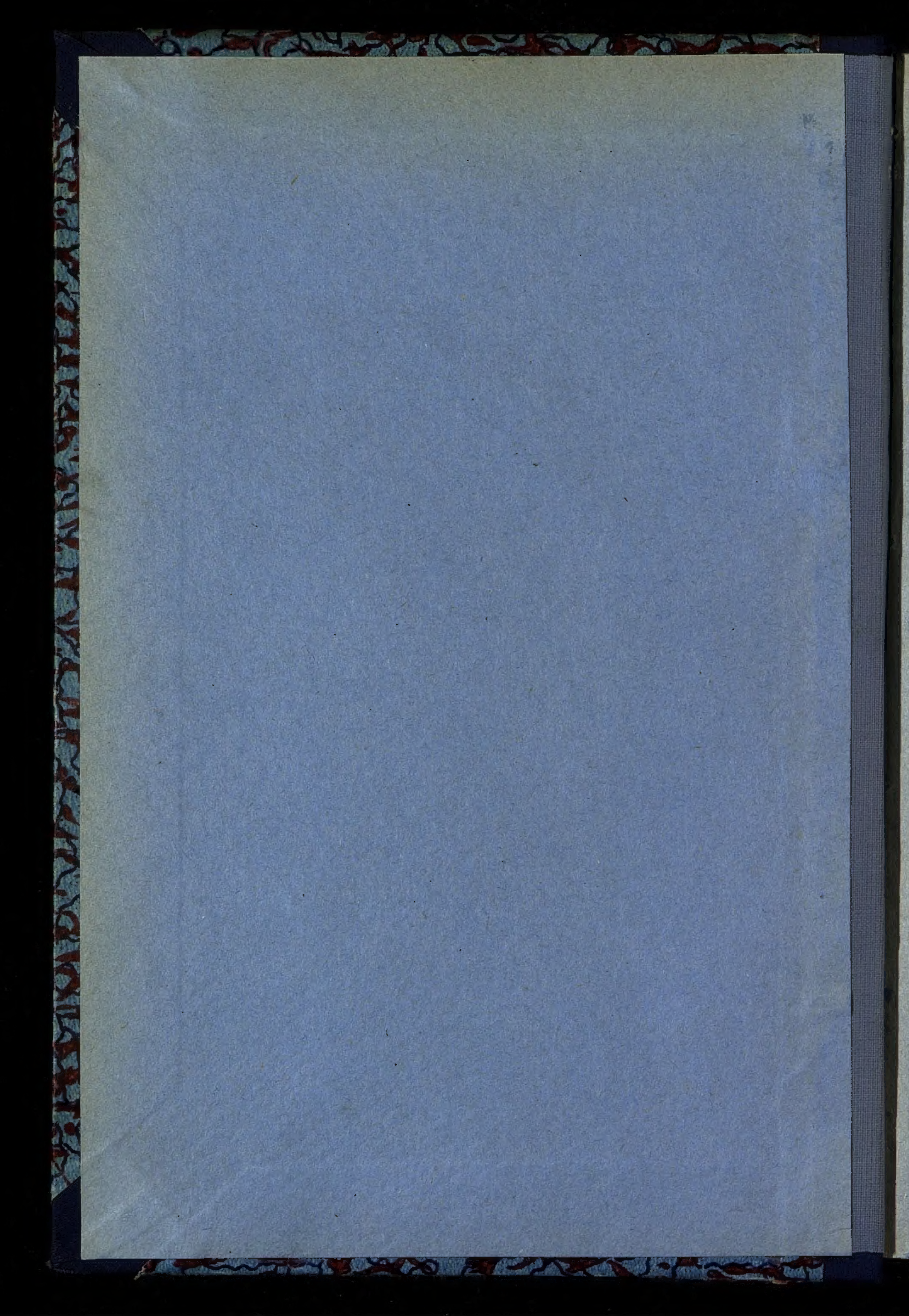

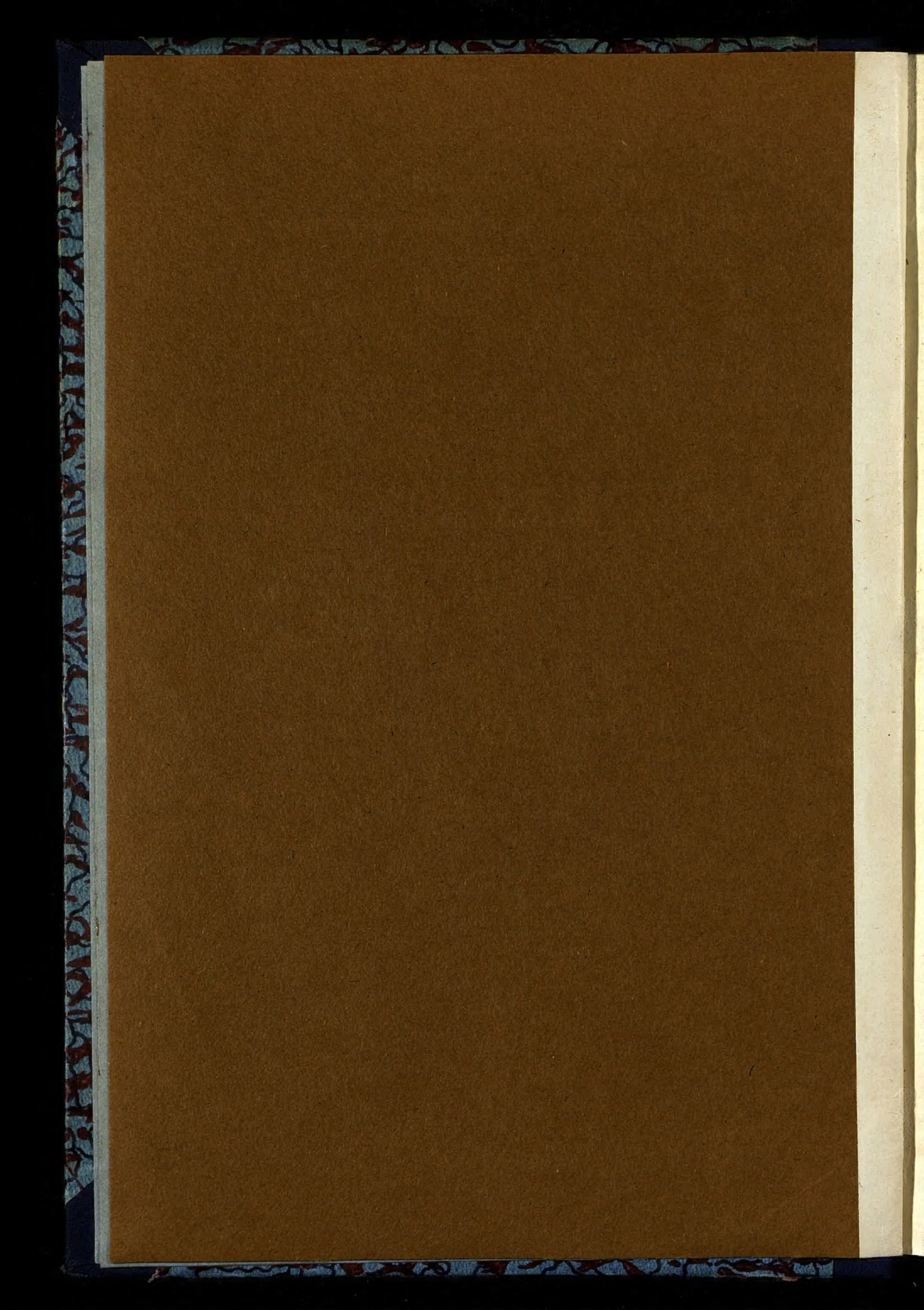

Б. I. Бируковъ,
Проф. Императорскаго Николаевскаго Университета.

Въ германскомъ плѣну.

(Отголоски пережитого).

САРАТОВЪ.
1916.

Б. I. Бируковъ,
Проф. Императорскаго Николаевскаго Университета.

Въ германскомъ плѣну.

(Отголоски пережитого).

САРАТОВЪ.
1916.

Изъ Извѣстій Императорскаго Николаевскаго Университета,
Томъ VI, за 1915 г.

Типографія Союза Печатнаго Дѣла.

...Лишь въ концѣ сентября*) мнѣ удалось наконецъ вырваться изъ германскаго плѣна, испытавъ подобно другимъ находившимся въ Германіи русскимъ столько злоключеній, что порой казалось, что живешь не въ двадцатомъ вѣкѣ, а въ мрачныя времена средневѣковья, и что мѣсто дѣйствія—не Германія, самоувѣренно считающая себя передовой культурной націей, а какой-нибудь затерявшійся среди безбрежнаго океана островокъ, заселенный обитателями, сохранившими до нашего времени отъ первобытныхъ вѣковъ всю утонченность жестокости, все злорадство глумленія надъ божескими и человѣческими правами. Да, это были дѣйствительно „культурные варвары", культура которыхъ, какъ плохо приставшая штукатурка, свалилась съ нихъ при первомъ же испытаніи судьбы,—и предъ нами во весь ростъ предстали тѣ люди, которые на самомъ дѣлѣ находились подъ этой искусственной оболочкой, со всей присущей имъ звѣриной моралью и безсмысленной жестокостью. Долгъ каждаго русскаго, вернувшагося теперь изъ этой страны, подѣлиться своими впечатлѣніями, чтобы впослѣдствіи передъ судомъ исторіи выяснился весь настоящій обликъ этихъ довольныхъ собой разрушителей Лувена и Реймса, постоянно призывающихъ во свидѣтели своей правоты какого-то особеннаго „нѣмецкаго бога", но на самомъ дѣлѣ забывшихъ повидимому совсѣмъ о настоящемъ Богѣ. Лишь то, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, безъ всякой предвзятой идеи, будетъ изложено мной въ нижеслѣдующихъ строкахъ. Это является

---

*) 1914 г.

тѣмъ болѣе необходимымъ, что авторъ до самого послѣдняго времени былъ ярымъ приверженцемъ германской науки, культуры и порядка,—и не легко было ему разставаться съ глубоко укоренившимися въ теченіе всей жизни понятіями и представленіями.

I.

Неожиданно разразившаяся война застала меня въ Бадъ Гомбургѣ. Я уже заканчивалъ курсъ леченья и намѣревался 15 Іюля (нашего стиля) выѣхать въ Тріестъ, главной цѣли моей поѣздки, гдѣ я предполагалъ на зоологической станціи продолжать изслѣдованія, начатыя мной въ предшествовавшіе годы. Какъ вдругъ появился извѣстный ультиматумъ Австріи, и вслѣдъ затѣмъ объявленіе ею войны Сербіи. Приходилось задуматься надъ поѣздкой въ Тріестъ, тѣмъ болѣе, что русское предложеніе Австріи столковаться относительно Сербіи не имѣло успѣха, какъ мы узнали о томъ изъ газетъ. Однако никто не вѣрилъ въ возможность и близость катастрофы, т. е. общей европейской войны. Въ этомъ убѣждали насъ съ одной стороны появившіяся въ газетахъ сообщенія о посредничествѣ, предлагаемомъ Великобританіей, и о телеграммахъ, которыми обмѣнялись Государь Императоръ и германскій императоръ, а съ другой—разговоры съ освѣдомленными лицами, успокаивавшими насъ и утверждавшими, что никакой войны не будетъ. Такъ, напримѣръ, арендаторъ такъ называемаго «русскаго дома», въ которомъ вмѣстѣ со многими другими русскими жилъ я (болѣе или менѣе извѣстный и въ Петроградѣ докторъ Ш.), говорилъ намъ, что если бы хоть что-либо указывало на возможность столкновенія Германіи съ Россіей, онъ узналъ бы объ этомъ однимъ изъ первыхъ, будучи германскимъ подданнымъ, состоящимъ въ ландверѣ. Мы успокаивались, вели безконечные разговоры и даже споры о возможныхъ группировкахъ державъ въ случаѣ войны, въ душѣ не вѣря въ послѣднюю,— а между тѣмъ событія развертывались съ поражающей быстротой.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о русской мобилизаціи противъ Австріи, чему вся наша русская колонія

искренно порадовалась, полагая, что это заставитъ Австрію говорить другимъ языкомъ, появились въ нѣмецкихъ газетахъ свѣдѣнія, что какое то вѣрное лицо („вѣрный другъ") изъ Петрограда сообщило черезъ германское посольство канцлеру о томъ, что мобилизація тайно производится по всей Россіи, въ томъ числѣ и въ западныхъ губерніяхъ, прилегающихъ къ Германіи. А затѣмъ на другой день послѣ этого извѣстія, въ пятницу 18-го іюля, около 3-хъ часовъ дня, вся Германія была объявлена на военномъ положеніи (Kriegszustand), поздно же вечеромъ, вернувшійся изъ военнаго собранія нашъ хозяинъ сообщилъ намъ, что германское правительство только что представило русскому ультиматумъ о немедленномъ прекращеніи мобилизаціи и объ отвѣтѣ въ теченіи 12 часовъ, и что положеніе сдѣлалось весьма серьезнымъ, хотя и не безнадежнымъ. Утромъ мы прочли и въ газетахъ объ этомъ ультиматумѣ, при чемъ невольно обратили вниманіе на вызывающій тонъ германской печати, которая обвиняла Россію въ козняхъ противъ Германіи и въ желаніи вызвать европейскую войну. Срокъ ультиматума истекалъ въ 12 ч. дня, и около этого времени толпы народа появились на главной улицѣ нашего города у книжныхъ магазиновъ въ ожиданіи экстренныхъ прибавленій газетъ о состоявшемся рѣшеніи. Скоро появились эти листки, и стало извѣстно, что срокъ отвѣта продолженъ еще на шесть часовъ. А въ 7 часовъ вечера повсюду уже раздавались печатные листки, что объявлена общая мобилизація всей германской арміи и флота, и что германскому посланнику въ Петроградѣ предписано оставить Россію, заявивъ, что послѣдняя находится отнынѣ по отношенію къ Германіи „въ положеніи воюющей державы".

Если бы бомба разорвалась у самыхъ нашихъ ногъ,—насъ поразило бы это меньше, чѣмъ эта совершившаяся на протяженіи всего однихъ сутокъ метаморфоза, когда развивающіяся съ головокружительной быстротой событія, словно заранѣе умѣлой рукой скомбинированныя, привели неожиданно къ крушенію мира и полному разрыву между двумя народами. Съ этого момента и началась наша трагедія,—трагедія оставшихся въ Германіи русскихъ...

II.

Слово «война» еще не было произнесено, но ни для кого уже не было тайной, что война начинается, или можетъ быть даже началась. Утреннія газеты (отъ Воскр., 20. VII) принесли намъ извѣстіе, что наканунѣ императоръ Вильгельмъ съ балкона своего дворца въ Берлинѣ держалъ рѣчь народу, въ которой говорилъ, что Россія заставляетъ его противъ воли обнажить мечъ, такъ какъ она мобилизуется на границѣ съ Германіей и угрожаетъ послѣдней, желая войны. Въ тѣхъ же газетахъ опровергалось напечатанное нѣсколько ранѣе сообщеніе о поѣздкѣ въ Россію съ цѣлью улаженія конфликта съ Австріей—принца Генриха прусскаго (по другой версіи великаго герцога Гессенскаго). Тонъ газетъ былъ заносчивый, и по адресу Россіи напечатаны были далеко не лестные эпитеты. Чувствовалось, что надо было уѣзжать и какъ можно скорѣе. Тоже самое совѣтывалъ теперь и нашъ хозяинъ, получившій предписаніе явиться въ полкъ къ исполненію своихъ обязанностей въ качествѣ оберлейтенанта ландвера.

Уже наканунѣ вечеромъ выѣхали изъ нашего „русскаго дома“ нѣсколько лицъ, еще до объявленія войны назначившіе на этотъ день свой отъѣздъ на родину. Быстро собравъ свои вещи, я вмѣстѣ съ другимъ русскимъ, псаломщикомъ русской церкви въ Гомбургѣ, отправился на вокзалъ. Надо было торопиться съ выѣздомъ уже и по тому, что вслѣдствіе начавшейся мобилизаціи лишь два первыхъ дня (воскресенье и понедѣльникъ) ходили пассажирскіе поѣзда, а затѣмъ впродолженіи двухъ недѣль, какъ говорилъ нашъ хозяинъ, всѣ желѣзныя дороги начинали служить только для цѣлей мобилизаціи.

Вокзалъ представлялъ собой необычную картину. У внѣшняго входа прохаживался взадъ и впередъ солдатъ, съ ружьемъ за плечами, повидимому и самъ не вполнѣ ясно представлявшій себѣ ту роль, которую онъ долженъ былъ играть здѣсь. Впервые бросилась въ глаза намъ походная форма прусскаго солдата, сѣро-зеленаго защитнаго цвѣта и заостренная каска на головѣ въ таковомъ же чехлѣ, на передней части котораго значился темно-красный—80-й номеръ полка. Чѣмъ-то театральнымъ вѣя-

ло отъ этого низкорослаго безусаго солдата съ юношескимъ лицомъ, старавшимся казаться серьезнымъ. Странно было видѣть и ружье безъ обычнаго у насъ штыка, который здѣсь (отвинченный) торчалъ въ футлярѣ за поясомъ.

Взявъ билеты до Франкфурта и наскоро взглянувъ на появившіеся уже на стѣнахъ плакаты съ различными призывами къ населенію по случаю грядущей войны, мы поспѣшили подняться на тотъ перронъ, отъ котораго по росписанію долженъ былъ отходить нашъ поѣздъ. Однако наверху мы узнали, что этотъ поѣздъ отмѣненъ и что слѣдующій пойдетъ лишь черезъ полчаса. Въ ожиданіи мы прохаживались взадъ и впередъ по площадкѣ и, присматривались къ публикѣ. Народу было сравнительно немного и, что особенно насъ поразило, не слышно было громкаго разговора, не видно обычной суетни. Каждый казался сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ и повидимому, мучился неизвѣстностью, которая предстояла для него впереди. И здѣсь рѣзало глазъ присутствіе двухъ одѣтыхъ въ новенькую форму солдатъ, такихъ же точно, какъ находившійся внизу ихъ товарищъ. Солдатики медленно ходили по платформѣ, время отъ времени останавливаясь и посматривая внимательно то на сложенныя по срединѣ перрона вещи, то на ихъ владѣльцевъ, какъ-бы желая опредѣлить, кто они такіе. Въ воздухѣ чувствовалась зловѣщая тишина; и мы, занявши наконецъ мѣста въ поданномъ поѣздѣ, почти одновременно спросили одинъ другого: „а не вернуться ли намъ обратно?“

Но затѣмъ стало стыдно за свое малодушіе, особенно когда мы вспомнили о нѣкоторыхъ оставшихся въ „русскомъ домѣ“ соотечественникахъ, которые не смотря на наши убѣжденія ѣхать съ нами, рѣшили временно остаться и переждать, пока кончится мобилизація.

Между тѣмъ поѣздъ тронулся и положилъ конецъ нашимъ сомнѣніямъ...

III.

Много разъ по дорогѣ во Франкфуртъ останавливался внѣ росписанія поѣздъ. Правильный механизмъ движенія казался уже нарушеннымъ, и невольно закрадывалось со-

мнѣніе въ возможности добраться до желанной границы. Зная аккуратность нѣмцевъ и вѣря еще въ ихъ порядочность, мы рѣшили спросить въ кассѣ билеты прямого сообщенія до Стокгольма, полагая, что, если намъ не откажутъ въ выдачѣ таковыхъ, это будетъ служить порукой отсутствія препятствій для путешествія.

Громадный франкфуртскій вокзалъ былъ неузнаваемъ. На каждомъ изъ многочисленныхъ его перроновъ высились цѣлыя горы безпорядочно сваленнаго вдоль всей линіи багажа. Съ трудомъ можно было пройти изъ вагона среди необычныхъ для этого мѣста громадныхъ сундуковъ и чемодановъ Видимо все это попало сюда случайно, въ самую послѣднюю минуту, въ виду прекращенія съ этого дня пріема и отправки багажа. Въ противоположность зловѣщей тишинѣ гомбургскаго вокзала, здѣсь господствовало лихорадочное оживленіе, но отличное отъ обыкновенной, столь знакомой по прежнимъ посѣщеніямъ суеты. Не было замѣтно привычнаго для глаза движенія къ выходу—однихъ, и къ вагонамъ на противоположной сторонѣ перрона—другихъ. Люди бросались изъ стороны въ сторону, теряя своихъ близкихъ, стараясь попасть въ тотъ или другой, уже переполненный, поѣздъ. Появились офицеры, увѣреннымъ шагомъ, не обращая вниманія на водоворотъ толпы направлявшіеся къ нужному имъ поѣзду, неся въ рукахъ каску въ футлярѣ и походный чемоданчикъ. Протолкаться къ кассамъ было весьма затруднительно. Весь громадный вестибюль вокзала кишѣлъ народомъ, и около кассъ стояла цѣпь изъ солдатъ, пропускавшихъ къ выходу на перронъ лишь лицъ, имѣвшихъ проѣздные билеты. Намъ безъ всякаго препятствія выдали билеты прямого сообщенія до Стокгольма черезъ Гамбургъ—Вамдрупъ, изъ чего мы заключили, что путь открытъ,—и вздохнули свободнѣе.

Однако попасть въ поѣздъ было не такъ легко: стоявшіе у соотвѣтствовавшаго «Bahnsteig'a» вагоны были уже переполнены, и никто не зналъ, идутъ ли они до самаго Гамбурга, или въ пути предстоитъ пересадка. Тотъ поѣздъ, съ которымъ мы предполагали выѣхать, не былъ отправленъ, и лишь спустя три часа позднѣе намъ удалось наконецъ при помощи двухъ носильщиковъ (которые потре-

бовали съ насъ за это 4 марки) получить мѣста въ вагонѣ скораго поѣзда на Гамбургъ. Передъ самымъ моментомъ посадки мы были остановлены у входа на «Bahnsteig» (когда мы предъявили свои билеты) двумя штатскими лицами, спросившими, не русскіе ли мы. Получивъ утвердительный отвѣтъ, они въ довольно корректной формѣ попросили открыть нашъ багажъ, порылись тамъ, словно что-то отыскивая и, просмотрѣвъ наши паспорта, разрѣшили намъ пройти къ вагонамъ.

Въ вагонѣ было тѣсно и неудобно, но мы были счастливы, что не остались, какъ многіе другіе, во Франкфуртѣ, и въ насъ росла увѣренность въ благополучномъ проѣздѣ черезъ Германію. Все, казалось, было по прежнему, столь знакомому образцу: поѣздъ громыхалъ по рельсамъ, мелькали станціи, а напротивъ насъ въ купе сидѣли мирные нѣмцы, или подремывая, или методично закусывая заботливо захваченными съ собой бутербродами. Лишь временами доносился изъ корридора разговоръ о вспыхнувшей неожиданно войнѣ, войнѣ видимо столь желанной, въ успѣхѣ которой собесѣдники ни минуты не сомнѣвались. Поѣздъ наконецъ послѣ непрерывнаго бѣга остановился въ Наугеймѣ, и мы увидѣли черезъ окно цѣлыя толпы нашихъ русскихъ, устремившихся въ вагоны. Далеко не всѣмъ удалось попасть въ поѣздъ, и еще многіе безпомощно бѣжали по платформѣ за удаляющимися вагонами, когда поѣздъ послѣ пятиминутной остановки тронулся дальше. Убаюканный мирнымъ движеніемъ колесъ, я уже началъ дремать (было за полночь), думая о далекой Россіи, желаніе попасть въ которую было теперь особенно сильнымъ, какъ вдругъ поѣздъ остановился у станціи (это былъ Гиссенъ), и я услыхалъ изъ корридора грозный, повелительный голосъ: «alle Russen heraus!» Вслѣдъ за этимъ возгласомъ въ наше купе просунулась фигура станціоннаго служащаго, въ упоръ смотрящаго на насъ, и заявившаго: «вы русскіе!»

Нѣмцы, сидѣвшіе рядомъ съ нами, словно преобразились. На лицахъ ихъ было выражено теперь презрѣніе и ненависть. Двое вскочили съ своихъ мѣстъ и съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, указывая на дверь, повторяли: «heraus, heraus!» Растерявшіеся отъ неожиданности, кое какъ

собравши свои вещи, мы мигомъ выскочили на платформу, сопровождаемые насмѣшками и презрительными возгласами окружающихъ нѣмцевъ. За нами по пятамъ слѣдовалъ тотъ желѣзнодорожный служащій со станціи, который розыскалъ насъ въ купе. Съ торжествующимъ видомъ подвелъ онъ насъ къ солдату и, передавая насъ въ распоряженіе послѣдняго, заявилъ: «вы арестованы!», и исчезъ вновь въ одинъ изъ вагоновъ.

IV.

На платформѣ уже толкались въ безпомощномъ видѣ соотечественники, высаженные также изъ поѣзда и также переданные часовымъ—солдатамъ. Недоумѣніе и увѣренность, что произошло какое-то недоразумѣніе, были написаны у каждаго на лицѣ. Но едва мы раскрыли ротъ, чтобъ спросить другъ друга, что же все это обозначаетъ, какъ новый окрикъ на этотъ разъ жандарма, незаслуженно грубый, остановилъ насъ: «молчать, или вы будете разстрѣляны, какъ шпіоны!»

Спустя нѣсколько минутъ, я рѣшился робко задать таковой же вопросъ, но уже по нѣмецки, одному изъ остановившихся около насъ не военныхъ нѣмцевъ, лицо котораго мнѣ показалось болѣе симпатичнымъ, чѣмъ у другихъ. Вмѣсто отвѣта и объясненія онъ, отходя отъ насъ, только бросилъ: «а вы зачѣмъ вздумали воевать?!.» И вслѣдъ за этимъ, обернувшись на ходу и ядовито улыбаясь, прибавилъ: «за то у васъ уже 2000 убитыхъ при Калишѣ!»

Черезъ минуту насъ ввели подъ конвоемъ въ зданіе вокзала, гдѣ намъ предложили тутъ же у дверей, прямо на полу, открыть свой багажъ. Два толстыхъ жандарма долго рылись въ нашихъ вещахъ, а кругомъ на нѣкоторомъ разстояніи стояла цѣлая толпа станціонныхъ служащихъ, съ интересомъ наблюдавшая за процедурой обыска и видимо ожидавшая сюрпризовъ. Наконецъ одинъ изъ жандармовъ на днѣ моего чемодана нашелъ карту и, торжественно поднявъ ее, какъ какое-либо вещественное доказательство моей вины, строго спросилъ меня, почему находится у меня эта карта. Толпа злорадно посматривала

на меня, получивъ повидимому удовлетвореніе, что «преступникъ» теперь изобличенъ и понесетъ достойное наказаніе. Карта была ничѣмъ инымъ, какъ приложеніемъ къ русскому указателю желѣзнодорожныхъ путей сообщенія и изображала на одной сторонѣ Россію, а на другой—западную Европу. Именно послѣдней своей стороной она и обратила на себя вниманіе жандарма.

Въ первое мгновеніе я былъ убѣжденъ, что жандармъ просто хочетъ подшутить надъ нами, чтобъ доставить удовольствіе окружающимъ. Настолько не серьезной представлялась самая возможность допущенія, что на основаніи найденной карты путеводителя можно заподозрить въ чемъ-либо человѣка. Однако все предшествовавшее указывало, что теперь не время шутокъ. Становилось очевиднымъ, что нѣмцы вездѣ ищутъ шпіоновъ, и что дѣло можетъ кончиться плохо какъ при малѣйшемъ смущеніи заподозрѣннаго, такъ и при слишкомъ энергично выраженномъ протестѣ. Призвавъ себѣ на помощь все самообладаніе, я насколько могъ спокойно объяснилъ происхожденіе этой карты. Къ счастью тутъ же въ чемоданѣ находился и самый путеводитель, который я предъ самымъ отъѣздомъ хотѣлъ выбросить, какъ лишнюю теперь въ дорогѣ вещь, но въ послѣднюю минуту почему-то оставилъ. Еще съ недовѣріемъ посматривая на протянутый ему мной указатель, жандармъ внезапно схватилъ меня за карманъ брюкъ, ощупывая, нѣтъ ли при мнѣ оружія. Затѣмъ, раньше чѣмъ я могъ отъ неожиданности притти въ себя, онъ вывернулъ мои боковые карманы, осмотрѣлъ бумажникъ съ его содержимымъ,—и лишь послѣ всего этого оставилъ меня въ покоѣ, знакомъ показавъ, что я могу закрыть свои вещи. Паспортъ мой былъ просмотрѣнъ, какъ и у другихъ, еще до обыска, но не смотря на то, что ему было, слѣдовательно, извѣстно, кто я, это не избавило меня отъ всѣхъ описанныхъ подробностей унизительнаго осмотра. Мнѣ казалось даже, что жандармъ намѣренно затягиваетъ мой обыскъ.

Тѣмъ не менѣе мое положеніе, какъ и большинства другихъ, у которыхъ не нашли ничего «компрометирующаго», было еще сравнительно сноснымъ, такъ какъ намъ вслѣдъ затѣмъ разрѣшили

пройти съ вещами въ Wartesaal III и IV классовъ, гдѣ мы увидали множество русскихъ, задержанныхъ съ предшествовавшихъ поѣздовъ. Тѣ же, немногія правда, лица, у которыхъ оказались при себѣ русскія письма, бумаги и пр., должны были пройти еще одно чистилище, въ которомъ (какъ я узналъ потомъ) спеціальный переводчикъ знакомился съ содержаніемъ и опредѣлялъ степень подозрительности каждой бумажки. И въ случаѣ, если хоть въ какомъ-нибудь отношеніи бумаги оказывались подозрительными, ихъ владѣльцевъ немедленно препровождали прямо въ тюрьму.

V.

Въ залѣ III и IV класса, куда насъ всѣхъ провели, негдѣ было, что называется, яблоку упасть. Здѣсь уже находилось по крайней мѣрѣ человѣкъ четыреста, прибывшихъ съ предшествовавшими поѣздами, ранѣе насъ. За неимѣніемъ достаточнаго количества стульевъ и табуретокъ, располагались гдѣ кто могъ: на столахъ и на полу. Всѣ безъ исключенія были люди интеллигентные, въ большинствѣ случаевъ больные, возвращавшіеся съ сопровождавшими ихъ лицами изъ ближайшихъ курортовъ. Нѣкоторые были съ дѣтьми, и жалко было смотрѣть какъ на этихъ крошекъ, такъ и на ихъ родителей, выбивавшихся изъ силъ, чтобъ хоть какъ-нибудь устроить ихъ въ непривычной обстановкѣ. Ни о какомъ снѣ, конечно, нечего было и думать.

Почти каждую минуту къ длинной стойкѣ съ многочисленными пивными кранами, стоявшей вдоль одной изъ стѣнъ Wartesaal, подходили вновь призванные запасные, еще въ штатскомъ платьѣ, и распѣвая во все горло пѣсни, среди которыхъ чаще всего слышалось: «Deutschland, Deutschland über alles», пили пиво, весело посматривая въ нашу сторону и отпуская по нашему адресу шуточки. Нѣкоторые, уже достаточно опьянѣвшіе, не довольствовались этимъ, а недвухсмысленно посматривая влажными глазами на русскихъ дамъ, отпускали на ихъ счетъ циничныя замѣчанія. Одинъ даже улучилъ минуту и грубо ткнулъ пальцемъ въ грудь проходившей русской барышни,

чѣмъ вызвалъ взрывъ дикаго хохота у своихъ товарищей. Барышня шарахнулась въ сторону, у бѣдной отъ обиды показались на глазахъ слезы, но протестовать было безполезно: вѣдь господствовало право сильнаго,—и барышня поспѣшила затеряться среди своихъ, а мы, видѣвшіе все это, сдѣлали видъ, что ничего не замѣтили. У всѣхъ дверей, ведущихъ изъ зала, гдѣ мы были заключены, стояли часовые съ ружьями, и намъ было запрещено не только выйти въ сосѣднія помѣщенія, но даже приблизиться къ двери. Одна изъ дверей вела въ уборную. Предъ этой дверью предусмотрительно были поставлены два солдата: одинъ изъ нихъ оставался всегда у двери, а на другомъ лежала обязанность сопровождать того изъ насъ, кому представилась бы необходимость воспользоваться помѣщеніемъ уборной. Исключеній ни для кого не допускалось: ни для мужчинъ, ни для дамъ. А такъ какъ намъ пришлось оставаться на вокзалѣ впродолженіи многихъ часовъ, то почти каждый испыталъ на себѣ удобство такого «заботливаго» отношенія.

Время отъ времени появлялись въ дверяхъ отдѣльные офицеры въ такомъ же сѣро-зеленомъ походномъ обмундированіи и дѣлали какія то распоряженія солдатамъ. Первоначально многіе изъ насъ бросались къ нимъ на встрѣчу, думая, что они несутъ намъ вѣсть о разрѣшеніи продолжать путешествіе, или по крайней мѣрѣ сообщать, что ожидаетъ насъ впереди. Но на всѣ вопросы офицеры презрительно пожимали плечами, не удостаивая не только отвѣтомъ, но даже взглядомъ обращавшихся къ нимъ, въ томъ числѣ и дамъ. Позднѣе при повторявшихся вопросахъ они быстро раздражались и, оборвавъ спрашивавшаго рѣзкимъ окрикомъ, тотчасъ скрывались. Лишь одинъ полковникъ въ синемъ мундирѣ и въ фуражкѣ вмѣсто каски, появлявшійся чаще другихъ, былъ милостивѣе и, заложивъ руки за спину, методично повторялъ много разъ: „der Krieg ist Krieg“—и невозмутимо шелъ дальше. Болѣе словоохотливымъ оказался одинъ изъ портье съ большой мѣдной бляхой на груди, который, хотя и оглядываясь по сторонамъ, сообщилъ намъ, что утромъ военныя власти передадутъ насъ гражданскимъ и вѣроятно многихъ отпустятъ въ концѣ кон-

цовъ. Какъ-бы въ утѣшеніе, видя наше угнетенное состояніе, онъ уже совсѣмъ шопотомъ прибавилъ: „а сейчасъ будутъ доставлены три вашихъ генерала изъ Франкфурта". Впослѣдствіи я узналъ, кто это были генералы и какъ съ ними обошлись. Но объ этомъ рѣчь ниже. Между тѣмъ поѣзда громыхали, въ дверь входили новые запасные, проходили мимо обыкновенные пассажиры, сначала съ недоумѣніемъ смотрѣвшіе на насъ, на минуту съ любопытствомъ останавливаясь, и затѣмъ всѣ неизмѣнно улыбаясь, довольные, уходили прочь. Лишь мы одни, здѣсь находившіеся русскіе, были лишены права свободно передвигаться, арестованные, какъ какіе либо преступники, не зная, въ чемъ заключается наша вина и какая участь ожидаетъ насъ завтра.

Долго, мучительно тянулись часы нашего невольнаго ожиданія въ Wartesaal III—IV класса. Глазъ примелькался и къ появлявшимся время отъ время новымъ партіямъ запасныхъ, и къ высокомѣрнымъ военнымъ, презрительно смотрѣвшимъ на насъ, и къ заглядывавшимъ съ улицы сквозь видимо намѣренно пріоткрытое мозаичное окно случайнымъ прохожимъ, толпившимся здѣсь не смотря, на поздній часъ ночи, чтобъ поглазѣть на первыхъ „плѣнныхъ". Нервы притупились, и казалось ничто уже не можетъ поразить насъ, что-бы ни случилось впереди съ нами послѣ этой безсонной ночи, полной униженій и ненужныхъ лишеній. Однако германцы сумѣли придумать для насъ нѣчто новое, заставившее встрепенуться даже наши притупленные всѣмъ предшествовавшимъ нервы....

VI.

Ровно въ 9 часовъ утра намъ было приказано, захвативъ съ собой весь тотъ багажъ, съ которымъ насъ высадили изъ поѣздовъ, выйти всѣмъ вмѣстѣ, въ сопровожденіи конвоя, на площадь передъ вокзаломъ. Торопились скорѣе очистить переполненную Wartesaal, такъ какъ съ утренними поѣздами ожидалось новое, большое количество русскихъ, которымъ предстояло перенести все то, что мы уже испытали. На наши вопросы, куда насъ поведутъ, солдаты или ничего не отвѣчали или съ ядо-

витой улыбкой бросали: „должно быть въ тюрьму“. Носильщики и портье, еще не исчезнувшіе въ это время на вокзалахъ Германіи (какъ было впослѣдствіи), на просьбы больныхъ и женщинъ помочь вынести багажъ. котораго по русскому обычаю у иныхъ было не мало, отворачивались и даже не смотрѣли на протягиваемые имъ деньги. А нести надо было непремѣнно все, какъ настойчиво требовало начальство. Несчастные люди безпорядочно толкались на одномъ мѣстѣ, роняя взгроможденные на плечи съ большимъ трудомъ чемоданы и баулы, вызывая своимъ поведеніемъ видимое раздраженіе у своихъ мучителей, не допускавшихъ очевидно, что здѣсь находились слабые и больные, а не шпіоны.

Наконецъ благодаря чрезмѣрному напряженію силъ и нервовъ, а можетъ быть и постояннымъ окрикамъ нашей стражи, всѣ, хотя и въ видѣ безпорядочнаго стада, вышли на площадь, нагруженные съ головы до ногъ своими вещами. То, что увидали мы здѣсь, я увѣренъ не забудется ни однимъ изъ русскихъ, пережившимъ все это. Напротивъ вокзала стояла огромная толпа народа, состоявшая изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ населенія, мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей. Полукругомъ, ближе къ вокзалу, стоялъ взводъ солдатъ, къ которымъ тотчасъ присоединились сопровождавшіе насъ солдаты. Наше появленіе было встрѣчено тысячной толпой торжествующими криками, среди которыхъ доносились до насъ возгласы „это—первые военно-плѣнные“! Лишь только послѣдніе изъ насъ выведены были изъ зданія вокзала на площадь, полукругъ солдатъ кругомъ нашей группы замкнулся, раздалась команда и тотчасъ вся рота солдатъ, взявъ ружья на перевѣсъ, щелкнула затворами, зарядивъ ружья, навинтила штыки и замерла съ обращенными въ нашу сторону дулами. Послышалось всхлипываніе дѣтей, около меня истерически вскрикнула одна дама, на всѣхъ лицахъ былъ испугъ и ожиданіе чего-то ужаснаго, а въ мозгу у меня, какъ вѣроятно у каждаго, запечатлѣлась въ эту минуту огненно-красная цифра „116“ (№ полка), ярко горѣвшая на каскахъ солдатъ. Все это продолжалось лишь нѣсколько мгновеній, послышалась новая команда, ружья были подняты на плечо, кругъ разомкнулся и мы

двинулись впередъ по улицѣ, конвоируемые съ двухъ сторонъ шеренгами солдатъ. Отлегло отъ сердца...

Вмѣстѣ съ нами за линіей цѣпи двинулась и вся толпа, отпуская на нашъ счетъ разныя замѣчанія, довольная видимо и собой, и всѣмъ происходящимъ. Я не замѣтилъ ни на одномъ лицѣ ни тѣни, если не сочувствія къ нашей участи, то хоть жалости при видѣ выбивающихся изъ силъ подъ палящими лучами солнца женщинъ и дѣтей, обремененныхъ при томъ же тяжелой ношей. Лишь двѣ бѣдно одѣтыя нѣмки съ испитыми лицами, видимо тяжелымъ трудомъ добывающія себѣ кусокъ хлѣба, или испытавшія на себѣ весь произволъ и муштру тевтонскихъ рыцарей, грустно посмотрѣли на насъ, покачали головой,— и пошли прочь. А мы шли по главной улицѣ черезъ весь городъ, сопровождаемые солдатами и толпой, къ которой по дорогѣ присоединялись все новыя лица, и, казалось, конца не будетъ этой дорогѣ. Мы вышли уже на шоссе въ поле, за черту города, пройдя по крайней мѣрѣ версты три и при томъ съ подъемомъ по возвышенности, а насъ, обливающихся потомъ, безъ отдыха, вели дальше и дальше. Нѣкоторые начали падать отъ усталости, выпуская изъ рукъ свои вещи. Первоначально въ этомъ случаѣ со стороны ближайшаго солдата слѣдовалъ грубый окрикъ и угроза штыкомъ ружья, но когда эти пріемы перестали помогать, и даже для германцевъ стало ясно, что люди дѣйствительно выбились изъ силъ, было скомандовано «на отдыхъ», и всѣ въ изнеможеніи опускались на пыльную дорогу, чтобы посидѣть тѣ 3—4 минуты, которыя разрѣшались для отдыха.

Всего мы прошли отъ черты города (какъ потомъ было установлено) $6^1/_2$ километровъ до какого-то загороднаго помѣщенія въ два этажа, носившаго названіе «Windhof» (въ родѣ покинутой или недостроенной мызы), при чемъ во весь путь были разрѣшены лишь три кратковременныхъ остановки. Вполнѣ естественно поэтому, что многіе больные, особенно сердечные (большинство арестованныхъ ѣхало изъ Наугейма) не могли вынести этого путешествія пѣшкомъ по солнцепеку и послѣ попытки вновь итти падали въ изнеможеніи, блѣдные, задыхающіеся. Когда одинъ старикъ-еврей упалъ и уже

болѣе не поднялся (умеръ отъ разрыва сердца), откуда-то появились три автомобиля, и офицеръ, сидѣвшій въ одномъ изъ нихъ, прокричалъ намъ, что тяжело больнымъ разрѣшается занять мѣста въ автомобиляхъ, но что по прибытіи въ «замокъ» («Schloss Windhof») всѣ они будутъ освидѣтельствованы военнымъ врачомъ, и тѣ, которые окажутся здоровыми, будутъ... разстрѣляны!

Послѣ такого приглашенія нашлось мало желающихъ ѣхать въ автомобиляхъ, а тѣ немногіе, которые рѣшились на это, находились въ такомъ состояніи, что имъ было уже все безразлично. Эти послѣдніе (нѣсколько дамъ и стариковъ) были настолько плохи, что ближайшимъ къ нимъ товарищамъ по несчастью пришлось чуть не нести ихъ на рукахъ до автомобиля. Ни одинъ человѣкъ изъ окружавшей насъ толпы, не говоря уже о конвойныхъ солдатахъ, не шевельнулся, чтобы помочь этимъ несчастнымъ добраться до автомобилей, или, по крайней мѣрѣ, перенести туда ихъ вещи... Мы были для нихъ ненавистные враги, при томъ же первые „военно-плѣнные", по отношенію къ которымъ единственнымъ кодексомъ морали было правило: «горе побѣжденнымъ!»

VII.

Широко распахнулись передъ нами ворота «Windhof'а», оказавшагося конечной цѣлью нашего мытарства. Огромный дворъ передъ самымъ зданіемъ мигомъ наполнился людьми облегченно вздохнувшими, наконецъ, послѣ того какъ стало яснымъ, что дальше уже никуда не поведутъ ихъ.

Никто, конечно, не зналъ, что ожидаетъ его здѣсь, но и не думалъ пока объ этомъ, радуясь, что тяжелый путь подъ палящими лучами солнца конченъ, и что какой-бы то ни былъ отдыхъ, хотя бы и въ заточеніи, наступитъ теперь. Дорогой, когда насъ вывели за городъ, въ поле, у многихъ мелькнула мысль (и нѣкоторые ее тогда высказали), ужъ не ведутъ ли всѣхъ насъ разстрѣливать. Солдаты на всѣ вопросы въ то время молчали, а гдѣ-то вдали порой слышалась барабанная трель и выстрѣлы. Насколько въ началѣ вся исторія, приключившаяся съ нами, представля-

лась какимъ то недоразумѣніемъ, которое скоро разъяснится къ нашему благополучію, настолько потомъ, послѣ пережитаго на вокзалѣ и около него,—казалось все возможнымъ, даже самое невѣроятное. Безъ сомнѣнія многіе изъ насъ за ту памятную ночь и въ послѣдующіе дни научились правильно цѣнить нѣмцевъ. Спасибо имъ за эту, къ сожалѣнію, запоздавшую, науку!..

Однако во дворѣ намъ позволили оставаться не долго. У входа въ зданіе появился на порогѣ какой-то штатскій и сдѣлалъ рукой знакъ солдатамъ, присматривавшимъ за нами. Раздалась вновь команда, и намъ было приказано не толпясь входить группами внутрь зданія. Въ дверяхъ стали два солдата, время отъ времени, когда надо было сдѣлать интервалъ между группами, осаживавшіе толпу штыками. Наконецъ и той группѣ, въ которой находились мы съ моимъ знакомымъ, пришлось войти въ зданіе. Не безъ чувства трепета переступили мы порогъ зданія. Будетъ ли оно для насъ тюрьмой, или временнымъ этапомъ на пути къ новымъ злоключеніямъ? Поднявшись на нѣсколько ступенекъ, мы взошли въ вестибюль, откуда нѣсколько дверей вели въ сосѣднія комнаты нижняго этажа. Двери были открыты настежъ, и мы увидѣли, что нѣкоторыя комнаты были уже наполнены вошедшими передъ нами. Стоявшіе и здѣсь солдаты указали намъ комнату, въ которой должна была помѣститься наша группа. Проходя въ нее мы замѣтили, что изъ вестибюля идетъ еще лѣстница наверхъ, отдѣленная отъ послѣдняго стеклянной дверью. Черезъ эту закрытую дверь (у которой стоялъ также часовой) смотрѣли на насъ наши соотечественники, исключительно мужчины, толпясь на ступенькахъ лѣстницы и съ любопытствомъ разсматривая насъ, вновь прибывшихъ. Среди этихъ, видимо ранѣе насъ попавшихъ въ заключеніе лицъ оказался знакомый моего товарища по путешествію. Въ моментъ, когда мы поровнялись со стеклянной дверью, онъ успѣлъ крикнуть намъ: „а мы здѣсь со вчерашняго дня, ночевали всѣ вмѣстѣ наверху на соломенныхъ мѣшкахъ!“ Часовой грубо окрикнулъ его, и дальнѣйшаго разговора вести было нельзя, но для насъ уже стало извѣстнымъ, какая участь ожидаетъ, быть можетъ, и насъ.

Комната, въ которую мы попали, оказалась большой и соединялась съ таковой же дальше. Насъ было втиснуто сюда человѣкъ полтораста, и у дверей (ведущихъ въ вестибюль) было поставлено два часовыхъ съ ружьями въ рукахъ, съ привинченными штыками. Въ обѣихъ комнатахъ, оказавшихся въ нашемъ распоряженіи, не находилось ни одного стула, ни одной скамейки, ни одного стола. Повидимому, зданіе давно уже было необитаемымъ. Въ этомъ убѣждала и сырость, чувствовавшаяся здѣсь повсюду. Пришлось размѣститься прямо на полу, пользуясь нѣкоторыми вещами вмѣсто сидѣнія. Около оконъ стояло нѣсколько боченковъ съ водой (нѣмцы все-таки позаботились о насъ), которые были тотчасъ же опорожнены всѣ. Затѣмъ откуда-то появились бутылочки съ краснымъ лимонадомъ, продававшіяся по 30 пфениговъ. Оказалось, что несмотря на нашъ арестъ и всѣ строгости, стража разрѣшала, или вѣрнѣе не обращала вниманія на то, что черезъ дверь время отъ времени велся торгъ расположившимся гдѣ-то во дворѣ продавцомъ прохладительныхъ напитковъ: практическій духъ нѣмцевъ сказался и въ этомъ. Но внутрь помѣщенія никто къ намъ не допускался, равно никого и не выпускали отсюда.

Насъ временно оставили въ покоѣ, предоставивъ самимъ себѣ. Въ несчастьи люди обыкновенно сближаются. И взамѣнъ прежней замкнутости и сосредоточенности, когда каждый думалъ лишь о себѣ (какъ было ночью на вокзалѣ, и дорогой), всѣ стали внимательнѣе другъ къ другу. Болѣе сильные старались помочь слабымъ, добывали для нихъ воду, лимонадъ, устраивали на полу нѣчто въ родѣ ложа для больныхъ и выбившихся изъ силъ. А нѣкоторымъ было очень худо, въ особенности страдавшимъ сердечными болѣзнями. Блѣдные лежали они, и около нихъ суетились съ компрессами и каплями ихъ близкіе. Не обошлось все-таки безъ несчастнаго случая. Въ то время какъ мы въ ожиданіи грядущаго расположились всѣ на полу со своими вещами, напоминая собой по всей вѣроятности евреевъ передъ великимъ переселеніемъ, вдругъ изъ смежной комнаты раздался раздирающій душу крикъ. Бросились туда и увидали страшную картину: въ углу лежала одинокая дама, а изъ ея губъ, какъ

змѣйка, струилась по лицу кровь и капала на полъ. Я вспомнилъ, что еще дорогой обратилъ вниманіе на эту весьма болѣзненную на видъ даму, неоднократно падавшую отъ утомленія и подбадриваемую всякій разъ солдатомъ при помощи штыка. И вотъ теперь, повидимому, сказался результатъ чрезмѣрнаго напряженія и волненія. И никого изъ близкихъ не было около нея въ эту минуту. Она лежала совершенно неподвижно, какъ мертвая, не слышно было больше ни крика, ни стона. Однако прежній, нечеловѣческій крикъ былъ услышанъ стражей, и раньше чѣмъ мы успѣли что-нибудь предпринять, два рослыхъ солдата, одинъ у головы, а другой у ногъ, унесли ее прочь отъ насъ,—и больше мы ее не видали... Такъ и осталось не выясненнымъ, погибла ли она отъ разрыва сердца, или осталась жива.

VIII.

Намъ все-таки посчастливилось и не пришлось ночевать на мѣшкахъ съ сѣномъ, о которыхъ говорилъ намъ знакомый моего товарища по путешествію. Предсказаніе добряка портье на вокзалѣ (единственнаго пока германца, отнесшагося къ намъ по человѣчески) о томъ, что насъ передадутъ гражданскимъ властямъ, начало сбываться. По шуму подъѣхавшаго автомобиля и начавшейся вслѣдъ за тѣмъ суетнѣ въ вестибюлѣ мы догадались, что прибыло наше новое начальство. Дѣйствительно, появилось нѣсколько штатскихъ лицъ, среди которыхъ, какъ потомъ мы узнали, находились бургомистръ и уполномоченный Landrat'a (губернатора). Въ вестибюлѣ былъ поставленъ столикъ, за которымъ усѣлся этотъ послѣдній, и начался допросъ.

Всѣ забыли объ усталости и ринулись къ дверямъ, чтобъ занять поскорѣе первую очередь. Вновь каждый былъ поглощенъ заботами лишь о себѣ, и впереди оказались тѣ, у кого крѣпче были мускулы и сильнѣе локти. Не помогали оклики и угрозы часовыхъ, начинавшихъ уже терять самообладаніе, такъ какъ задніе ряды напирали на переднія, а эти невольно отталкивали стражу отъ дверей. Тогда оба часовыхъ, размахивая въ стороны сабле-

видными штыками, бросились въ проходъ и опрокинувъ нѣсколькихъ лицъ, возстановили порядокъ. Торопливость наша была излишней, такъ какъ первой допрашивалась та партія, которая прибыла еще вчера вечеромъ и ночевала здѣсь. Тѣмъ не менѣе давка не уменьшалась, такъ какъ никто не хотѣлъ потерять своей очереди, и несмотря на страшное утомленіе и разбитость, каждый терпѣливо оставался на ногахъ, держа наготовѣ около себя свои вещи. Наконецъ послѣ долгаго ожиданія наступилъ и нашъ чередъ подойти къ завѣтному столику, чтобъ предъявить свои документы и отвѣчать на пытливо задаваемые вопросы. Волна, напиравшая сзади, прорвавъ передніе ряды, вынесла насъ внезапно черезъ двери въ вестибюль. Часовой бросился назадъ, чтобы осадить задніе ряды, но мы уже оказались ближайшими къ столику, и вскорѣ начался нашъ допросъ.

«Кто Вы? Вашъ паспортъ? Зачѣмъ Вы прибыли въ Германію?» быстро задавалъ вопросъ на правильномъ русскомъ языкѣ маленькій человѣкъ въ свѣтломъ костюмѣ, повидимому оффиціальный переводчикъ, стоявшій около столика, за которымъ сидѣлъ главный чиновникъ, записывавшій уже по нѣмецки на особомъ листѣ фамилію и положеніе каждаго. Этотъ же чиновникъ выдавалъ пропускъ тому, чьи объясненія были признаны удовлетворительными. Я лично не видѣлъ ни одного случая задержанія здѣсь послѣ допроса, и всѣ лица, которыхъ я случайно замѣтилъ, были освобождены, какъ и я, и получили пропускъ въ видѣ крошечнаго листка бумаги, на которомъ карандашомъ было написано: «Entlassen», а внизу стояла подпись „Zinn“. Сколько радости чувствовалъ тогда всякій изъ насъ, бережно держа въ рукѣ этотъ клочекъ бумажки! Забыты были пережитыя униженія, утомленіе, вновь думалось что все случившееся съ нами—лишь досадный результатъ какого-то недоразумѣнія. Теперь, казалось, все выяснилось, и впереди не можетъ случиться ничего подобнаго только что пережитому. И какъ-бы въ подтвержденіе такой увѣренности допрашивавшій насъ прибавилъ:

«Вы можете ѣхать теперь куда угодно!»

Я вспомнилъ слышанное еще въ Гомбургѣ о прекра-

щеніи пассажирскаго движенія на 2-ой день мобилизаціи, а слѣдовательно сегодня въ полночь,—и спросилъ:

«Но вѣдь до границы мы уже не доберемся сегодня. Можно ли вернуться обратно въ Гомбургъ, чтобы переждать возобновленія поѣздовъ?»

«Повторяю, можете ѣхать куда хотите. Я самъ сегодня до 12 часовъ ночи долженъ возвратиться домой,—въ Франкфуртъ!»

На душѣ сдѣлалось еще легче. И мигомъ созрѣло въ головѣ рѣшеніе. Скорѣй туда, въ милый Гомбургъ, гдѣ насъ знаютъ, гдѣ нашъ хозяинъ докторъ, теперь лейтенантъ ландвера, въ случаѣ необходимости конечно за насъ заступится!.. Забравъ вещи, которыхъ здѣсь ни у кого не осматривали (и отгоняя отъ себя назойливый вопросъ: зачѣмъ же было заставлять по жарѣ тащить ихъ?), мы поспѣшили выйти изъ этого зданія, которое чуть было не сдѣлалось нашей тюрьмой. Въ дверяхъ мы увидали впервые силу талисмана—пропуска: два солдата, стоявшіе у выхода, скрестивши сабли-штыки, тотчасъ опустили ихъ, когда имъ предъявили бумажку съ магическимъ словомъ „entlassen“!

Во дворѣ толпились «отпущенные», къ которымъ присоединились теперь и мы. Чувство свободы наполняло сердца всѣхъ. Слышались даже кой-гдѣ веселыя замѣчанія, шутки. И какъ это ни странно, не замѣчалось враждебнаго чувства къ нѣмцамъ, невѣдомо для чего, словно для нашего униженія, заставившимъ насъ промаршировать съ вещами нѣсколько верстъ. Промаршировать въ какое-то загородное помѣщеніе, гдѣ ожидала насъ комедія допроса, который едва ли могъ дать что-либо новое послѣ основательнаго обыска и провѣрки документовъ, произведенныхъ на вокзалѣ. Получалось впечатлѣніе, что нѣмцы дѣйствовали здѣсь по заранѣе выработанному плану, и, будучи пунктуальны и методичны, производили все по порядку, даже тогда, когда нѣкоторыя детали, какъ лишнія, должны бы были отпасть. Послѣдующія событія подтвердили вполнѣ справедливость такого предположенія.

Толпившіеся русскіе видимо не знали, какъ имъ поступить теперь: ѣхать ли дальше по направленію къ границѣ, безъ увѣренности достигнуть ее, или возвратиться въ тотъ

курортъ, откуда они наканунѣ выѣхали. Положеніе осложнялось тѣмъ, что у многихъ осталось весьма немного денегъ, такъ какъ они пріобрѣли себѣ билеты прямого сообщенія до русскихъ станцій. Большинство, въ особенности люди семейные и наиболѣе больные, рѣшили ѣхать обратно въ свой курортъ и подождать тамъ болѣе благопріятнаго для путешествія времени, лишь немногіе смѣльчаки рискнули продолжать путь, чтобъ застрять гдѣ-либо все-таки поближе къ границѣ. Мы съ моимъ товарищемъ долго колебались, какъ поступить. Я настаивалъ на движеніи къ намѣченной цѣли, т. е. къ границѣ, а псаломщикъ умолялъ поскорѣй вернуться въ Гомбургъ. Въ результатѣ я уступилъ его доводамъ, такъ какъ чувствовалъ, что въ случаѣ возможныхъ новыхъ испытаній мы не выдержимъ и окончательно свалимся съ ногъ. И дѣйствительно, какъ впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, всѣ рискнувшіе продолжать путешествіе или пропали безъ вѣсти, или застряли въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гиссена въ слѣдующемъ капканѣ, заботливо устроенномъ для русскихъ нѣмцами,—и просидѣли тамъ безъ права выѣзда мѣсяцы до момента возвращенія на родину на основаніи соглашенія между Россіей и Германіей.

Итакъ, мы рѣшили какъ можно скорѣй вернуться въ Гомбургъ подъ сѣнь „русскаго дома", и не дожидаясь, какъ громадное большинство остальныхъ, прихода парового трамвая, на которомъ спустя часъ или два можно было доѣхать до вокзала, вышли на шоссе, чтобы пѣшкомъ итти къ нему по знакомому уже намъ пути.

IX.

Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по шоссе, какъ на поворотѣ, въ сторонѣ отъ дороги, увидали стоявшую крестьянскую телѣгу, высокую, неуклюжую, на которой къ нашему удивленію находились размѣстившіеся коекакъ, въ перемѣшку съ вещами, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ и соотечественницъ. Два поселянина, сидѣвшіе впереди, знаками приглашали насъ воспользоваться оставшимся еще свободнымъ пространствомъ. Мы взобрались съ вещами на телѣгу и кое-какъ устроились въ

общей кучѣ, свѣсивши ноги внизъ. Лошадь тронулась рысью, и нашъ незатѣйливый экипажъ загромыхалъ по шоссе, вздрагивая на его неровностяхъ. Приходилось все время держаться руками, чтобъ не свалиться, за перекладину телѣги и ежеминутно водворять на мѣсто скользившія вещи. Внутри насъ все переворачивалось, и мутило, но было не до того, чтобы разбираться въ своихъ ощущеніяхъ.

Наши возницы оказались двумя упитанными нѣмцами, съ мало выразительными лицами. Одинъ изъ нихъ все время, молча, покуривалъ сигару, а другой то и дѣло ударялъ въ воздухѣ бичемъ, ободряя спѣшившую домой лошадку, и постоянно оглядывался съ опаской назадъ. Они отвозили что-то на заводъ, находившійся недалеко отъ Windhof'а и теперь, возвращаясь оттуда, согласились подвезти насъ за вознагражденіе до черты города, но не далѣе. Повидимому, они опасались, какъ-бы имъ не досталось за помощь русскимъ и старались держаться особнякомъ, не вступая съ нами въ разговоры, въ душѣ, быть можетъ, ненавидя насъ, какъ враговъ, однако не желая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ практичные люди, упустить что называется съ неба упавшія имъ деньги. За то сидѣвшая ближе всѣхъ къ нимъ дама всячески пыталась вызвать ихъ на разговоръ и расположить въ свою пользу.

«Я—не русская, понимаете, не русская, а прибалтійская нѣмка», говорила она, подчеркивая слова. «Что жъ дѣлать, когда у насъ ничего нѣтъ, и намъ приходится ѣздить къ вамъ и лечиться, и учиться!. А что насъ продержали всю ночь на вокзалѣ и отправили сюда пѣшкомъ подъ конвоемъ, такъ кто знаетъ, можетъ быть нѣмцамъ въ Россіи теперь еще хуже. Даже навѣрно хуже!..»

Не знаю, что почувствовали къ ней послѣ этого нѣмцы, продолжавшіе молча сидѣть и самодовольно улыбаться, но мы, всѣ остальные, чувствовали стыдъ и презрѣніе. Никто изъ насъ не проронилъ ни слова и, отвернувшись, каждый, видимо, старался не слушать дальнѣйшихъ изліяній барыньки, хотя послѣдняя обращалась поминутно и въ нашу сторону, словно указывая на насъ, какъ на лицъ, могущихъ засвидѣтельствовать справедливость ея словъ о «варварской» Россіи. Мой сосѣдъ не удержался и шопотомъ сказалъ мнѣ: „а хорошо, все-таки,

что она, хоть и нѣмка, а испытала отъ нѣмцевъ же все то, что и мы!..“

Вдали показалось облачко пыли и вслѣдъ за нимъ черная масса идущихъ навстрѣчу намъ людей. Невольно все вниманіе обратилось въ ту сторону. Наши возницы сначала проявили нѣкоторые признаки безпокойства но затѣмъ, усмѣхнувшись, погрузились въ свое прежнее, безразличное, состояніе.

„Это ведутъ новую партію захваченныхъ русскихъ“, сказалъ одинъ изъ нихъ, ни къ кому собственно не обращаясь, такимъ тономъ, какимъ говорятъ обыкновенно о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ и вполнѣ естественныхъ.

Чѣмъ ближе приближалась толпа людей, тѣмъ яснѣй вырисовывалась знакомая намъ уже картина: конвойные по обѣимъ сторонамъ дороги, обезсиленные, нагруженные багажемъ мужчины, женщины и дѣти, съ выраженіемъ растерянности и страха на лицахъ. Хотѣлось ободрить хоть однимъ словомъ несчастныхъ. Когда толпа поравнялась съ нами, я, набравшись храбрости, рискнулъ крикнуть ближайшимъ проходившимъ: «не бойтесь, ничего страшнаго не будетъ. Всѣхъ отпустятъ!» Наша нѣмка въ ужасѣ замахала на меня руками и воскликнула: „что Вы дѣлаете? Вы насъ всѣхъ погубите!.“ Мой сосѣдъ (псаломщикъ) раскланивался между тѣмъ съ проходившими въ рядахъ гомбургскими знакомыми, и шепнулъ мнѣ, указывая глазами на двухъ пожилыхъ русскихъ: „вотъ идутъ наши сенаторы Н. и графъ Т.“ Мы оба невольно переглянулись другъ съ другомъ. Итакъ германцы не дѣлали различія ни между больными и здоровыми, ни между простыми и болѣе знатными, даже носящими старинную нѣмецкую фамилію. Все дѣло было въ томъ, что каждый изъ насъ прибылъ изъ Россіи, имѣлъ въ карманѣ русскій паспортъ, а потому во всякомъ подозрѣвался непремѣнно шпіонъ. Это было просто и по своему справедливо. «Вотъ признаки нашей культуры», могли сказать они,—«ко всѣмъ одинаковое отношеніе, будь то здоровый или умирающій, будь простой рабочій или интеллигентъ, или даже знатной фамиліи: полное равноправіе!» Да, можно согласиться съ ними, дѣйствительно одинаково безсердечное отношеніе ко всѣмъ!..

Впереди показался мостикъ черезъ рѣчку, за которой вскорѣ начинался уже городъ. Дальше этого мостика не рѣшались везти насъ наши возницы. Пришлось вновь взвалить себѣ багажъ на плечи и нести его на вокзалъ черезъ весь городъ. Когда мы слѣзали съ телѣги, по мостику проходили два рослыхъ нѣмца, и одинъ изъ нихъ, въ форменной фуражкѣ, увидя насъ, и видимо догадываясь, откуда мы возвращаемся, усмѣхнулся и крикнулъ:

„Ну что, русскіе, хорошо въ Германіи? Вѣдь вамъ нравится?. Что?!“

Послѣ всего перенесеннаго вопросъ этотъ казался насмѣшкой. Мы молчали. Тогда, остановившись и поднявъ угрожающе руку, онъ злобнымъ голосомъ прибавилъ:

«Отвѣчайте же, чертъ васъ возьми, разъ васъ спрашиваютъ!..»

„Да, да, нравится“, поспѣшили мы сказать, мысленно презирая себя за малодушіе, но сознавая въ то же время всю опасность противодѣйствовать теперь надвинувшейся на насъ грубой силѣ.

„Ага, такъ лучше будетъ!», самодовольно проговорилъ нѣмецъ, присоединяясь къ своему товарищу.

Опустивъ голову, словно незаслуженно побитые, мы молча продолжали нашъ путь къ вокзалу, стараясь миновать тѣ людныя улицы, по которымъ насъ вели утромъ. Встрѣчные подозрительно насъ осматривали съ головы до ногъ и слѣдили за нами до поворота въ новую улицу, гдѣ мы опять дѣлались предметомъ вниманія новыхъ лицъ. Несмотря на то, что я зналъ Гиссенъ, такъ какъ когда-то осматривалъ его научныя учрежденія, мы скоро сбились съ дороги, и мнѣ пришлось обратиться съ вопросомъ, какъ пройти къ вокзалу, къ одному изъ встрѣчныхъ. Указавъ путь, онъ добавилъ намъ въ догонку:

„Вы—русскіе. Такъ идите, идите скорѣй на вокзалъ: тамъ давно ждутъ васъ!“ И злорадство послышалось въ его голосѣ. Онъ принялъ насъ, очевидно, за только что отправляющихся изъ Гиссена жившихъ тамъ русскихъ, и зналъ, что на вокзалѣ находится отрядъ солдатъ, задачей котораго было арестовывать какъ русскихъ, проѣзжавшихъ черезъ Гиссенъ, такъ и всѣхъ намѣревавшихся выбраться

изъ города. Мы полагали, что намъ, уже прошедшимъ черезъ „чистилище“, въ которое всѣхъ русскихъ направляли съ вокзала, не предстоитъ въ немъ больше никакихъ испытаній.

X.

Наконецъ мы добрались до желаннаго вокзала. У входа ходилъ взадъ и впередъ солдатъ съ ружьемъ за спиной и требовалъ пропускъ у каждаго, желавшаго пройти внутрь. Мы предъявили полученный въ Windhof'ѣ клочекъ бумаги съ надписью „entlassen“, и солдатъ насъ тотчасъ пропустилъ. Въ душу закрадывалась увѣренность въ счастливомъ окончаніи нашего путешествія, и мы вновь начали подумывать, не попытаться ли намъ продолжать такъ неудачно начатый путь по направленію къ Стокгольму. Однако висѣвшее на стѣнѣ объявленіе относительно прекращенія всякаго пассажирскаго движенія въ полночь второго мобилизаціоннаго дня, т. е. именно сегодня,—напомнило намъ о неосуществимости подобнаго намѣренія: было уже около 5 часовъ дня, и до полуночи намъ не удалось бы добраться даже до Гамбурга, не говоря уже о границѣ. Къ тому же, испытавши на себѣ всѣ прелести ареста на вокзалѣ и пребыванія въ Windhof'ѣ, мы страшились перспективы вновь пережить что-ли подобное по дорогѣ къ Гамбургу. Дѣйствительность подтвердила основательность нашихъ опасеній: впослѣдствіи мы узнали, что на всѣхъ большихъ станціяхъ по пути къ Берлину и къ границамъ германцами были устроены такія же „облавы“ на русскихъ, какъ въ Гиссенѣ. Итакъ, рѣшено было пока возвратиться въ нашъ курортъ Гомбургъ, переждать тамъ окончанія мобилизаціи и затѣмъ выѣхать черезъ Данію или Швецію въ Россію.

Едва мы переступили порогъ вокзала, какъ сдѣлались центромъ вниманія находившейся здѣсь публики: старики, женщины, дѣти, стоя поодаль, подозрительно посматривали на насъ, не теряя насъ изъ вида, но активно ничѣмъ не проявляя своего недовѣрія къ намъ. Я подошелъ къ кассѣ, чтобы взять билеты до Гомбурга черезъ Бадъ Наугеймъ, минуя Франкфуртъ. Кассиръ также потребо-

валъ предъявить пропуски и, получивъ требуемое, долго разсматривалъ бумажки, словно сомнѣваясь въ ихъ подлинности.

«Почему же нѣтъ штемпеля?» пытливо спросилъ онъ.

Мы въ недоумѣніи переглянулись другъ съ другомъ.

„Какого штемпеля?“ робко задалъ я вопросъ.

„Всѣ пропуски должны быть снабжены штемпелемъ лица, выдавшаго ихъ“, послѣдовалъ отвѣтъ.

Я объяснилъ, при какихъ обстоятельствахъ и гдѣ получены были нами эти крошечныя бумажки, игравшія для насъ роль талисмана, и въ доказательство показалъ проѣздныя книжки до Стокгольма, полученныя въ Франкфуртѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія, все еще съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, кассиръ выдалъ намъ билеты. Проходившій въ это время мимо кондукторъ, услыхавъ, что мы были высажены вчера съ поѣзла прямого сообщенія Франкфуртъ—Гамбургъ. взялъ въ руки наши проѣздныя книжки на Стокгольмъ и внимательно сталъ разсматривать ихъ, словно и здѣсь подозрѣвался какой-либо обманъ съ нашей стороны. Книжки были обыкновенныя, германскаго происхожденія,—и странно было, что и къ нимъ относятся теперь съ подозрѣніемъ. Повертѣвъ ихъ въ рукахъ, кондукторъ, указывая на оттиснутый на книжкахъ желѣзнодорожный орелъ, глубокомысленно замѣтилъ:

„И здѣсь штемпель не настоящій германскій, а какого-то другого государства“.

Это было уже совсѣмъ удивительно и неожиданно. Публика, стоявшая поодаль, сомкнулась вокругъ насъ кольцомъ и съ интересомъ наблюдала, что будетъ дальше. Мы начинали чувствовать себя въ роли уличенныхъ и пойманныхъ шпіоновъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, если бы на наше счастье въ этотъ моментъ не загромыхалъ приближающійся скорый поѣздъ, и публика, равно и кондукторъ, не устремились на перронъ. торопясь попасть на этотъ, одинъ изъ послѣднихъ поѣздовъ, останавливавшійся здѣсь всего на двѣ минуты.

«Что же это такое, думалось мнѣ, недомысліе. или просто издѣвательство? И почему на пропускѣ не оказалось штемпеля, разъ онъ необходимъ? Забыли ли его оттиснуть, или намѣренно этого не сдѣлали, чтобъ доста-

вить намъ новыя непріятности»? Если послѣднее предположеніе представлялось позднѣе, когда чаша пребыванія въ германскомъ плѣну была выпита до дна, весьма вѣроятнымъ,—исторія съ орломъ уже черезъ нѣсколько минутъ, когда мы сидѣли въ купе поѣзда, мчавшаго насъ обратно къ Гомбургу, была выяснена нами вполнѣ. Вглядываясь теперь спокойно въ злополучный оттискъ желѣзнодорожнаго орла, я замѣтилъ, что кондукторъ разсматривалъ этотъ оттискъ не съ передней поверхности, а съ задней. Стоило перевернуть книжку, чтобъ убѣдиться, что оттискъ герба проходитъ съ первой ея страницы до послѣдней, при чемъ лицевая сторона его находится сверху на обложкѣ. Снизу обложки гербъ дѣйствительно представлялся неестественнымъ, и понятно было сомнѣніе кондуктора, почему-то обратившаго вниманіе лишь на обратную сторону оттиска, не вполнѣ ясными контурами выступавшаго здѣсь.

Легко стало у насъ на сердцѣ, когда мы возвращались въ Гомбургъ. Послѣ всего пережитаго, казавшагося тяжелымъ кошмаромъ, пріятно было сознавать, что въ Гомбургѣ у насъ есть знакомые и даже пріятели среди нѣмцевъ, которые, разумѣется, заступятся за насъ въ случаѣ надобности и удостовѣрятъ, что мы не шпіоны, а курортные гости, прибывшіе въ Германію ради леченія. Однако прежде чѣмъ мы добрались наконецъ подъ сѣнь нашего „русскаго дома“ въ Гомбургѣ, намъ пришлось испытать еще одно приключеніе, едва-ли не самое серьезное изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ.

XI.

Поѣздъ, на которомъ мы ѣхали, шелъ до Франкфурта. Желая избѣжать пересадки во Франкфуртѣ, мы, какъ упоминалось, взяли билеты въ Гомбургъ по другому, кратчайшему, направленію—черезъ Наугеймъ. Приходъ нашего поѣзда въ Наугеймъ совпадалъ съ отходомъ оттуда поѣзда до Гомбурга, и мы предполагали, что на этой, сравнительно маленькой, станціи мы не встрѣтимъ никакихъ неожиданностей. Дѣйствительность жестоко разочаровала насъ въ этомъ. Едва только мы сошли съ под-

ножки вагона, намѣреваясь перейти въ стоявшій на сосѣднихъ рельсахъ гомбургскій поѣздъ, какъ къ намъ подошли два штатскихъ господина съ широкой бѣлой перевязью на лѣвомъ рукавѣ и пригласили насъ вмѣстѣ съ другими русскими, пріѣхавшими съ этимъ поѣздомъ, въ стеклянную веранду, расположенную тутъ же на платформѣ вдоль рельсовъ. Здѣсь мы увидали на полу знакомые намъ по Windhof'у мѣшки съ соломой, правильными рядами тянувшіеся отъ одной стѣнки до другой. Потребовали показать всѣ документы и бумаги, открыть чемоданы, и начался вновь обыскъ и допросъ. Напрасно мы и остальные задержанные показывали разрѣшеніе, выданное намъ въ Гиссенѣ, напрасно объясняли, что мы уже подвергались всѣмъ испытаніямъ и были отпущены изъ Гиссена, какъ не внушившіе никакихъ подозрѣній. Все было тщетно. Наши мучители не обращали вниманія на наше объясненіе и на разрѣшеніе изъ Гиссена, и грубо заявляли:

„То было въ Гиссенѣ, а здѣсь Наугеймъ."

Наконецъ обыскъ былъ оконченъ, и мы хотѣли направиться къ гомбургскому поѣзду. Однако стражники тотчасъ загородили намъ дорогу и злобно прокричали:

„Вы не имѣете права выѣхать изъ Наугейма, пока не доставите полицейскаго разрѣшенія отъ мѣстной власти!"

Всѣ наши мольбы разрѣшить намъ ѣхать съ поѣздомъ были напрасны. Напрасны были и просьбы справиться о насъ по телефону въ Гомбургъ, въ тамошнее полицейское управленіе, которое могло бы удостовѣрить, кто мы, тогда какъ для наугеймскаго управленія мы были люди совершенно неизвѣстные. Оба стражника и присоединившійся къ нимъ начальникъ станціи стояли на своемъ и требовали удостовѣренія отъ наугеймскаго начальника полиціи. Между тѣмъ поѣздъ въ Гомбургъ на нашихъ глазахъ отошелъ. Оставался еще одинъ только поѣздъ въ Гомбургъ, который отправлялся черезъ 2 часа. Приходилось покориться, и оставивъ свои вещи внизу вокзала въ бюро на сохраненіе,—мы рѣшили попытаться добыть разрѣшеніе отъ наугеймской полиціи.

Въ вестибюлѣ вокзала стояли у окна безъ дѣла носильщики, и среди нихъ я замѣтилъ знакомаго мнѣ (подъ № 6), который неоднократно носилъ для меня вещи въ

мои частые пріѣзды въ Наугеймъ въ прежнее время. Разсчитывая на его помощь, я обратился къ нему съ вопросомъ, гдѣ находится полицейское управленіе и какъ короче всего пройти къ нему. Къ моему изумленію вмѣсто отвѣта онъ, заложивъ руки за спину, отвернулся отъ меня и сталъ смотрѣть въ окно. Повторивъ вопросъ, я убѣдился, что онъ демонстративно не желаетъ имѣть со мной никакого разговора. Пробѣгалъ мимо подростокъ-мальчикъ. Я спросилъ его, далеко ли отсюда полицейское управленіе, и попросилъ проводить насъ туда, посуливъ на чай. Мальчуганъ съ радостью побѣжалъ впередъ, чтобъ указать намъ дорогу, но въ ту же минуту на него прикрикнули старшіе, а мой носильщикъ схватилъ его за руку и вытолкалъ въ сосѣднюю дверь.

Сконфуженные мы вышли изъ подъѣзда вокзала. Что было дѣлать? Какъ найти полицейское управленіе, когда никто не желалъ намъ указать, гдѣ оно находится, а вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось доставить отъ него разрѣшеніе для продолженія путешествія? У подъѣзда стояли извощичьи экипажи. Набравшись храбрости, мы смѣло подошли къ ближайшей пролеткѣ, и занявъ мѣста, приказали везти себя въ полицейское управленіе. Извощикъ недовѣрчиво покосился на насъ, однако взобрался тотчасъ на козлы и, не промолвивъ ни слова, быстро повезъ насъ.

Мы проѣхали по длинной Parkstrasse, затѣмъ свернули налѣво въ боковую улицу и остановились у зданія полицейскаго управленія. Ребятишки, игравшіе въ палисадникѣ, вдругъ притихли и со вниманіемъ разглядывали насъ. Поднявшись по лѣстницѣ, мы постучались въ дверь № 8, на которой была прибита дощечка съ указаніемъ часовъ пріема начальника полиціи. Вышелъ полицейскій, который на мою просьбу доложилъ о насъ своему шефу, рѣзко потребовалъ, чтобъ мы сначала ему изложили, въ чемъ дѣло. Выслушавъ насъ, онъ приказалъ намъ оставаться на лѣстницѣ, а самъ пошелъ въ комнату. гдѣ началъ дѣлать докладъ о насъ начальнику. Намъ черезъ дверь было слышно, какъ многократно было повторено, что мы пріѣхали изъ Гиссена, какъ затрещалъ телефонъ и была вызвана желѣзно-дорожная станція, и заданъ вопросъ, кто мы такіе. Чувствовалось, что съ нашимъ

прибытіемъ хотятъ связать какое то происшествіе въ Гиссенѣ, и что намъ начинаетъ грозить новая опасность. Мнѣ вспомнилось, что когда мы арестованными еще находились въ Wartesaal гиссенскаго вокзала, кто-то изъ русскихъ разсказывалъ о распускаемомъ нѣмцами для оправданія своихъ издѣвательствъ надъ нами слухѣ, будто около Гиссена однимъ русскимъ студентомъ была сдѣлана попытка взорвать мостъ. Мы тогда не придали никакого значенія этому вздорному обвиненію. Теперь же невольно закрадывалось въ душу опасеніе.

«Не уйти ли намъ по добру, по здорову, пока дверь не отворилась, и насъ не пригласили къ начальнику полиціи?» спросилъ я своего товарища. Послѣдній, не понимавшій нѣмецкаго языка, а потому и не разобравшій, какой разговоръ велся о насъ въ комнатѣ № 8, былъ противъ преждевременнаго ухода, полагая, что хуже того, что было, не будетъ.

Наконецъ дверь отворилась, и полицейскій знакомъ предложилъ намъ войти. У стола сидѣлъ господинъ въ штатскомъ съ нахмуренными бровями. Грозно взглянувъ на насъ, онъ спросилъ, кто мы такіе. Я протянулъ ему свою визитную карточку (на нѣмецкомъ языкѣ) и объяснивъ, какъ мы попали въ Наугеймъ, просилъ о выдачѣ намъ разрѣшенія доѣхать до Гомбурга.

„Вы—изъ Гиссена!“ закричалъ онъ на насъ. «Можетъ быть вы—шпіоны, и потому должны остаться оба здѣсь, въ Бадъ Наугеймѣ!»

Спокойно, призвавъ на помощь все самообладаніе, я замѣтилъ, что въ Россіи профессора не занимаются шпіонажемъ, а въ доказательство нашей непричастности къ Гиссену показалъ ему случайно сохранившіеся у меня въ карманѣ счета отъ доктора Ш. за 4 недѣли пребыванія въ его пансіонѣ въ Гомбургѣ.

Но мои доводы не дѣйствовали на нѣмца. Замахавъ руками и даже не взглянувъ на счета, онъ вновь закричалъ:

„Все равно, вы должны остаться въ Бадъ Наугеймѣ!“

Я попробовалъ было возразить еще разъ, насколько неудобно для насъ оставаться жить въ такое время въ Наугеймѣ, гдѣ мы не имѣемъ ни квартиры, ни знакомыхъ, ни наконецъ въ достаточномъ количествѣ денегъ. Однако

все было тщетно: начальникъ полиціи раздражался все больше, лицо его побагровѣло, и теперь онъ уже не только кричалъ на насъ, но началъ топать ногами и стучать кулакомъ по столу. Мы невольно попятились къ двери, у которой стоялъ, вытянувшись въ струнку, полицейскій, введшій насъ сюда. Знакомъ онъ показалъ намъ, что мы должны выйти, и отворилъ дверь.

Ошеломленные спускались мы по лѣстницѣ, сопровождаемые полицейскимъ.

„Что же мы должны сейчасъ дѣлать?“ упавшимъ голосомъ спросилъ я его.

„Ступайте нанимать комнату, а затѣмъ вернитесь сюда сообщить адресъ!“ безразличнымъ тономъ отвѣтилъ онъ, и не смотря больше на насъ, пошелъ по направленію къ Parkstrasse.

Мы остались одни на опустѣвшей улицѣ, безпомощные, не зная, что теперь предпринять. Слезы подступали къ горлу, камнемъ давило на сердцѣ, и разумъ въ безсильи отказывался найти выходъ изъ положенія.

„Пойдемъ искать комнату“, предложилъ наконецъ я.

„А можетъ быть зайдемте сначала къ нашему наугеймскому батюшкѣ: онъ живетъ здѣсь недалеко“, неувѣренно промолвилъ мой молчаливый товарищъ.

„Такъ что же Вы молчали до сихъ поръ, что у Васъ есть тутъ знакомый священникъ? Идемте скорѣй: онъ поможетъ намъ!“ воскликнулъ я, и вновь надежда на что-то лучшее затеплилась въ душѣ...

XII

Священникъ, какъ оказалось, уже выѣхалъ два дня тому назадъ въ Россію. Уѣхалъ также и псаломщикъ. Объ этомъ мы узнали отъ сторожа—нѣмца, на попеченіи котораго осталось все церковное имущество.

Толстякъ сторожъ, знавшій моего товарища, такъ какъ послѣдній незадолго передъ тѣмъ былъ въ Наугеймѣ въ гостяхъ у священника, встрѣтилъ насъ ласково. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ и о томъ, что намъ вѣроятно придется невольно остаться въ Наугеймѣ, онъ горячо запротестовалъ противъ самой возможности допущенія чего-либо подобнаго.

«Зачѣмъ же вамъ оставаться здѣсь, если вы такъ близко находитесь отъ Гомбурга, гдѣ вы все время жили?» говорилъ онъ добродушнымъ тономъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы упрекая насъ за непрактичность такого рѣшенія. „Ну если нельзя ѣхать съ поѣздомъ, поѣзжайте на автомобилѣ или просто на извощикѣ!“ добавлялъ онъ вразумительно.

Его жена одобрительно кивала головой, сочувственно поглядывая на насъ обоихъ.

Сидя тогда въ ихъ каморкѣ и слыша слова одобренія и участія, не вѣрилось, что еще такъ недавно надъ нами всѣ издѣвались,—и все пережитое казалось какимъ-то тяжелымъ сномъ, а не дѣйствительностью. Однако факты оставались фактами: намъ было только-что запрещено выѣхать изъ Наугейма, и не безопасной представлялась теперь попытка добраться тѣмъ или другимъ способомъ до Гомбурга.

Видя наше колебаніе, старикъ не выдержалъ: махнулъ своей женѣ рукой и всталъ, къ чему-то видимо приготавливаясь. Жена вышла въ сосѣднюю комнату и принесла оттуда крахмальную рубашку съ галстукомъ, жилетку и сюртукъ. Одѣваясь, онъ продолжалъ возражать на мое дальнѣйшее объясненіе, что намъ запрещено начальникомъ полиціи выѣхать изъ Наугейма:

„Какъ это можетъ быть, чтобы людямъ запретили ѣхать, куда имъ надо? Вы не можете ѣхать съ поѣздомъ. сказалъ Вамъ Polizeivorstand. И это правда: больше пассажирскихъ поѣздовъ нѣтъ! Но мы сейчасъ наймемъ дрожки или авто, и вы поѣдете. Да, поѣдете!“ прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ упрямствомъ.

Мы вышли на улицу. Впереди бодро шагалъ, опираясь на палку и ни на минуту не умолкая, нашъ добрый геній, а сзади понурые плелись мы оба, не вѣря въ удачу предпріятія, задуманнаго нашимъ нежданнымъ другомъ. Онъ велъ насъ къ своему пріятелю—содержателю извощичьихъ экипажей, жившему недалеко въ переулкѣ. Однако у послѣдняго не оказалось ни одной свободной лошади, и мы должны были выйти на знакомую Parkstrasse, гдѣ около одного изъ отелей стоялъ автомобиль, и читалъ газету на козлахъ извощикъ. Нашъ старичекъ направился

увѣренно къ шофферу и быстро объяснивъ, въ чемъ дѣло, спросилъ, сколько онъ возьметъ съ насъ до Наугейма. «Сто марокъ»—былъ отвѣтъ. Обратились къ извощику. Этотъ былъ милостивѣе и назначилъ 30 марокъ. Нашъ другъ сталъ возмущаться такой надбавкой цѣны и хотѣлъ вести насъ дальше, чтобъ подыскать другого, болѣе сговорчиваго извощика. Но мы, испытавшіе уже на себѣ, какъ въ Германіи словно по мановенію волшебной палочки все измѣнилось, поспѣшили согласиться съ предложенной цѣной, не раздѣляя оптимизма нашего пріятеля, котораго очевидно еще не коснулась въ его церковной сторожкѣ происшедшая повсюду метаморфоза.

Извощику было сказано заѣхать сначала на вокзалъ за вещами. На этомъ настоялъ все тотъ же нашъ пріятель, несмотря на мои опасенія, какъ-бы при полученіи багажа не вышло для насъ большихъ непріятностей: я вспомнилъ распросы по телефону относительно насъ начальника полиціи, которые онъ велъ съ желѣзнодорожной станціей, и хотѣлъ оставить багажную квитанцію у нашего новаго знакомаго, чтобы впослѣдствіи получить этотъ багажъ. Когда мы размѣщали въ экипажѣ полученныя изъ «Aufbewahrungsbüro» вещи, вокругъ насъ собралась толпа народа, молчаливо и въ отдаленіи слѣдившая за всѣми нашими дѣйствіями. У самаго подъѣзда вокзала стояли тоже въ качествѣ зрителей носильщики, заложивъ руки за спину, не выказывая никакого желанія предложить намъ свои услуги при переноскѣ багажа. Невольно становилось жутко на сердцѣ, минуты казались часами, и не вѣрилось, что мы когда-нибудь въ дѣйствительности выберемся изъ Наугейма. Лишь нашъ нежданный другъ одинъ чувствовалъ себя отлично и повидимому не замѣчалъ никакой перемѣны въ окружающемъ. Онъ заговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, и хотя не получалъ ни отъ кого отвѣта, продолжалъ болтать безъ умолку и отпускать шуточки.

Все было уже уложено. Мы сердечно простились съ нашимъ «покровителемъ» и усѣлись въ экипажъ. Однако кучеръ почему-то медлилъ, и мы не трогались съ мѣста. Наконецъ кучеръ обернулся къ намъ съ козелъ и, протянувъ руку, мрачно сказалъ: „деньги впередъ!“ Не смотря на необычную обстановку отъѣзда и на напряженную

атмосферу, при которой нормальная оцѣнка явленій непримѣнима, я не удержался и спросилъ, почему такое недовѣріе къ намъ. Вмѣсто отвѣта кучеръ вновь повторилъ тѣмъ же тономъ: „деньги впередъ!“ Нашъ пріятель, видя наше замѣшательство, и по всей вѣроятности полагая, что мы не понимаемъ словъ кучера, крикнулъ намъ къ нашему удивленію по русски: «заплатите!» И не довольствуясь этимъ, какъ-бы любуясь самъ своимъ русскимъ произношеніемъ, онъ еще разъ по слогамъ проговорилъ: „за-пла-ти-те!“ У меня мелькнула мысль, что извощику, какъ и мнѣ, вполнѣ ясна невозможность при нынѣшнихъ условіяхъ доѣхать до Гомбурга, и онъ, естественно, желаетъ себя обезпечить платой заранѣе, т. е. до нашего возможнаго ареста. Этотъ послѣдній казался въ ту минуту мнѣ неизбѣжнымъ, и мы съ товарищемъ уже начали совѣтоваться, не лучше ли намъ поѣхать съ вещами въ какой-нибудь отель или виллу, т. е. поступить такъ, какъ сказано было въ полиціи. Но нашъ неугомонный другъ не унимался, и продолжалъ повторятъ членораздѣльно облюбованное имъ слово „заплатите!“, чѣмъ навлекалъ на насъ еще большее вниманіе собравшейся толпы. Надо было поскорѣй рѣшиться, и я, сунувъ кучеру въ руку требуемыя деньги, попросилъ его наконецъ двинуться. Кучеръ провѣрилъ деньги, спряталъ ихъ, взмахнулъ бичемъ,—и мы поѣхали...

XIII.

Однако едва мы выѣхали за городъ, какъ вновь съ вернувшейся способностью разсуждать возвратились и сомнѣнія. Нашъ отъѣздъ съ вокзала вышелъ слишкомъ демонстративнымъ, и трудно было разсчитывать, чтобъ о немъ не сдѣлалось извѣстнымъ полиціи. А въ связи съ происшедшимъ передъ тѣмъ, послѣдней легко было догадаться, какіе два русскихъ бѣглеца пытаются несмотря на запрещеніе добраться до Гомбурга. Въ этомъ же случаѣ ничего не стоило, пользуясь телефономъ, задержать насъ въ одной изъ деревень, черезъ которыя по пути приходилось проѣзжать намъ. Поэтому мы вновь начали колебаться и даже сказали было нашему возницѣ повернуть и везти насъ въ какой-либо наугеймскій отель. Кучеръ, рань-

ше чѣмъ исполнить наше приказаніе, съ нѣмецкой педантичностью предупредилъ насъ, что онъ вернетъ намъ обратно лишь половину заплаченнаго до Гомбурга, и посовѣтовалъ ѣхать дальше, обѣщая везти насъ кружнымъ путемъ, минуя Фридбергъ и другія болѣе населенныя мѣста. Рѣшили продолжать поѣздку...

Мы ѣхали по ровной, накатанной дорогѣ, тянувшейся длинной лентой между двумя рядами деревьевъ. Въ другое время такая поѣздка была бы наслажденіемъ, но теперь мы ѣхали подавленные, каждую минуту безпокойно вглядываясь вдаль, или оборачиваясь назадъ. Къ счастью никого не было видно на дорогѣ. Нашъ кучеръ между тѣмъ вынулъ изъ жилетнаго кармана огрызокъ сигары, попридержалъ лошадь и, закуривъ, покровительственнымъ тономъ началъ объяснять намъ, что теперь по всѣмъ городамъ и большимъ мѣстечкамъ устраиваются „заставы", чтобъ ловить шпіоновъ, но что онъ постарается благополучно доставить насъ въ Гомбургъ. Сзади показался въ отдаленіи столбъ пыли, и затѣмъ заблестѣли въ лучахъ заходящаго солнца колеса быстро приближающагося велосипеда. Сжалось тревожно сердце, и какъ молнія промелькнула въ мозгу мысль: «ужъ не погоня ли это за нами?.» Велосипедистъ догналъ наконецъ нашъ экипажъ и, ухватившись рукой за крыло пролетки, продолжалъ вмѣстѣ съ нами двигаться впередъ, не работая ногами. Онъ оказался пекаремъ изъ сосѣдней деревни, ѣздившимъ по дѣламъ въ городъ. Поболтавъ съ нашимъ кучеромъ и узнавъ, куда онъ везетъ насъ, велосипедистъ вскорѣ свернулъ въ сторону съ нашей дороги, пожелавъ намъ благополучно доѣхать до Гомбурга.

Проѣхали безъ препятствій черезъ большое село, на улицахъ котораго было пустынно. Только что выѣхали вновь на шоссе, какъ догнали одиноко возвращавшуюся домой торговку съ большой корзиной въ рукахъ, оказавшуюся хорошей знакомой нашего извощика. Послѣдній, остановивъ лошадь, поздоровался съ ней и, указавъ на свободное противъ насъ мѣсто, предложилъ ей доѣхать съ нами до ея деревни, находившейся по пути нашего слѣдованія. Торговка съ радостью согласилась, но изъ учтивости спросила и нашего разрѣшенія. Мы ничего не имѣли противъ новой компаньонки въ нашемъ путешест-

віи. Мнѣ казалось даже, что ея присутствіе среди насъ можетъ быть намъ полезнымъ, служа до извѣстной степени гарантіей нашей благонадежности. И дѣйствительно, обогнавшій насъ вскорѣ автомобиль съ военными, лишь на мгновеніе замедливъ свой ходъ около нашего экипажа, загромыхалъ тотчасъ дальше, какъ только его сѣдоки, окинувъ насъ проницательнымъ взоромъ, услыхали нашу мирную бесѣду съ ней о базарныхъ цѣнахъ на цвѣтную капусту, огурцы и яйца. Узнавъ, кто мы такіе, и что съ нами приключилось, добрая женщина искренно пожалѣла насъ и, сочувственно кивая головой, приговаривала: «да чѣмъ же вы были виноваты!“ Когда черезъ полчаса мы оставили ее у порога ея родного дома, она, прощаясь съ нами и благодаря за услугу, говорила нашему кучеру: „смотри же, довези господъ благополучно, чтобъ не вышло для нихъ какихъ-либо новыхъ непріятностей!..“

Между тѣмъ близокъ былъ уже Гомбургъ, и вновь усиливалось безпокойство за благополучный исходъ нашей поѣздки. Словно догадываясь объ этимъ, кучеръ объяснилъ намъ, что онъ повезетъ насъ не по главной улицѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы непремѣнно натолкнемся на „заставу“, а свернетъ передъ самымъ Гомбургомъ въ сторону, чтобъ выѣхать по боковой дорогѣ прямо къ источникамъ, въ непосредственной близости къ которымъ находился нашъ «русскій домъ». Это было сдѣлать тѣмъ легче, что недалеко отъ города начинался лѣсъ, пересѣченный наподобіе лабиринта множествомъ дорогъ по разнообразнымъ направленіямъ. Не доѣзжая до начала знаменитой Kaiser Friedrich Promenade, являющейся прямымъ продолженіемъ шоссе, по которому мы ѣхали,—кучеръ дѣйствительно круто повернулъ влѣво и, огибая по окружности раскинувшійся впереди паркъ, выѣхалъ наконецъ на дорогу, пролегающую около Elisabethen-Quelle, никѣмъ не посѣщаемаго въ этотъ часъ дня. Отсюда было два шага до выходящей прямо въ паркъ Proworoffstrasse, въ наиболѣе глухой части которой (у самаго выѣзда въ поле) стоялъ нашъ «русскій домъ». Ни одной живой души не было видно кругомъ. Мы были почти уже дома, и всѣ опасенія разомъ исчезли, уступивъ мѣсто радости по случаю благополучнаго „прорыва“ сквозь строй невидимаго

непріятеля. Кучеръ щелкнулъ бичемъ, и уставшая лошаденка напослѣдокъ показывала свою рысь.

Экипажъ подкатилъ къ построенному наподобіе церковной паперти крыльцу русскаго дома. Услышавъ стукъ колесъ, къ намъ навстрѣчу выбѣжали дѣти нашего хозяина и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ, не понимая причины нашего возвращенія. За ними въ дверяхъ показались фигуры оставшихся русскихъ, а позади послѣднихъ нашего хозяина—уже въ формѣ оберлейтенанта. Насъ забросали вопросами: «почему вернулись? Откуда? Какъ?“ Наскоро мы объяснили, въ чемъ дѣло. Нашъ измученный видъ, осунувшіяся лица и провалившіеся глаза говорили краснорѣчивѣе словъ. Былъ уже девятый часъ вечера, и простившись со всѣми, мы поспѣшили въ наши комнаты, оставивъ на завтра подробные разговоры о случившемся съ нами. Всего одни сутки находились мы внѣ Гомбурга, а намъ казалось, что цѣлая вѣчность отдѣляетъ насъ отъ вчерашняго дня. Сколько было переживаній и волненій! Сколько было и физической, и нравственной муки!

Напряженіе нервовъ дало себя знать, и мы скоро забылись тяжелымъ, похожимъ на кошмаръ, сномъ...

XIV.

На утро мы узнали отъ старшаго сына хозяина Виктора (гимназиста выпускного класса), что наканунѣ по распоряженію полиціи всѣ находящіеся въ Гомбургѣ русскіе должны были явиться въ полицейское управленіе, чтобы лично дать о себѣ необходимыя свѣдѣнія. Равно, что о всѣхъ живущихъ въ отеляхъ и частныхъ домахъ русскихъ хозяева на особыхъ листкахъ должны отмѣтить, какъ давно прибылъ каждый изъ насъ, сколько ему лѣтъ и чѣмъ занимается. Взявъ въ руки перо, Викторъ тотчасъ сталъ вписывать въ листки въ соотвѣтствующія графы свѣдѣнія о насъ, при чемъ особенно интересовался годомъ, мѣсяцемъ и числомъ рожденія, а также являемся ли мы военно-обязанными (militärpflichtige), или нѣтъ. Торжественно записавъ полученныя данныя, онъ объявилъ, что сейчасъ же отнесетъ листки въ полицію и посовѣтовалъ и намъ, не теряя времени, итти заявить о себѣ туда же.

Мимоходомъ онъ сообщилъ намъ, что отецъ рано утромъ выѣхалъ къ мѣсту своего служенія—въ свой полкъ.

Дорогой въ полицію я разговорился съ нимъ о нашихъ приключеніяхъ въ Гиссенѣ и къ удивленію услышалъ отъ него, что въ послѣднемъ бомбой, брошенной русскимъ шпіономъ, уничтожено нѣсколько домовъ, но что цѣль покушенія не достигнута: военный складъ остался цѣлъ. Далѣе онъ сообщилъ, что сегодня въ газетахъ оффиціально сообщено, что недалеко отъ Франкфурта, въ Höchst'ѣ, пойманы вчера два русскихъ доктора, которые отравляли холерными вибріонами воду въ городскомъ бассейнѣ, и тутъ же были разстрѣляны. „Да, прибавилъ онъ какъ бы въ наше утѣшеніе, счастливы вы, что васъ не схватили вчера по пути изъ Наугейма: теперь по всѣмъ дорогамъ и шоссе ловятъ русскихъ!"

Зданіе полицейскаго управленія находилось на главной улицѣ, противъ Kurhaus'a. Много разъ я прежде проходилъ мимо этого зданія, не подозрѣвая, что полицейское управленіе находится здѣсь и что когда-либо придется познакомиться съ нимъ. Вошли въ большую комнату, въ которой за однимъ изъ столовъ сидѣлъ начальникъ полиціи, одѣтый въ противоположность наугеймскому начальнику въ синій форменный мундиръ съ узкими погонами. Начальникъ полиціи что-то писалъ и не обратилъ никакого вниманія на то, что мы подошли къ нему и раскланивались съ нимъ. Наконецъ онъ положилъ перо, опустилъ на глаза надвинутыя на лобъ очки и пытливо посмотрѣлъ на насъ. Сопутствовавшій намъ Викторъ въ двухъ словахъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Начальникъ досталъ изъ ящика толстую книгу, вооружился вновь перомъ и началъ подробно допрашивать насъ (сначала псаломщика, а потомъ меня), кто мы такіе, зачѣмъ прибыли въ Гомбургъ, гдѣ живемъ, и такъ далѣе, записывая всѣ эти свѣдѣнія въ книгу, несмотря на то, что все это значилось на принесенныхъ Викторомъ листкахъ, которые начальникъ тотчасъ передалъ на другой столъ своему подчиненному. Когда записывались въ книгу (спеціально заведенную для русскихъ) данныя обо мнѣ и начальникъ затруднялся въ правописаніи моей фамиліи, я протянулъ ему свою визитную карточку, ту же самую, которую я показывалъ въ Наугеймѣ. Въ ту же ми-

нуту страхъ за свою опрометчивость закрался въ мою душу: «а что если изъ наугеймской полиціи дали знать сюда, что являвшійся русскій профессоръ вопреки запрещенію выѣхалъ въ Гомбургъ?“ Къ счастью тогда въ Наугеймѣ начальникъ полиціи швырнулъ въ сторону мою карточку (и я захватилъ ее съ собой), и такимъ образомъ моей фамиліи онъ не могъ точно запомнить. Однако можно было безошибочно предвидѣть, что я по пріѣздѣ въ Гомбургъ долженъ буду явиться къ мѣстной полиціи, а слѣдовательно и предупредить послѣднюю обо мнѣ: кромѣ меня, другого русскаго профессора въ Гомбургѣ не было. Начальникъ полиціи списалъ до послѣдней строчки все съ моей карточки и даже забылъ спросить меня о моемъ возрастѣ. Отлегло отъ сердца, хотя, отдавая мнѣ обратно карточку, начальникъ вразумительно замѣтилъ:

„Вы можете оставаться на прежней квартирѣ, но помните: если бъ Вы въ какомъ-нибудь отношеніи были заподозрѣны,—Васъ тотчасъ арестуютъ!“

По дорогѣ домой я зашелъ въ кіоскъ къ знакомому газетчику, у котораго я обыкновенно покупалъ русскія газеты и мѣстную франкфуртскую газету. Увы, среди выставленныхъ интернаціональныхъ газетъ не было уже ни одной русской, а самъ газетчикъ, всегда прежде общительный и предупредительный, теперь встрѣтилъ меня необычно сдержанно и, молча получивъ деньги за франкфуртскую газету, отвернулся въ сторону и занялся тотчасъ другимъ покупателемъ. Невольно пришло въ голову: „неужели и остальные знакомые и даже пріятели изъ нѣмцевъ отнесутся теперь къ намъ, русскимъ, такъ же, какъ этотъ газетчикъ, обычно издали еще привѣтствовавшій насъ и протягивавшій свѣжіе номера газеты?“

Развернувъ дома принесенную газету, я былъ пораженъ тѣмъ, что нашелъ въ ней. Не говоря уже о приводимыхъ, будто-бы несомнѣнныхъ случаяхъ отравленія воды источниковъ русскими учеными и докторами, и прочихъ нелѣпостяхъ, выдаваемыхъ за достовѣрные факты,—всѣ статьи были проникнуты призывомъ слѣдить за каждымъ русскимъ и при малѣйшемъ подозрѣніи немедленно препровождать его въ полицію. „Мы окружены со всѣхъ сторонъ шпіонами, читалъ я дальше, которые пріѣхали къ намъ

подъ видомъ гостей на курорты, подъ видомъ изучающихъ нашу страну и науку, чтобъ использовать открытыя нами цѣлебныя силы, чтобъ обокрасть нашу культуру. Не позволяйте расточать ваше добро врагамъ вашимъ!» Тутъ же, ниже, печатался длинный списокъ высокопоставленныхъ лицъ (начиная съ самого Вильгельма), которыя торжественно отказывались отъ русскихъ орденовъ и наградъ, равно перечислялись полки, которые срывали у себя съ погонъ вензеля русскихъ Августѣйшихъ Особъ, состоявшихъ ихъ шефами. Наряду съ этимъ по адресу союзной намъ Франціи, еще не выступившей въ то время, плелась тонкая паутина лести, выражалась увѣренность, что «свободная, культурная Франція не пойдетъ рука объ руку съ варварской, деспотической Россіей».

Вечеромъ, сидя тѣсной компаніей на стеклянной верандѣ «русскаго дома», выходящей въ глушь парка, и опустивъ плотно деревянныя шторы въ сосѣдней гостинной, чтобъ ни одинъ лучъ свѣта не проникалъ наружу, мы прислушивались къ манифестаціямъ на улицахъ и пѣнію возбужденной толпы, не рискуя сами выйти изъ дома. Вернувшіеся позднѣе старшіе сыновья нашего хозяина (Викторъ и Максъ) сообщили намъ только что опубликованную новость, что въ виду заявленія Франціи на ультиматумъ Германіи о выполненіи ею до конца союзническихъ обязательствъ по отношенію къ Россіи,—Германія объявила войну Франціи и германскія войска по пути въ послѣднюю уже вторглись въ Люксембургъ и Бельгію.

Итакъ Германія бросила вызовъ уже кромѣ Россіи—Франціи, а также и Бельгіи, нарушивъ нейтралитетъ этой страны...

XV.

Новый день принесъ намъ новыя вѣсти. Утромъ мы услыхали отъ сыновей хозяина передаваемую изъ устъ въ уста молву, что ночью французскій летчикъ бомбардировалъ франкфуртскій вокзалъ, былъ подбитъ выстрѣлами и приземился по дорогѣ изъ Франкфурта въ Гомбургъ. Аппаратъ будто-бы нашли, а самъ летчикъ бѣжалъ и скрылся гдѣ-то около Гомбурга (о томъ же самомъ днемъ спустя мы прочитали и въ мѣстной газетѣ). А въ утрен-

немъ выпускѣ Frankfurter Zeitung мы нашли нѣчто, уже совсѣмъ сенсаціонное. Тамъ сообщалось, что изъ Франціи въ Россію черезъ Германію отправлено много автомобилей, наполненныхъ золотомъ, которые надо во что бы то ни стало поймать, а въ случаѣ попытки скрыться— разстрѣливать. Тутъ же еще разъ напоминалось читателямъ, что по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Германіи разсѣяны теперь шпіоны, одѣтые нерѣдко даже въ германскую военную форму, вслѣдствіе чего рекомендовалось внимательно присматриваться къ незнакомымъ личностямъ, и при малѣйшемъ подозрѣніи арестовывать ихъ. Наконецъ въ другой франкфуртской газетѣ было напечатано жирнымъ шрифтомъ, что въ Россіи вспыхнула революція и что Японія выступила противъ Россіи.

Послѣ утренняго чая, просмотрѣвъ газеты, мы сидѣли въ гостинной, обсуждая создавшееся положеніе и не рѣшаясь выйти на улицу, чтобъ не натолкнуться тамъ на какую-нибудь непріятность, такъ какъ по разсказамъ нашихъ молодыхъ хозяевъ уже были случаи оскорбленія на улицахъ русскихъ и французовъ. Нашъ домъ стоялъ „на отлетѣ“, въ сторонѣ отъ уличнаго движенія и шума, но временами до насъ доносились звуки оркестра, исполнявшаго „гимнъ войны“, и торжествующіе клики толпы. Кромѣ меня и псаломщика въ „русскомъ домѣ“ остались еще: старикъ генералъ въ отставкѣ И., незадолго передъ тѣмъ перенесшій тяжелую операцію въ Франкфуртѣ и перевезенный къ намъ оттуда изъ лечебницы всего за день до объявленія войны, его пріемная дочь, нарядная молодая дама, ухаживавшая за нимъ, агрономъ Е., пріѣхавшій за недѣлю передъ тѣмъ изъ Россіи, барышня Л., окончившая курсы сестеръ милосердія и священникъ Л., студентъ московской духовной академіи, по происхожденію нѣмецъ, довольно свободно объяснявшійся по русски, положеніе котораго было теперь особенно непріятнымъ, такъ какъ нѣмцы подозрѣвали въ немъ (и не безъ основанія) приверженца Россіи, а русскіе, застрявшіе въ Гомбургѣ, смотрѣли на него, какъ на нѣмца. За отъѣздомъ въ полкъ самого доктора Ш., роль хозяина нашего пансіона исполнялъ Викторъ, которому отецъ поручилъ вести все хозяйство, и который по этому случаю не только сталъ коман-

довать надъ прислугой, но и покрикивать на своихъ братьевъ, тоже гимназистовъ: Макса, бывшаго годомъ моложе его, но выше ростомъ и крѣпче сложеннаго, и Людвига, мальчика 14 лѣтъ, не говоря уже о двухъ самыхъ младшихъ членахъ семьи—десятилѣтней Aennchen и девятилѣтняго Paul'а, дрожавшихъ отъ страха въ присутствіи Виктора.

Мало по малу мы разошлись по своимъ комнатамъ, чувствуя, что сколько о своей судьбѣ ни говорить,—все равно легче отъ этого не будетъ, и что впереди волей неволей придется терпѣть еще многое. Придя въ свою комнату, находившуюся во второмъ этажѣ зданія, я подошелъ къ раскрытому окну и ахнулъ отъ неожиданности: къ подъѣзду нашего дома подходилъ быстрыми шагами бравый полицейскій въ каскѣ, смотря въ упоръ въ мое окно, а за нимъ шли съ ружьями въ рукахъ два солдата. „Кого-то сейчасъ арестуютъ!" промелькнула, какъ молнія, мысль въ головѣ. И тотчасъ вспомнились слова, слышанныя вчера въ полиціи, что при малѣйшемъ подозрѣніи—каждаго изъ насъ немедленно арестуютъ. Застучала кровь въ вискахъ, и новая мысль освѣтила воспаленный мозгъ: «ужъ не за мной ли пришли, узнавъ о нашемъ побѣгѣ, вопреки запрещенію, изъ Наугейма?» Полицейскій нетерпѣливо зазвонилъ у входа, а одинъ изъ пришедшихъ солдатъ сталъ на часахъ у рѣшетки подъѣзда, лицомъ къ улицѣ, опустивъ на землю прикладъ ружья. Быстро отворилась входная дверь, послышались отрывистые шаги внизу, затѣмъ топанье ногъ по лѣстницѣ, и наконецъ раздался рѣзкій стукъ въ дверь моей комнаты. Раньше чѣмъ я подошелъ къ порогу, дверь распахнулась и въ комнату вошелъ полицейскій, а за нимъ какой-то полный штатскій, котораго я не замѣтилъ на улицѣ, и сынъ хозяина Людвигъ (старшихъ дѣтей не было въ этотъ моментъ дома). Не сказавъ обычнаго привѣтствія, полицейскій грубо спросилъ только: «Вы живете въ этой комнатѣ?» А затѣмъ, послѣ утвердительнаго отвѣта, краснорѣчиво указавъ мнѣ рукой на дверь, крикнулъ: „vor dem Platz!" Людвигъ объяснилъ мнѣ, что надо сойти внизъ, а у меня будетъ произведенъ въ комнатѣ обыскъ.

Шатаясь, какъ пьяный, спускался я по лѣстницѣ въ

нижній этажъ, и тутъ въ корридорѣ, у самой лѣстницы, натолкнулся на второго солдата, стоявшаго съ ружьемъ въ рукахъ, направленнымъ въ мою сторону. «Дальше нельзя», мягко сказалъ онъ мнѣ, загораживая дорогу. Молодое, безусое лицо добродушно смотрѣло на меня, видимо удерживаясь, въ соотвѣтствіи съ важностью возложенной обязанности, отъ напрашивавшейся на его уста улыбки. Видя мое угнетенное состояніе, онъ опустилъ ружье, и послѣ нѣкоторой паузы, желая по своему успокоить меня, а можетъ быть и самъ забавляясь своей новой ролью, объяснилъ мнѣ, указывая на сумочку у пояса:

„Здѣсь—запасныя пули. Если у кого найдутъ бомбу, сейчасъ же въ поле, или за заборъ —и разстрѣлъ!.“

Я чувствовалъ, какъ холодъ забирается въ мою душу, а онъ говорилъ объ этомъ, какъ о чемъ-то самомъ обыкновенномъ и вполнѣ естественномъ. Мы продолжали стоять другъ противъ друга: онъ на часахъ—по обязанности, а я не имѣя права сдвинуться съ мѣста, пока не окончится благополучно обыскъ въ моей комнатѣ. «А что, если найдутъ что-либо предосудительное съ ихъ точки зрѣнія, или подсунутъ въ чемоданъ въ моемъ отсутствіи какую-нибудь гадость въ родѣ бомбы,—вѣдь тогда этотъ добрый малый не призадумается всадить въ меня пулю, которой сейчасъ любуется?» спрашивалъ я самого себя, смотря на своего, быть можетъ, будущаго палача и на новенькое ружье, вѣроятно только что ему выданное. Томительны были минуты ожиданія. Наконецъ обыскъ окончился. На лѣстницѣ появились полицейскій и господинъ въ штатскомъ и прошли мимо, словно не замѣчая меня. Они направились теперь въ комнату священника, гдѣ приступили къ тщательному обыску, однако въ присутствіи батюшки. Солдатъ теперь сталъ въ корридорѣ, у дверей его комнаты.

Я взлетѣлъ, какъ перышко, къ себѣ въ комнату. Людвигъ, улыбаясь, встрѣтилъ меня. На полу въ безпорядкѣ были разбросаны вещи, вынутыя изъ чемодановъ. Перевернутъ былъ даже матрасъ на кровати. Рукопись моей научной работы и всѣ письма лежали на столѣ, видимо тщательно просмотрѣнныя, а послѣднія и прочитанныя. По словамъ Людвига во время осмотра вещей въ

моемъ чемоданѣ былъ драматическій моментъ: оба досмотрщика увидали тамъ загадочный предметъ продолговатой формы съ тремя торчащими наружу мѣдными остріями и, вскрикнувши «бомба», отскочили на нѣсколько шаговъ назадъ. Затѣмъ полицейскій, какъ болѣе храбрый, подошелъ вновь къ чемодану и осторожно сталъ приподнимать эту «бомбу» со дна послѣдняго. Загадочный предметъ оказался складнымъ штативомъ для фотографическаго аппарата въ картонномъ футлярѣ, изъ протертаго конца котораго и торчали острія „адской“ машины. На мой вопросъ, какъ реагировали на это приключеніе досматривавшіе, улыбнулись ли по крайней мѣрѣ надъ своей напрасной подозрительностью, Людвигъ отвѣтилъ:

„Сказали только: удивительные люди эти русскіе— всѣ непремѣнно фотографы!“

Я почувствовалъ себя послѣ этого счастливымъ, что въ этотъ пріѣздъ свой въ Германію не произвелъ ни одного фотографическаго снимка,—такъ какъ всѣхъ лицъ, у которыхъ кромѣ самаго аппарата были найдены снимки вокзаловъ, казармъ и тому подобныхъ зданій препровождали въ лучшемъ случаѣ прямо въ тюрьму, какъ завѣдомыхъ шпіоновъ. Меня заинтересовалъ еще вопросъ, кто былъ тотъ полный господинъ въ штатскомъ, исполнявшій роль сыщика, внимательно изучавшаго всѣ мои письма и рукопись. Людвигъ съ гордостью сказалъ мнѣ, что это былъ самъ директоръ ихъ Realgymnasium, знающій русскій языкъ и прочитавшій найденныя въ моемъ чемоданѣ русскія письма.

Итакъ, въ поискахъ русскихъ шпіоновъ принимали участіе разнородные элементы германскаго общества, и даже самъ директоръ гимназіи не считалъ для себя позорнымъ безцеремонно рыться въ чужихъ вещахъ, отыскивая тамъ предполагаемыя бомбы: каждый по своему крайнему разумѣнію и силамъ старался служить любимому фатерланду!

XVI.

Однако только что описаннымъ не ограничились переживанія этого дня. Самое страшное предстояло испытать еще впереди. Послѣ обѣда мы мирно бесѣдовали въ

гостинной, дѣлясь другъ съ другомъ своими впечатлѣніями по случаю обыска. Какъ вдругъ, запыхавшись, вбѣжалъ Людвигъ, вернувшійся сейчасъ на велосипедѣ изъ города, и воскликнулъ:

«Новое несчастіе! Вывѣшено объявленіе за подписью ландрата, что всѣ русскіе, французы и бельгійцы должны сегодня не позднѣе шести часовъ вечера переселиться изъ частныхъ пансіоновъ и виллъ въ гостинницу Augusta Victoria, и что не исполнившіе этого въ указанный срокъ будутъ немедленно препровождены въ тюрьму.»

Какъ громомъ поразило насъ это извѣстіе. Для чего нужно это переселеніе въ опредѣленный отель? И что теперь дѣлать въ первую очередь: бѣжать ли заказывать скорѣй комнату въ отелѣ, или укладывать сначала свои вещи и затѣмъ прямо съ вещами ѣхать туда?

Вошелъ Викторъ, уже знавшій о появившемся распоряженіи. Мы забросали его вопросами. Онъ объяснилъ намъ, что по всей вѣроятности насъ собираютъ въ одно мѣсто, чтобъ отправить затѣмъ съ спеціальнымъ поѣздомъ въ Россію. По нашей просьбѣ онъ отправился тотчасъ занять для всѣхъ русскихъ обитателей пансіона комнаты въ Augusta Victoria, а мы торопились привести въ порядокъ и упаковать свои вещи, лежавшія въ хаотическомъ безпорядкѣ послѣ обыска. Въ душѣ росла увѣренность въ ближайшемъ окончаніи невольнаго теперь для насъ пребыванія въ Германіи. Для чего же, какъ не для совмѣстнаго выѣзда изъ Гомбурга, станутъ собирать насъ всѣхъ вмѣстѣ нѣмцы, если путемъ предварительнаго обыска уже отдѣлены всѣ внушавшіе хоть малѣйшее подозрѣніе?

Скоро возвратился Викторъ и сообщилъ, что въ отелѣ Augusta Victoria уже всѣ комнаты заняты или заказаны, но что онъ былъ у начальника гарнизона (Garnisoncommando) и у ландрата, и узналъ тамъ о вышедшемъ дополнительномъ разрѣшеніи перебраться кромѣ Augusta Victoria еще въ одинъ изъ трехъ отелей: Victoria Hotel, Grand Hotel и Windsor Hotel. Въ послѣднихъ двухъ онъ и нанялъ для насъ комнаты, при чемъ комнаты въ Windsor Hotel'ѣ, какъ болѣе дешевыя, предназначались для псаломщика и агронома, а въ Grand Hotel'ѣ—для остальныхъ. Между тѣмъ генералъ нашъ, которому послѣ операціи ежедневно дѣлали

перевязку, чувствовалъ себя плохо, и пришедшій врачъ, которому нашъ хозяинъ докторъ Ш. поручилъ наблюдать за состояніемъ его здоровья, посовѣтовалъ дочери хлопотать передъ властями о разрѣшеніи имъ обоимъ остаться въ русскомъ домѣ. Послѣдняя, заручившись докторскимъ удостовѣреніемъ, поѣхала тотчасъ къ Garnisoncommando и къ ландрату, и черезъ полчаса привезла письменное разрѣшеніе (Erlaubnisschein) остаться впредь до дальнѣйшаго измѣненія на прежнемъ мѣстѣ жительства. Мы же, всѣ остальные русскіе, поѣхали на извощикахъ въ назначенные для насъ отели.

Странную картину представлялъ собой Гомбургъ въ эти минуты. Вереницы экипажей съ русскими и ихъ вещами направлялись по Kaiser Friedrich Promenade къ главной улицѣ, Luisenstrasse, на которой находились названные отели. Около одной изъ виллъ (а именно у Villa Hammerschmidt), мимо которой мы проѣзжали, стояли у воротъ два солдата на часахъ. Я спросилъ у Виктора, который ѣхалъ вмѣстѣ со мной на извощикѣ, что за причина нахожденія здѣсь стражи, и узналъ къ своему удивленію, что на этой виллѣ сегодня пойманъ и разстрѣлянъ важный русскій шпіонъ. «Да не можетъ этого быть, шепталъ мнѣ внутренній голосъ, какіе здѣсь могутъ быть русскіе шпіоны. И невозможно наконецъ, чтобъ такъ, ни съ того, ни съ сего, разстрѣляли человѣка!» Однако дѣйствительно только у этой виллы стояла стража, и никого не впускала и не выпускала оттуда.

Но вотъ и нашъ «Grand Hotel». У подъѣзда, въ нѣкоторомъ отдаленіи, стоитъ большая толпа народа и молчаливо глазѣетъ на подъѣзжающихъ русскихъ. Наискосокъ находится отель Augusta Victoria, и около него тоже стоятъ нѣмцы и наблюдаютъ, что будетъ дальше. Викторъ справляется въ вестибюлѣ у сына хозяйки о номерахъ нашихъ комнатъ, и мы поднимаемся во второй этажъ. Оставлены три комнаты рядомъ, выходящія во дворъ-садъ, гдѣ посрединѣ возвышается стеклянная веранда съ накрытыми для ужина столиками. Все пока выглядитъ такъ, какъ въ каждой благоустроенной гостинницѣ полагается быть, и не вѣрится, что мы попали сюда по принужденію, а не прибыли только-что съ вокзала на

курортъ для леченія. Средняя, большая комната предполагалась для генерала и его дочери, а теперь была снята Викторомъ для сестры его матери съ компаньонкой, которыя должны были пріѣхать сюда изъ собственной квартиры. Я и раньше слышалъ, что нашъ докторъ Ш. женатъ на русской, но не живетъ съ ней, а теперь узналъ, что ея сестра, московская купчиха, живетъ въ Гомбургѣ каждое лѣто своимъ хозяйствомъ,—и теперь тоже должна была перебраться въ гостинницу. Изъ двухъ боковыхъ комнатъ, соединяющихся дверью съ средней, одну занялъ я, а другую барышня Л. Каждый изъ насъ долженъ былъ платить по 14 марокъ въ день съ пансіономъ (нормальная цѣна была раньше 10 марокъ).

Никто не оставался въ занятой имъ комнатѣ. Каждаго тянуло внизъ, въ широкій вестибюль, соединявшій внутренній дворъ съ улицей, гдѣ можно было узнать самыя свѣжія новости. Въ этомъ вестибюлѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли уютно разставленныя плетеныя диванчики и кресла, все время толпилась публика. Отсюда направо и налѣво вели ступеньки во внутреннія помѣщенія отеля, и сюда же попадали прежде всего прибывавшія вновь лица. Онъ былъ для насъ единственной „отдушиной", соединявшей насъ съ внѣшнимъ міромъ, попасть въ который намъ не представлялось теперь возможнымъ: у раскрытыхъ настежь стеклянныхъ дверей стояли два солдата, которые пропускали всѣхъ русскихъ внутрь, но ни подъ какимъ видомъ не выпускали ихъ обратно. А на улицѣ жадно смотрѣла на насъ, какъ на затравленныхъ звѣрей, толпа, временами отпускавшая по нашему адресу шуточки и словно сдерживаемая отъ желанія наброситься на насъ лишь присутствіемъ двухъ часовыхъ на ея пути. Изрѣдка доносились оттуда слова: „diese verflüchten Russen!" (эти проклятые русскіе!). Наконецъ, когда поведеніе толпы сдѣлалось явно угрожающимъ,—откуда-то появились раздвижныя ширмочки, которыя загородили насъ отъ толпы, и послѣдняя, не видя больше насъ, стала понемногу успокаиваться.

Появился вечерній выпускъ „Франкфуртской газеты". Объ этомъ мы узнали по выкрикиваніямъ мальчишекъ, продававшихъ газету на улицѣ. Проникла газета при посредствѣ портье и его подручныхъ и къ намъ. Каково

же было наше удивленіе и радость, когда, развернувши газету, мы узнали объ объявленіи Англіей войны Германіи, вслѣдствіе нарушенія послѣдней нейтралитета Бельгіи. Забыты были на время перенесенныя невзгоды, отступила куда-то вдаль мучительная мысль о неопредѣленности нашего положенія, и лица изъ сосредоточенныхъ и угрюмыхъ сдѣлались вновь оживленными и радостными. Нѣмцы же были повидимому обезкуражены. По крайней мѣрѣ въ газетахъ не было еще выпадовъ противъ Англіи, какъ не слышно было еще кругомъ проклятій по адресу всего англійскаго. За то впослѣдствіи нѣмцы перенесли на англичанъ всю ненависть съ насъ, считая ихъ главными зачинщиками войны, возбудившими и Россію, и Францію противъ Германіи.

Ужинъ на стеклянной верандѣ, выходящей во дворъ-садъ, прошелъ сверхъ ожиданія оживленно. За исключеніемъ нѣсколькихъ французовъ, весь отель нашъ былъ занятъ исключительно русскими. Всѣ быстро освоились съ новымъ положеніемъ, шутили, смѣялись, будучи увѣрены, что близокъ часъ нашего общаго возвращенія на родину. Эта увѣренность усилилась еще больше съ того момента, когда сдѣлалось извѣстнымъ объ объявленіи войны Англіей. Казалось, что теперь, когда владычица морей лишитъ Германію свободнаго подвоза жизненныхъ припасовъ, присутствіе въ странѣ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ русскихъ въ качествѣ лишнихъ ртовъ особенно нежелательно. Нашлись «ходоки», которымъ удалось побывать въ сопровожденіи конвойнаго солдата въ городѣ и узнать отъ знакомыхъ, что на завтра назначены особые поѣзда для отправленія русскихъ изъ Гомбурга. Отъ столика къ столику изъ устъ въ уста передавалось точное обозначеніе часовъ отхода этихъ поѣздовъ. Неизвѣстнымъ оставался только маршрутъ путешествія, и по этому поводу послѣ окончанія ужина возникли оживленные дебаты среди разбившейся на отдѣльныя кучки массы людей въ вестибюлѣ и во дворѣ. Одни высказывали предположеніе, что насъ выбросятъ изъ вагоновъ гдѣ-нибудь на русской границѣ и предложатъ пѣшкомъ итти до линіи расположенія нашихъ войскъ, при чемъ мы будемъ подвергаться опасности и отъ выстрѣловъ, и отъ мѣстнаго населенія, возставшаго по словамъ нѣмцевъ противъ русскихъ «поработителей».

Другіе совершенно не допускали возможности пробраться черезъ сферу боевыхъ столкновеній и предполагали, что насъ повезутъ кружнымъ путемъ черезъ Швецію. Какъ-бы то ни было, но всѣ сходились въ главномъ: что мы поѣдемъ тѣмъ или другимъ путемъ на родину, которая теперь стала особенно дорога каждому.

XVII.

Наконецъ поздно вечеромъ появилось давно жданное, оффиціальное (за подписью начальника гарнизона) объявленіе относительно нашего выѣзда изъ Гомбурга. Какъ сейчасъ помню прибитый въ вестибюлѣ зеленый листъ, на которомъ крупными буквами было напечатано, что всѣ русскіе, французы, бельгійцы и англичане (а равно сербы и черногорцы) за исключеніемъ военно-обязанныхъ (militärpflichtige) должны оставить предѣлы Гомбурга, и что не выѣхавшіе до 6 часовъ вечера слѣдующаго дня (четвергъ 24 іюля русскаго стиля) будутъ заключены въ тюрьму. Около объявленія стояла цѣлая толпа, и каждый изъ насъ старался постигнуть внутренній смыслъ этихъ напечатанныхъ старымъ нѣмецкимъ шрифтомъ строчекъ. Прежде всего возникъ вопросъ, кого нѣмцы подразумѣваютъ подъ словомъ „militärpflichtige“, т. е. могутъ ли разсчитывать быть отпущенными тѣ изъ насъ, которые по русскимъ законамъ не являются военно-обязанными, или въ Германіи существуютъ другія правила относительно воинской повинности. Вопросъ этотъ тревожилъ въ особенности людей такъ называемаго переходнаго возраста, въ то время какъ болѣе старые, равно женщины, не скрывали своей радости по поводу предстоящаго отъѣзда изъ Гомбурга. Что касается молодежи, то большинство изъ нихъ было удручено неизбѣжностью остаться въ Германіи на все время войны.

Между тѣмъ въ толпѣ появилось нѣсколько новыхъ лицъ. Какъ оказалось, нѣкоторые изъ нѣмцевъ рѣшились навѣстить своихъ русскихъ знакомыхъ передъ ихъ предполагаемымъ отъѣздомъ на родину. Немного смѣльчаковъ, всего пять-шесть человѣкъ, рискнуло это сдѣлать, не считаясь съ возбужденно гудѣвшей на улицѣ толпой, настроенной противъ русскихъ и противъ оказанія имъ какой-либо помощи. Въ числѣ этихъ нѣмцевъ былъ из-

вѣстный докторъ П—ръ, пришедшій повидать многочисленныхъ своихъ паціентовъ. выселенныхъ изъ его знаменитой санаторіи въ нашъ отель. Любезно бесѣдуя съ каждымъ, онъ совалъ одному свертокъ съ сигарами, другому папиросы,—и странно было сопоставить такую предупредительность съ фактомъ, сдѣлавшимся мнѣ случайно извѣстнымъ за ужиномъ, когда мой сосѣдъ по столику, его бывшій жилецъ, негодуя, показывалъ выпущенное наканунѣ имъ, какъ директоромъ санаторіи, литографированное обращеніе къ своимъ пансіонерамъ. Въ этомъ послѣднемъ предлагалось въ виду недостатка денегъ у русскихъ и невозможности получить ихъ теперь черезъ банкъ уплачивать за пансіонъ ежедневно впередъ различными цѣнными предметами, какъ-то бриллiантовыми перстнями, таковыми же брошками, браслетами, золотыми часами и другими подобными вещами. Не мало такихъ драгоцѣнностей должно было остаться въ его санаторіи, особенно усердно посѣщаемой всегда русскими, принимая во вниманіе высокую цѣну пансіона и задолженность за ранѣе прожитое время русскихъ паціентовъ, такъ какъ уже съ момента объявленія военнаго положенія (18 іюля) банки отказывались выдавать имъ по чекамъ, переводамъ и аккредитивамъ.

Этотъ же докторъ П—ръ объяснилъ намъ, что военнообязанными въ Германіи считаются всѣ лица мужского пола отъ 17 лѣтъ до 45, и что русскіе, французы и вообще подданные враждебныхъ Германіи государствъ будутъ задержаны въ этомъ возрастѣ, независимо отъ того, какими льготами они пользуются на родинѣ. Какъ громомъ ударило насъ это извѣстіе. Становилось яснымъ, что гораздо большему числу лицъ, чѣмъ мы предполагали раньше, придется остаться на все время войны въ Германіи. Безпокойство и угнетенное состояніе духа охватило большинство изъ насъ. Страхъ за свою участь сталъ тревожить теперь и меня. И какъ-бы въ подтвержденіе опасеній каждаго, не выглядѣвшаго достаточно пожилымъ, не замедлила разыграться слѣдующая тяжелая сцена. Появились съ улицы двое полицейскихъ, упитанныхъ, съ заплывшими отъ жира глазами, и начали прохаживаться въ вестибюлѣ и по двору, заложивъ руки за спину и бросая искоса взгляды на распо-

лоившихся тамъ и сямъ на плетеной мебели русскихъ, оживленно обсуждавшихъ создавшееся положеніе. Вдругъ, словно по командѣ, оба полицейскихъ ринулись въ разныя стороны: одинъ—по направленію къ группѣ, сидѣвшей въ вестибюлѣ, а другой, облюбовавъ партію, размѣстившуюся за круглымъ столикомъ во дворѣ, въ плохо освѣщенномъ электричествомъ уголкѣ сада. Каждый изъ нихъ неожиданно схватилъ за руки сзади по одному изъ молодыхъ русскихъ (приблизительно лѣтъ 22—23-хъ) и повлекъ его быстро къ выходу на улицу, передавая появившимся въ вестибюлѣ двумъ солдатамъ, словно выросшимъ изъ земли со своими обнаженными тесаками. Въ первое мгновеніе всѣ оцѣпенѣли. «Зачѣмъ ихъ схватили? Куда ихъ поведутъ сейчасъ»? мелькнула мысль у всякаго. Раздался тяжелый вздохъ и стонъ, и около меня рухнула на землю пожилая женщина, какъ оказалось мать одного изъ схваченныхъ. За другимъ бѣжала молодая дама, рыдая и умоляя дать ей возможность хотя-бы проститься съ своимъ мужемъ Они были, какъ я потомъ узналъ, молодожены, совершавшіе свадебное путешествіе и застигнутые внезапной войной въ Германіи. Однако проститься ей не удалось: прежде чѣмъ она добѣжала до дверей,—и арестованные, и солдаты съ полицейскими исчезли за ширмой у выхода на улицу, а часовые, стоявшіе здѣсь, не выпустили ее изъ дверей. Несчастная забилась въ истерикѣ, не успѣвъ даже пожать на прощанье руку своему супругу.

Тяжелый осадокъ оставило на душѣ только что происшедшее, и невольно на сердцѣ росло непріязненое чувство къ германцамъ, проявившимъ безъ всякой нужды излишнюю жестокость при арестѣ. «Зачѣмъ было такъ грубо хватать людей, какъ преступниковъ, зачѣмъ было производить арестъ почти ночью, съ видимымъ желаніемъ оставить глубокое впечатлѣніе у всѣхъ насъ?» думалось мнѣ. Вся наша компанія въ это время напоминала растерявшуюся семью, изъ которой передъ тѣмъ невѣдомо откуда-то появившійся хищникъ вырвалъ двухъ цвѣтущихъ птенцовъ. Болѣе молодые поспѣшили скрыться въ свои комнаты, неувѣренные, что пережитое сейчасъ не повторится вновь. Но это не могло служить полной гарантіей безопасности,

такъ какъ поговаривали, что ночью нѣмцы будутъ обходить номера и арестовывать всѣхъ военно-обязанныхъ.

Между тѣмъ несмотря на поздній часъ времени лица, собиравшіяся уѣхать завтра съ раннимъ поѣздомъ приготовлялись къ отъѣзду. Расплачивались за комнаты, поручали портье нанять пораньше извозчиковъ, разспрашивали о происходящемъ на улицѣ и на вокзалѣ. Предпріимчивый портье разложилъ на столикѣ пакеты съ печеньемъ и продавалъ ихъ для дороги желающимъ, по двойной цѣнѣ сравнительно съ нормальной. Достать самимъ было ничего нельзя за невозможностью выйти изъ гостинницы, и весь запасъ у портье скоро расхватали по рукамъ. Не хотѣлось итти въ свою комнату, гдѣ ожидала все-равно безсонная ночь. Я присматривался къ окружающимъ лицамъ, стараясь прочитать на нихъ отвѣтъ на мучившій вопросъ: „что же будетъ завтра съ нами"? И можно было безошибочно отличить, кто спокоенъ за свои лѣта и кто опасается, что его возрастъ будетъ признанъ нѣмцами за внушающій подозрѣніе. Такихъ «обреченныхъ» было большинство.

Обращала на себя вниманіе и вызывала всеобщее сочувствіе молодая чета Г. съ двумя малютками 4-хъ и 5-ти лѣтъ. Онъ—молодой приватъ-доцентъ Петроградскаго университета, астрономъ, командированный на два года заграницу и жившій уже шесть мѣсяцевъ во Франкфуртѣ, занимаясь въ тамошней обсерваторіи подъ руководствомъ извѣстнаго профессора Hartmann'а. Какъ только была объявлена война, собравшаяся около его квартиры толпа требовала его ареста, какъ предполагаемаго шпіона, и несмотря на безрезультатный обыскъ, произведенный полиціей, разгромила его квартиру, такъ что онъ съ семьей еле спасся бѣгствомъ въ Гомбургъ, не будучи въ состояніи захватить съ собой ни одной вещи изъ квартиры. По его словамъ въ минувшее Воскресенье (т. е. какъ разъ въ день нашей попытки уѣхать изъ Гомбурга) во Франкфуртѣ былъ страшный погромъ противъ русскихъ: били на улицахъ встрѣчавшихся русскихъ, отыскивали въ гостинницахъ жившихъ тамъ русскихъ, выгоняя ихъ оттуда и уничтожая ихъ вещи, срывали вывѣски, такъ или иначе напоминавшія о Россіи, причемъ особенно досталось одному отелю, носившему русское имя, въ которомъ все было

разворочено толпой въ поискахъ будто-бы скрывшихся въ немъ русскихъ шпіоновъ. Не обошлось и безъ кровавыхъ жертвъ при этомъ погромѣ. Удивительнымъ казалось, что этому молодому ученому пришлось испытать столько злоключеній во Франкфуртѣ несмотря на обладаніе имъ оффиціальными письменными разрѣшеніями: работать въ обсерваторіяхъ Германіи—отъ германскаго министерства народнаго просвѣщенія, и заниматься въ франкфуртскомъ институтѣ—отъ проф. Hartmann'a. Сколько онъ не показывалъ эти бумаги съ печатями и подписями весьма извѣстныхъ въ Германіи лицъ,—ему чинили всякія препятствія и принимали упорно за шпіона.

Наоборотъ сидѣвшая неподалеку отъ семьи Г. другая русская чета вызывала своимъ поведеніемъ иныя чувства. Мужъ—блондинъ лѣтъ 35, петроградскій чиновникъ, съ украшенными перстнями руками и золотымъ портсигаромъ, который онъ многократно вынималъ, словно для показа, и жена—смуглая брюнетка семитическаго типа, съ надменнымъ, избалованнымъ лицомъ, на которомъ нѣтъ-нѣтъ появлялись докучливыя слезы, какъ протестъ противъ нежданныхъ затрудненій, необычныхъ, видимо, для ея жизни. Указывая на нее, шопотомъ говорили: «это племянница жены знаменитаго графа В.» Досада и безсильная злоба вспыхивали временами въ ея глазахъ, и тогда она о чемъ-то тихо говорила своему мужу, послѣ чего послѣдній тотчасъ устремлялся то въ бюро отеля, гдѣ въ чемъ-то начиналъ убѣждать хозяйку, то къ солдатамъ, стоявшимъ у выхода на улицу, то наконецъ къ доктору П—ру, когда онъ появился. И всякій разъ, медленно возвращаясь къ женѣ, онъ пожималъ плечами и разводилъ руками, какъ-бы давая понять, что его миссія не увѣнчалась успѣхомъ. Дама, до сихъ поръ не обращавшая никакого вниманія на другихъ русскихъ, вдругъ обратилась съ дрожью въ голосѣ къ окружающимъ:

„Только-бы мнѣ скорѣй вернуться въ Россію, или по крайней мѣрѣ получить возможность телеграфировать въ Петроградъ, кому надо! Все измѣнится тотчасъ,—и мужа освободятъ и всѣхъ выпустятъ, кого забрали уже и заберутъ еще, какъ военно-обязанныхъ. Только-бы мнѣ вырваться!..»

Въ это время къ нимъ подошелъ докторъ П—ръ и о чемъ-то тихо сталъ говорить съ ними, какъ-будто сообщая какой-то новый планъ дѣйствій. Затѣмъ оба, и докторъ и мужъ дамы, поспѣшили къ выходу и покинули отель въ сопровожденіи конвойнаго. Публика насторожилась. Послышались вопросы: «куда они отправились? Зачѣмъ»? И сейчасъ же нашлись лица, объяснившія все. По ихъ словамъ и дама, и ея мужъ лишь случайно попали въ Гомбургъ. Они пытались пробраться изъ южной Германіи во Францію, но у самой границы были застигнуты объявленіемъ войны Франціи, и несмотря на всѣ мольбы не были пропущены туда. Не подѣйствовало даже, прибавляли разсказывавшіе, упоминаніе, что они являются ближайшими родственниками графа В., извѣстнаго благожелателя нѣмцевъ и будто-бы «друга» самого императора Вильгельма. И вотъ теперь мужъ отправился вновь хлопотать объ облегченіи ихъ участи, а можетъ быть и нашей общей. Черезъ полчаса онъ вернулся уже одинъ, и увидавшіе его первыми стоявшіе около входа потянулись къ нему съ вопросами: „ну что? Какъ? Выяснилось что-нибудь?“ Пожимая плечами, словно желая отдѣлаться отъ спрашивающихъ, онъ бросилъ намъ въ отвѣтъ только: „ничего не знаю“, и устремился черезъ вестибюль къ своей женѣ, сидѣвшей поодаль. Шопотомъ, оглядываясь по сторонамъ, онъ быстро объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и по измѣнившемуся выраженію ея лица можно было догадаться, что онъ принесъ ей благопріятныя вѣсти. Затѣмъ онъ тотчасъ поднялся наверхъ, въ свой номеръ, а она, стараясь замаскировать свою радость, начала оживленно бесѣдовать съ окружающими. Когда нѣкоторые осторожно пытались узнать отъ нея, чѣмъ же кончились хлопоты ея мужа, она съ оттѣнкомъ ироніи проговорила:

«Господи, чего же онъ могъ добиться, если даже Г. (упомянутому выше приватъ-доценту) не помогли его бумаги?» И вслѣдъ затѣмъ, обративъ вниманіе на угнетенное лицо одного изъ русскихъ, стоявшаго подлѣ, она прибавила уже совсѣмъ весело: „чего вы повѣсили носъ? Вѣдь вы—мужчина. Боитесь? А вотъ придется поспать на полу въ казармахъ и посидѣть на хлѣбѣ и водѣ у нѣмцевъ!»

И жестокость человѣка, которому не грозитъ никакой опасности, почувствовалась въ ея словахъ.

Какъ выяснилось на другой день, эта чета благополучно исчезла изъ Гомбурга рано утромъ, и мужъ „вліятельной" дамы не былъ задержанъ германцами, какъ военно-обязанный, несмотря на то, что ему было менѣе 40 лѣтъ По всей вѣроятности сила „связей" на этотъ разъ оказалась дѣйствительной, подобно тому какъ впослѣдствіи мы убѣдились, что пресловутая нѣмецкая неподкупность является въ значительной степени фикціей.

XVIII.

Тяжелую, кошмарную ночь провели мы всѣ въ отелѣ. Разойдясь въ первомъ часу по своимъ комнатамъ, мы не были увѣрены, что среди ночи насъ не поднимутъ и не отправятъ тѣхъ, которые считаются военно-обязанными, туда, куда уже были отправлены такъ неожиданно схваченные на нашихъ глазахъ русскіе. Мнѣ лично представлялось все безнадежно потеряннымъ, послѣ того какъ я узналъ, что всѣ лица до 45-ти лѣтняго возраста будутъ задержаны и что ни профессура, ни льгота ратника 2-го разряда не спасутъ меня, такъ какъ въ Германіи не являются причиной освобожденія отъ воинской повинности. Впервые въ жизни пришлось горько пожалѣть о своихъ лѣтахъ: не хватало всего двухъ лѣтъ до предѣльнаго возраста, который далъ бы мнѣ возможность безбоязненно смотрѣть въ глаза грядущимъ испытаніямъ!.. Рисовалась страшная картина оторванности на долгое время отъ родины, гдѣ совершаются теперь великія событія, отъ семьи, которой предстоитъ пережить за меня не мало ужасныхъ минутъ, и наконецъ отъ любимаго дѣла, которому была посвящена вся жизнь. И въ то же время люди, которые старше меня всего на какихъ нибудь два-три года, получаютъ свободу и могутъ благополучно вернуться къ своему домашнему очагу!

Едва я сталъ забываться тревожнымъ сномъ, промучившись долго въ постели безъ сна, какъ раздался рѣзкій стукъ въ дверь и возгласъ: «heraus!» Кто-то быстро проходилъ по корридору и стучалъ въ каждую дверь, застав-

ляя просыпаться и выходить изъ комнатъ во дворъ, гдѣ предстоялъ сейчасъ арестъ всѣхъ лицъ въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ. Я посмотрѣлъ на часы: было ровно половина шестого. „Значитъ первый поѣздъ уже ушелъ", промелькнуло у меня въ головѣ. Быстро одѣвшись, я спускался, какъ приговоренный къ смерти, по лѣстницѣ и невольно отсчитывалъ одну ступеньку за другой, словно надѣясь такимъ способомъ удлинить дорогу. Такъ, по всей вѣроятности, идущій на казнь считаетъ шаги, отдѣляющіе его отъ того мѣста, на которомъ ему придется остановиться навсегда. Я замѣтилъ, что и другіе, одновременно со мной спускавшіеся по лѣстницѣ, всячески старались растянуть путь, задерживаясь подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ на площадкахъ. Однако и въ корридорѣ, и на лѣстницѣ предусмотрительно стояли служащіе отеля, съ ядовитой улыбкой предлагавшіе намъ поторопиться сойти внизъ.

Но вотъ наконецъ и дворъ, своего рода «лобное мѣсто», гдѣ ждутъ насъ скорый судъ и расправа. По серединѣ двора, заложивъ руки за спину медленно прохаживается взадъ и впередъ одинъ изъ вчерашнихъ полицейскихъ. А въ сторонѣ отъ него, во внутренней части двора, притиснутые къ стѣнѣ уже выстроены шеренгой «обреченные», въ то время какъ другіе, радостные по случаю своего освобожденія, толкутся подъ стеклянной веренадой въ ожиданіи утренняго чая. Увидавъ направляющихся отъ вестибюля (куда выходила лѣстница отеля) новыхъ лицъ, полицейскій остановился, устремивъ на насъ пронизывающій взглядъ, какъ-бы желая по внѣшнему виду опредѣлить лѣта каждаго. Какъ только мы приблизились къ нему вплотную, онъ, продолжая испытующе смотрѣть на насъ, повелительнымъ голосомъ, при мертвой тишинѣ вокругъ, сказалъ:

«Отвѣчайте, сколько вамъ лѣтъ, покажите паспорта. И помните, если кто-либо обманетъ, будетъ наказанъ по законамъ военнаго времени!»

Стоявшіе впереди меня двое русскихъ, раньше чѣмъ они раскрыли ротъ, чтобы сказать о своихъ лѣтахъ, были имъ отстранены рукой по направленію къ выстроеннымъ въ шеренгу, настолько ихъ видъ говорилъ ясно объ ихъ возрастѣ. Полицейскій не взглянулъ даже на ихъ паспор-

та, которые они протягивали ему. Наоборотъ, пристально посмотрѣвъ на мое осунувшееся, постарѣвшее по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять лицо, онъ прежде всего взялъ мой паспортъ, быстро перелисталъ его и, остановивъ особеное вниманіе на первой страницѣ, гдѣ всѣ данныя обо мнѣ были подробно обозначены по русски, отчеркнулъ что-то карандашомъ на ней. сказавъ къ моему изумленію:

„Профессоръ университета, 50 лѣтъ. Отойдите въ сторону!“

Въ первое мгновеніе я остолбенѣлъ отъ неожиданности. Въ слѣдующее—хотѣлъ было внести поправку о своихъ лѣтахъ. Но инстинктъ самосохраненія и чувство свободы. охватившее меня, превозмогли, и я, подавивъ въ себѣ желаніе возстановить истину, отошелъ въ сторону, т. е. присоединился къ той группѣ лицъ, которыя, какъ не военно-обязанные, имѣли право свободно передвигаться по двору. Чему, какой счастливой случайности обязанъ былъ я своимъ чудеснымъ спасеніемъ? Почему полицейскій опредѣлилъ въ 50 лѣтъ мой возрастъ? Неужели каменное сердце германца дрогнуло при видѣ моихъ страданій и онъ пожалѣлъ меня, прекрасно понимая, что ни въ какіе солдаты я не гожусь, и послѣ возвращенія на родину не буду воевать противъ Германіи? Послѣ того какъ первая радость по случаю моего освобожденія прошла, я вспомнилъ, что полицейскій отчеркнулъ что-то карандашемъ въ моемъ паспортѣ. Каково же было мое изумленіе, когда, доставъ паспортъ, я увидалъ, что на первой страницѣ подчеркнута цифра 50 въ слѣдующей фразѣ, которая была написана въ паспортѣ въ одну строчку тотчасъ за моей фамиліей: «50 к. бланкетнаго сбора взыскано». Теперь сдѣлалась ясной причина моего освобожденія: полицейскій, не понимая русскаго языка, принялъ эту цифру за обозначеніе моихъ лѣтъ, какъ это дѣйствительно въ нѣкоторыхъ заграничныхъ паспортахъ было отмѣчено у другихъ русскихъ. Хотѣлось отъ всей души посмѣяться надъ этой исторіей. но приходилось подавить даже улыбку: въ нѣсколькихъ шагахъ полицейскій продолжалъ разсматривать паспорта вновь подходящихъ, не вѣря въ большинствѣ случаевъ словеснымъ заявленіямъ, а стараясь отыскать въ каждомъ паспортѣ указаніе возраста,—и число выстроенныхъ въ ше-

ренгу увеличивалось все больше. Ради собственной безопастности необходимо было молчать обо всемъ происшедшемъ до самаго конца пребыванія въ Германіи.

Между тѣмъ на стеклянной верандѣ начали подавать утренній чай и кофе. Я сѣлъ за столикъ, занятый моими сосѣдками по комнатѣ: упомянутой уже выше сестрой жены нашего доктора съ ея компаньонкой и барышней Л., сестрой милосердія. Долго мы ждали заказаннаго кофе и чая, и наконецъ намъ подали какую-то бурду вмѣсто этого. Прислуга служила кое-какъ, не скрывая своего пренебреженія къ намъ. Но люди оставались людьми: немного отлегло отъ сердца,—и вновь слышались шутки и остроты надъ собственнымъ положеніемъ, какъ-будто и не переживали ничего страшнаго передъ тѣмъ. А въ то же время на дворѣ полицейскій построилъ въ ряды всѣхъ задержанныхъ и, ставъ съ лѣваго фланга во главѣ ихъ, командовалъ ими, какъ уже настоящими военными. Появившійся другой полицейскій замыкалъ шествіе, и скоро всѣ исчезли въ вестибюлѣ, удаляясь на улицу.

Мы же, оставшіеся въ гостинницѣ, стали дѣятельно готовиться къ отъѣзду: перекладывали наиболѣе необходимыя вещи изъ чемодановъ въ картонки и саквояжи, оставляя все лишнее въ чемоданахъ, которые и поручили на храненіе здѣсь въ гостинницѣ до окончанія войны, или отдали на тѣ виллы, гдѣ жили раньше. Какъ оказалось, поѣздъ въ 5 часовъ утра дѣйствительно ушелъ и съ нимъ уѣхало нѣкоторое количесгво русскихъ. Слѣдующій поѣздъ отправлялся въ 1 ч. дня, и съ этимъ поѣздомъ мы всѣ рѣшили ѣхать. Опять появились нѣкоторые изъ нашихъ нѣмецкихъ знакомыхъ, и среди нихъ тотъ же докторъ П-ръ, на этотъ разъ съ своей женой. Вновь онъ надѣлялъ сигарами и бутербродами своихъ бывшихъ жильцовъ. Пришла проводить свою сестру и г. Ш., жена нашего доктора, а равно появился и Викторъ, принесшій нѣсколько открытокъ, адресованныхъ его петроградскимъ знакомымъ, съ просьбою опустить ихъ въ ящикъ гдѣ-нибудь по пріѣздѣ въ Россію, съ русской маркой. Все, казалось, говорило за то, что мы поѣдемъ, и что всѣ препятствія къ отъѣзду устранены. Пробывъ у насъ короткое время, знакомые сердечно простились съ нами, пожелавъ счаст-

ливаго пути и извиняясь, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не рѣшаются проводить насъ на вокзалъ. По случаю нашего отъѣзда съ часовымъ поѣздомъ намъ поданъ былъ обѣдъ ровно въ 12 часовъ дня. Обѣдъ состоялъ изъ жидкаго супа и разваренныхъ бобовъ. Сладкаго не подали, и когда кто-то спросилъ: почему,—проходившая мимо хозяйка отвѣтила, что полицiя отмѣнила сегодня сладкое для русскихъ и распорядилась накормить насъ самой простой пищей. Однако это не помѣшало хозяйкѣ взять съ насъ полностью плату за цѣлый день пансiона.

Но вотъ наконецъ обѣдъ конченъ, по счетамъ уплачено и извощики на вокзалъ наняты Портье принесъ обратно цѣлый ворохъ нашихъ паспортовъ, которые были отнесены имъ передъ обѣдомъ въ полицiю для того, чтобы былъ проставленъ штемпель въ знакъ отсутствiя препятствiй къ выѣзду. Безъ такого штемпеля съ датой дня отъѣзда, какъ намъ сказали, никто не будетъ пропущенъ въ зданiе вокзала стоявшей тамъ стражей. Вещи вынесены и размѣщены въ экипажахъ, прислуга щедро надѣлена „чаевыми", и мы, радостные, оставляемъ гостинницу—наше временное убѣжище, замѣнившее намъ тюрьму. Послѣ всѣхъ треволненiй прiятно чувствовать, что все осталось уже позади, и что сейчасъ сядешь въ поѣздъ, на которомъ всѣхъ насъ отправятъ теперь въ Россiю. Десятки экипажей съ русскими отъ всѣхъ трехъ отелей—мѣстъ заключенiя—стремились въ этотъ моментъ къ уединенно расположенному за городомъ вокзалу, словно влекомые туда какимъ-то магнитомъ, скрытымъ въ его остроконечной, готической башнѣ...

XIX.

Однако, едва мы, выѣхавши загородъ, свернули на аллею, ведущую прямо къ вокзалу, какъ навстрѣчу намъ хлынулъ обратный потокъ людей и экипажей, почему-то возвращавшихся съ вокзала въ городъ. Встрѣчные махали намъ руками и кричали, что на вокзалъ никого не пускаютъ, но мы отказывались вѣрить своимъ глазамъ и ушамъ, и продолжали двигаться впередъ, пока наконецъ стоявшiе у самаго входа въ зданiе вокзала часовые не заявили намъ категорически, что никакихъ поѣздовъ для

русскихъ не будетъ, и не потребовали нашего немедленнаго удаленія, не желая давать намъ какихъ-либо объясненій.

Ошеломленные, возвращались мы вмѣстѣ съ другими въ нашу гостинницу, но тутъ ждало насъ новое испытаніе. Стеклянныя двери нашего отеля плотно затворились, какъ только находившійся у выхода на улицу сынъ хозяйки замѣтилъ наше намѣреніе вновь войти въ вестибюль съ вещами. Тщетны были наши мольбы и напоминанія, что съ насъ полностью взятъ пансіонъ за цѣлый день впередъ: молодой хозяинъ стоялъ по ту сторону дверей, отрицательно качалъ головой и не пускалъ насъ. Между тѣмъ еще не снятая съ своего поста стража настойчиво требовала, чтобъ мы не оставались на улицѣ и вошли въ отель, такъ какъ въ противномъ случаѣ согласно предписанію она должна арестовать насъ и отвести въ тюрьму. Положеніе становилось трагичнымъ, такъ какъ насъ, русскихъ, накоплялось на улицѣ все больше и больше, а двери отеля оставались по прежнему запертыми. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы все это, если бъ надъ нами не сжалился владѣлецъ находившагося напротивъ маленькаго отеля „Braunschweig", наблюдавшій наше безпомощное состояніе, и распорядившійся открыть желѣзную рѣшетку своего отеля, съ приглашеніемъ всѣхъ насъ пережидать въ вестибюлѣ отеля, пока не выяснится, что предстоитъ намъ продѣлать впереди, т. е. до новаго распоряженія властей. Съ облегченнымъ сердцемъ и благодарностью поспѣшили мы къ нему въ отель, и съ не меньшимъ удовлетвореніемъ перешла сюда и стража, сбитая, повидимому не менѣе насъ, съ толка всѣмъ происходившимъ.

Какъ загравленные звѣри, стояли мы теперь за рѣшеткой, напирая другъ на друга и выжидательно смотря на улицу, откуда должны были получиться новыя извѣстія относительно нашей участи. Уличная толпа отнеслась почти безразлично къ нашему неожиданному возвращенію съ вокзала: очевидно у нея притупилась уже впечатлительность къ сдѣлавшейся слишкомъ обыкновенной картинѣ помыкательства и издѣвательства надъ русскими. Вскорѣ появилась жена нашего доктора Ш., съ сестрой которой

(московской купчихой П.) и съ ея компаньонкой я такъ неудачно только что проѣхался на вокзалъ и обратно. Узнавъ, въ чемъ дѣло, г-жа Ш. тотчасъ съѣздила по нашей просьбѣ къ ландрату и привезла извѣстіе, что поѣздовъ дѣйствительно никакихъ для насъ не будетъ и что даже успѣвшіе утромъ выѣхать русскіе застрянутъ гдѣ-нибудь недалеко отъ Гомбурга. Тѣмъ не менѣе распоряженіе о заключеніи въ тюрьму всѣхъ русскихъ, которые до вечера не покинутъ Бадъ Гомбурга, оставалось въ силѣ, такъ какъ ландратъ не получилъ еще никакихъ новыхъ указаній отъ высшаго начальства и разрѣшалъ пребываніе здѣсь лишь больнымъ, представившимъ удостовѣреніе врачей. Посовѣтовавшись, какъ быть, мы рѣшили попытаться добыть докторское свидѣтельство, и вмѣстѣ съ г-жой Ш. всѣ четверо (т. е. кромѣ нея, я, ея сестра и компаньонка послѣдней) отправились на извощикѣ къ тому самому доктору (знакомому г-жи Ш.), который далъ раньше удостовѣреніе нашему генералу И. Часовой не хотѣлъ сначала выпустить насъ, но г-жа Ш. объяснила ему, что она была у ландрата и сейчасъ повезетъ насъ для освидѣтельствованія къ доктору.

Съ трепетомъ входили мы въ пріемную доктора. Хотя несомнѣнно мы являлись больными, основная болѣзнь которыхъ подъ вліяніемъ недавно пережитыхъ событій еще болѣе усилилась,—у насъ не было увѣренности, что германскій врачъ отнесется къ намъ только какъ къ паціентамъ, а не увидитъ въ насъ прежде всего враговъ его родины. Первой была принята сестра г-жи Ш., полная дама, лечившаяся въ Гомбургѣ отъ болѣзни сердца. Долго выслушивалъ и выстукивалъ ее докторъ, и наконецъ выдалъ ей удостовѣреніе, гдѣ въ весьма сдержанныхъ и довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорилось о неправильности тоновъ въ ея сердцѣ. Дошла очередь и до меня. Испытующе посмотрѣлъ на меня докторъ и раньше всего спросилъ, сколько мнѣ лѣтъ и не являюсь ли я военно-обязаннымъ. Я объяснилъ ему, что всѣ военно-обязанные арестованы еще въ гостинницѣ. Узнавъ изъ моего разсказа, что я уже второй разъ пріѣхалъ въ Гомбургъ для лѣченія болѣзни кишечника, онъ подробно разспросилъ меня о всѣхъ проявленіяхъ моей болѣзни, изслѣ-

довалъ мой кишечникъ и въ результатѣ написалъ и мнѣ удостовѣреніе въ томъ, что я страдаю хроническимъ катарромъ кишекъ, требующимъ строгой діэты и правильнаго режима жизни, подъ постояннымъ врачебнымъ наблюденіемъ. Запасшись этими цѣнными для насъ бумажками и поблагодаривъ доктора, мы отправились всѣ на томъ же извощикѣ вмѣстѣ съ г-жей Ш. въ канцелярію ландрата, гдѣ послѣ разсмотрѣнія удостовѣреній и были выданы намъ разрѣшенія остаться „bis auf weiteres“ (до дальнѣйшаго распоряженія) въ Гомбургѣ. Въ текстѣ разрѣшенія, подписаннаго ландратомъ, упоминалось, что разрѣшеніе выдается „mit Ermächtigung Garnisoncommando“ (съ согласія начальника гарнизона) и кромѣ печати ландрата была оттиснута тутъ-же печать Garnisoncommando. Будучи обладателями этихъ „Aufenthalterlaubnisschein'овъ“ (разрѣшеній на право остаться) мы почувствовали себя уже вполнѣ счастливыми и поспѣшили за нашими вещами, оставленными въ «Hotel'ѣ Braunschweig», чтобъ ѣхать затѣмъ въ нашъ «русскій домъ», откуда два дня тому назадъ мы были такъ неожиданно выселены.

За чугунной рѣшеткой у входа въ отель по прежнему стояли сдѣлавшіяся уже знакомыми лица и пытливо смотрѣли на улицу, все еще ожидая рѣшенія своей участи. Но наша участь была уже рѣшена благопріятно для насъ, и это дѣлало насъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, эгоистичными и глухими къ чужимъ сомнѣніямъ и страданіямъ. Радостные, безконечно довольные своей судьбой, вернулись мы подъ сѣнь «русскаго дома». Я прошелъ въ свою комнату, и каждый предметъ въ ней показался теперь мнѣ дорогимъ и близкимъ. Словно свалилась гора съ плечъ, словно позади гдѣ-то осталась грозившая самому существованію громадная опасность. Поздно вечеромъ мы узнали, что всѣмъ русскимъ, французамъ и прочимъ врагамъ разрѣшено остаться временно въ Гомбургѣ, на прежнихъ ихъ мѣстахъ жительства. Очевидно произведенной встряски казалось достаточно, и рѣшено было дать всѣмъ до поры, до времени передышку...

А на другое утро сдѣлалось извѣстнымъ, что тѣ „счастливцы“, которымъ въ числѣ приблизительно ста человѣкъ удалось наканунѣ съ часовымъ поѣздомъ выѣхать

изъ Гомбурга будто-бы на родину, просидѣли цѣлый день во Франкфуртѣ на вокзалѣ, запертые въ какой-то крохотной комнатѣ, откуда ихъ наконецъ поздно вечеромъ отправили съ поѣздомъ обратно въ Гомбургъ. Измученные, съ полуживыми дѣтьми, возвратились они около полуночи обратно и должны были пѣшкомъ съ вокзала итти съ вещами на плечахъ отыскивать себѣ квартиры. И мы возблагодарили Бога, что не попали въ свое время на этотъ, отправленный повидимому на общее посмѣшище, поѣздъ.

XX.

Съ этого дня началось наше томительное пребываніе въ плѣну, продолжавшееся около двухъ мѣсяцевъ, съ періодами то появлявшихся надеждъ на скорое освобожденіе, то отчаянія въ возможности выбраться до окончанія войны изъ Германіи. Жизнь, когда-то пріятная и обставленная комфортомъ, рѣзко измѣнилась. Завѣдывалъ хозяйствомъ въ нашемъ пансіонѣ по прежнему Викторъ, при содѣйствіи переселившейся къ намъ теперь его матери, не пользовавшейся въ сущности никакими правами хозяйки. Всѣ знали, что лишь въ отсутствіи своего мужа, доктора Ш., она можетъ оставаться здѣсь, а Викторъ не скрывалъ своего не расположенія къ ней, какъ русской по происхожденію, и совершенно не считался съ ея мнѣніемъ. Кормить начали насъ отвратительно, хотя плата за пансіонъ оставалась прежняя. Обѣдъ состоялъ ежедневно изъ жидкаго супа, а на второе подавалось варившееся въ этомъ супу мясо, нарѣзанное тоненькими кусочками. Сладкое совершенно исчезло изъ обихода. Вечеромъ подавались остатки этого же мяса, но уже въ холодномъ видѣ, и жареныя изъ тертаго картофеля лепешки, или просто вареный картофель. Если къ сказанному прибавить, что утромъ мы получали чашку кофе съ крошечнымъ кружкомъ масла, а передъ сномъ чай съ сухарями, какъ было заведено еще при докторѣ Ш., то этимъ исчерпывался весь получаемый нами пансіонъ. Въ то же время, какъ намъ были извѣстно, генералу И. и его дочери подавали отдѣльный столъ, не отличавшійся первоначально отъ того, которымъ пользовались мы всѣ раньше. Однако съ него брали уже по 40 марокъ за обоихъ

въ день. и при томъ ежедневно впередъ. Повидимому докторъ Ш. не оставилъ на веденіе хозяйства особой суммы, и на деньги, получаемыя съ генерала, содержалась теперь какъ вся его семья, такъ и мы всѣ остальные жильцы „русскаго дома“. Мы были благодарны и за такое скудное питаніе, въ особенности по той причинѣ, что у каждаго было въ обрѣзъ денегъ, и что намъ обѣщали отсрочить уплату за пансіонъ на нѣкоторый срокъ, а можетъ быть даже до возвращенія въ Россію. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю экономію, деньги таяли, такъ какъ приходилось каждый день для поддержанія силъ подкупать колбасы, сыра, хлѣба.

Между тѣмъ военныя событія разыгрывались быстрымъ темпомъ. Одна за другой падали бельгійскія и французскія крѣпости и германскія войска широкой волной вторглись въ предѣлы Бельгіи и Франціи. Начались ликованія по случаю побѣдъ. Выработанъ былъ особенный порядокъ на случай полученія побѣдныхъ извѣстій съ театра войны и опубликованъ въ газетахъ. „Особымъ колокольнымъ звономъ въ церквахъ будутъ извѣщаться жители о побѣдѣ“, читали мы, „надлежитъ тотчасъ вывѣшивать флаги на домахъ и общественныхъ зданіяхъ, но не оставлять ихъ висѣть непрерывно, чтобъ не примелькались эти праздничныя отличія и не притупилось чувство радости при новой побѣдѣ“. Викторъ поспѣшилъ заказать большой флагъ, который прикрѣпилъ торжественно надъ параднымъ входомъ при первой очередной побѣдѣ. Онъ занялся также тщательнымъ удаленіемъ изъ нашего „русскаго дома“ всего того, что носило на себѣ характеръ русскаго, подъ предлогомъ опасенія, какъ-бы толпа не разгромила нашего дома. Такъ, прежде всего онъ заклеилъ газетной бумагой два барельефа портрета Государя и Государыни, висѣвшіе въ гостинной на видномъ мѣстѣ, а также портретъ Императора Александра II, вмѣсто котораго онъ перевѣсилъ теперь находившійся раньше въ темномъ углу портретъ императора Вильгельма. Затѣмъ въ одинъ изъ вечеровъ замазана была надпись на внутренней сторонѣ арки портала, сдѣланная древнимъ славянскимъ шрифтомъ: «русскій домъ». Тяжело было намъ, русскимъ, мириться со всѣмъ этимъ и не высказывать

протеста, и не мало думъ передумалъ каждый изъ насъ, прислушиваясь къ непрерывному грохоту поѣздовъ, перебрасывающихъ войска на французскій фронтъ.

Въ газетахъ этого времени наряду съ описаніемъ подвиговъ нѣмецкихъ войскъ и варварства бельгійцевъ и французовъ, будто-бы употребляющихъ разрывныя пули, мы нашли и своего рода отповѣдь сравнительно съ ранѣе отпечатаннымъ. «Не стрѣляйте въ автомобили!» „Не принимайте своихъ за шпіоновъ!" озаглавлены были отдѣльныя статьи. Оказалось, что въ поискахъ автомобилей, перевозящихъ будто-бы изъ Франціи въ Россію золото, добрые нѣмцы перестрѣляли не одинъ десятокъ своихъ собственныхъ автомобилей, а желаніе отыскать шпіоновъ привело къ тому, что въ Берлинѣ толпа избила до полусмерти своихъ же офицеровъ, принявъ ихъ за переодѣтыхъ въ прусскую форму русскихъ шпіоновъ. Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ описывались тѣ „непривычныя народу" военныя формы, которыя могли вызвать вновь недоразумѣнія. Итакъ, посѣянныя злобою сѣмена взросли, но не совсѣмъ такъ, какъ хотѣлось этого разжигавшимъ страсти. Слѣпая масса, натравливаемая на враговъ, въ стремленіи выполнить предписанное, не отличала своихъ отъ чужихъ.

Черезъ нѣсколько дней къ намъ въ русскій домъ неожиданно вернулись поселившіеся въ Windsor Hotel'ѣ и затѣмъ арестованные (какъ военно-обязанные) агрономъ Е. и псаломщикъ—мой товарищъ по приключеніямъ въ Гиссенѣ и Наугеймѣ. Они разсказали намъ много интереснаго о своемъ житьѣ-бытьѣ въ такъ называемомъ „Römer'ѣ" (раньше нѣчто въ родѣ народнаго дома), куда были заключены всѣ мужчины въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ (подданные враждебныхъ Германіи государствъ). Всѣ помѣщались въ большомъ залѣ, гдѣ на полу правильными рядами лежали мѣшки, набитые сѣномъ, служившіе постелью. Режимъ былъ тюремный: въ дверяхъ все время стояли часовые, выходить никуда не разрѣшалось, и даже въ уборную можно было ходить лишь въ сопровожденіи стражи. Всѣхъ предварительно обыскали, причемъ были отобраны документы и деньги, которыя впрочемъ передъ освобожденіемъ были возвращены. Кормили арестантской пищей, но разрѣшали знакомымъ приносить

съѣстные припасы для арестованныхъ. Съ благодарностью вспоминали послѣдніе объ одной голландкѣ, которая помимо того, что ежедневно привозила что-либо изъ съѣстного, способствовала черезъ врачей разрѣшенію поселиться на частныхъ квартирахъ многимъ больнымъ, не выносившимъ тюремной обстановки. Наконецъ и всѣмъ остальнымъ было позволено переселиться на частныя квартиры, съ обязательствомъ два раза въ недѣлю (впослѣдствіи только одинъ разъ) являться на провѣрку къ Garnisoncommando (начальнику гарнизона). Возвратились наши соквартиранты еще болѣе разбитыми, чѣмъ мы, и главное, на что они жаловались,—это постоянные окрики и муштрованье нѣмцевъ. Запрещалось, напримѣръ, подъ угрозой разстрѣла, подходить къ часовымъ ближе, чѣмъ на пять шаговъ, не позволялось собираться по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, и такъ далѣе.

Пришлось скоро и намъ познакомиться съ Garnisoncommando. Приблизительно черезъ недѣлю послѣ нашего неудавшагося выѣзда изъ Гомбурга появилось новое объявленіе отъ его имени, приглашавшее всѣхъ русскихъ, французовъ, англичанъ и прочихъ лицъ враждебныхъ Германіи національностей явиться въ назначенные часы въ комендатуру для дачи о себѣ необходимыхъ свѣдѣній въ виду надобности выяснить число оставшихся въ Гомбургѣ. Далѣе прибавлялось, что у Garnisoncommando можно узнать маршруты желѣзнодорожныхъ сообщеній, по которымъ въ настоящее время желающіе могли бы по полученіи разрѣшенія выѣхать изъ Гомбурга. На другой день началось наше „паломничество“ въ комендатуру. Одинъ за другимъ тянулись пѣшеходы и подъѣзжали экипажи къ воротамъ маленькаго зданія на окраинной улицѣ города. Въ садикѣ за воротами были поставлены нѣсколько стульевъ и скамеекъ: это была своего рода пріемная для посѣтителей. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда находилось нѣчто въ родѣ бесѣдки, въ которую и приглашались всѣ по очереди для краткаго разговора съ Garnisoncommando. Оказалось, что прежній начальникъ гарнизона, отъ котораго исходили предшествующія распоряженія, уже выступилъ къ этому времени вмѣстѣ съ своимъ полкомъ на театръ военныхъ дѣйствій, а его мѣ-

сто занималъ лейтенантъ въ отставкѣ, ветеранъ войны 1870—71 года—von Mack, грудь котораго была украшена желѣзнымъ крестомъ. Въ штатскомъ платьѣ, но съ военной выправкой, онъ рѣзко говорилъ, почти кричалъ каждому, подходившему къ нему, объясняя, что мы должны теперь дѣлать. Надлежало подойти къ столу, за которымъ онъ сидѣлъ, предъявить паспортъ и подписать обязательство не вступать во время пребыванія въ Германіи ни въ какія „политическія" или иныя сношенія съ родиной. Затѣмъ, грозно сдвинувъ брови, начальникъ гарнизона заявилъ, что мы не должны разговаривать на улицѣ по русски и выходить поздно вечеромъ изъ дома, такъ какъ иначе насъ могутъ арестовать, не говоря уже о возможности оскорбленій со стороны народныхъ массъ. Что касается нашего возвращенія на родину, то объ этомъ, по его словамъ, нельзя будетъ думать до окончанія мобилизаціи и возобновленія правильнаго движенія поѣздовъ. Однако и теперь онъ можетъ желающимъ выдать разрѣшеніе на переѣздъ въ другой городъ Германіи, гдѣ находятся ихъ родные или знакомые, и укажетъ поѣздъ, на которомъ, хотя и съ большой потерей времени и многими пересадками, можно будетъ добраться до указаннаго пункта. Недѣли же черезъ двѣ, какъ онъ полагаетъ, возобновится сообщеніе Германіи съ нейтральными странами, и тогда мы получимъ возможность черезъ Копенгагенъ или Стокгольмъ вернуться въ Россію.

Съ надеждой на скорое возвращеніе на родину и примирившись съ необходимостью остаться еще нѣкоторое время здѣсь въ Гомбургѣ, расходились мы послѣ посѣщенія Garnisoncommando по своимъ домамъ. Однако вмѣсто двухъ недѣль намъ пришлось ждать около двухъ мѣсяцевъ момента, когда намъ въ дѣйствительности была предоставлена возможность выѣхать изъ Германіи.

XXI.

Медленно и томительно однообразно потянулись теперь дни нашего неопредѣленно долгаго пребыванія въ Германіи. Болѣе всего угнетала большинство изъ насъ полная оторванность отъ своихъ семей и невозможность дать послѣднимъ вѣсть о себѣ и получить таковую же оттуда.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые, наиболѣе предпріимчивые, ухитрились сноситься съ родиной (несмотря на подписанное обязательство) черезъ своихъ знакомыхъ въ Стокгольмѣ или Копенгагенѣ. Инымъ удалось даже такимъ путемъ получить деньги изъ Россіи. Курсъ нашего рубля стоялъ необыкновенно низко въ первое время по объявленіи войны: за сто рублей платили только шестьдесятъ марокъ. Но передъ нашимъ отъѣздомъ въ Россію курсъ неожиданно улучшился, и я размѣнялъ наканунѣ своего отъѣзда (для уплаты за проѣздъ до Стокгольма) сотенный билетъ, сохранившійся у меня, за двѣсти марокъ. Германцы объясняли такой подъемъ нашего рубля тѣмъ, что имъ теперь нужны русскія деньги для расплаты въ занимаемыхъ ими русскихъ областяхъ.

Вскорѣ вновь открылись закрытыя было въ первые дни послѣ объявленія войны купальныя заведенія и источники,—и многіе занялись отъ нечего дѣлать снова своимъ леченіемъ. Особенно часто посѣщалась русскими аллея около источниковъ въ утренніе часы, гдѣ можно было вдали отъ уличной толпы встрѣтиться со знакомыми и обмѣняться свѣдѣніями относительно нашего положенія. Почти всѣ перезнакомились между собою и сблизились, чего не было замѣтно ранѣе. Единственнымъ развлеченіемъ для насъ являлось чтеніе газетъ, гдѣ мы жадно искали новостей съ театра войны. Но газеты были конечно германскія съ соотвѣтствующей окраской событій, и лишь изрѣдка изъ итальянскихъ и швейцарскихъ газетъ мы узнавали неискаженную правду. Насколько нѣмцы замалчивали о непріятныхъ имъ вещахъ, видно, напримѣръ, изъ того, что о наступленіи русскихъ въ восточной Пруссіи мы узнали лишь послѣ неудачи, постигшей армію Самсонова. Первоначально оффиціальное сообщеніе говорило о 30000 плѣнныхъ, на другой день цифра была увеличена до 60000 и на третій до 90000 человѣкъ (также оффиціально). Изъ германскихъ же газетъ мы узнали объ обращеніи Вильгельма къ нѣмцамъ, живущимъ въ непріятельскихъ странахъ съ напоминаніемъ, что они являются прежде всего дѣтьми Германіи и не должны работать теперь въ какомъ-бы то ни было отношеніи для блага враждебныхъ Германіи государствъ, хотя-бы числились под-

данными этихъ послѣднихъ. Очевидно, чьихъ нѣмцевъ имѣлъ въ виду этотъ приказъ. Тамъ же прочли мы тенденціозное описаніе «варварскаго» разрушенія зданія германскаго посольства въ Петроградѣ и убійства чернью совѣтника посольства Каттнера. Полны также были газеты злораднымъ описаніемъ тѣхъ затрудненій, которыя пришлось испытать при проѣздѣ черезъ Германію Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и Великому Князю Константину Константиновичу. Возмутительно было читать, будтобы Великій Князь подъ вымышленной фамиліей скрывался въ отелѣ, былъ арестованъ и интернированъ въ окрестности Висбадена, гдѣ долженъ остаться до конца войны. Позднѣе я прочелъ въ одной *не* германской газетѣ полный переводъ напечатаннаго самимъ Великимъ Княземъ въ „Новомъ Времени" объ испытанныхъ Имъ и Великой Княгиней злоключеніяхъ въ вагонѣ до Эйдкунена и при переходѣ пѣшкомъ нашей границы, изъ чего было видно, что сообщеніе объ интернированіи въ Висбаденѣ было ложью. Однако нѣмецкія газеты и послѣ этого неоднократно печатали подробности о жизни въ заключеніи въ Висбаденѣ Великаго Князя Константина Константиновича. Я думалъ тогда, что рѣчь, быть можетъ, идетъ о сынѣ Великаго Князя Константинѣ Константиновичѣ, но по возвращеніи въ Россію убѣдился, что и послѣдній благополучно находится на родинѣ.

Между тѣмъ тысячи нѣмцевъ возвращались изъ Россіи черезъ Швецію въ Германію и многіе изъ нихъ описывали въ газетахъ, какъ имъ удалось будто-бы путемъ подкупа полиціи и чиновниковъ не быть задержанными, хотя они и были военно-обязанными. Параллельно съ этимъ военными корреспондентами сообщались небылицы, будто-бы при взятыхъ у Сольдау русскихъ пушкахъ находились снаряды, неподходящіе по калибру къ этимъ послѣднимъ, а въ лафетахъ будто-бы найдены были новой чеканки мѣдные пятаки, на одной сторонѣ которыхъ былъ изображенъ портретъ Государя Императора, а на другой надпись: „торжественный въѣздъ въ Берлинъ, 1914 годъ". Нѣкоторые изъ возвратившихся нѣмцевъ описывали подробности русской мобилизаціи и хвастались знаніемъ расположенія русскихъ корпусовъ и армій. Насъ

поражало, почему Россія выпускаетъ германскихъ подданныхъ, не обусловивъ таковаго же освобожденія своихъ подданныхъ изъ Германіи. И казалось въ то время, что родина, о которой были всѣ наши помыслы, забыла о насъ въ эти тяжелыя минуты... Мы еще не знали тогда, что германцы, искажая факты, имѣли въ виду не только порадовать своихъ легковѣрныхъ сыновъ, но и смутить насъ, оставшихся въ Германіи русскихъ.

Каждый день утромъ у Elisabethenbrunnen (Елизаветинскаго источника) собиралась русская колонія. Всѣ быстро объединились между собой, и часто можно было видѣть теперь мирно бесѣдующихъ другъ съ другомъ людей самыхъ противоположныхъ профессій, которые раньше держались особнякомъ. Исчезла классовая нетерпимость, всѣ сблизились въ общемъ несчастьи, и всѣ одинаково скорбѣли при извѣстіи о неудачѣ при Сольдау и радовались по случаю взятія Львова. Центральной фигурой нашей русской колоніи былъ членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ Ф. А. И—въ. Неутомимый, энергичный и доступный каждому, онъ все время находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ и съ Garnisoncommando, и съ ландратомъ, и съ бургомистромъ. Отъ него мы узнавали всѣ новости и измѣненія, касающіяся нашей судьбы. Онъ составлялъ списки бѣднѣйшихъ русскихъ, нуждавшихся въ денежномъ пособіи, и черезъ испанское посольство при его содѣйствіи удалось многимъ получить къ концу нашего пребыванія въ плѣну деньги на дорогу. Онъ же велъ списокъ лицъ, хлопотавшихъ о совмѣстномъ отправленіи въ спеціальномъ поѣздѣ (или по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ вагонахъ) на шведскую или датскую границу, и наводилъ постоянно справки у желѣзнодорожнаго начальства, когда возобновится наконецъ движеніе пассажирскихъ поѣздовъ. При его появленіи у источниковъ всѣ русскіе тотчасъ устремлялись къ нему за новыми свѣдѣніями, а его квартира въ «Victoria Hotel» была всегда открыта для каждаго русскаго, и всякій, даже отчаявшійся въ возможности когда-либо выбраться изъ Германіи, уходилъ отъ него ободренный, съ надеждой на лучшее будущее.

Наконецъ возобновилось пассажирское движеніе. Сначала пошли обыкновенные пассажирскіе поѣзда, а потомъ

и скорые. Мы начали считать дни, отдѣлявшіе насъ отъ момента возвращенія на родину. Однако von Mack (Garnisoncommando), къ которому мы обращались теперь за обѣщанными еще раньше письменными разрѣшеніями на выѣздъ въ Швецію (или Данію), качалъ сомнительно головой и рѣзкимъ по обыкновенію тономъ заявлялъ, что онъ, конечно, можетъ выдать таковое разрѣшеніе, но увѣренъ, что проѣхать пока невозможно, такъ какъ границы еще не открыты. Вслѣдствіе его убѣжденій большинство рѣшило повременить, и лишь двое-трое взяли «Passierscheine» (проѣздныя свидѣтельства), но медлили и не рѣшались начать путешествіе. Этому способствовало и то обстоятельство, что на телеграфный запросъ, посланный въ Берлинъ къ испанскому послу, получился отвѣтъ: «ѣхать пока не разрѣшено, границы закрыты». Однако въ то же время, какъ мы узнавали изъ газетъ, продолжали возвращаться изъ Россіи нѣмцы (между прочимъ астрономы, командированные для наблюденія солнечнаго затменія), изъ чего можно было заключить, что проѣздъ возможенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появились слухи, что военныя власти противъ того, чтобъ насъ выпустили изъ Германіи, такъ какъ опасаются, что мы можемъ сообщить дома важныя свѣдѣнія о расположеніи германскихъ войскъ, подобно тому какъ возвратившіеся изъ Россіи нѣмцы сообщили много цѣннаго о мѣстахъ нахожденія русскихъ армій. Какъ разъ одновременно съ этимъ перебрасывались германскія войска съ западнаго фронта въ восточную Пруссію и въ Польшу.

XXII.

Надежды на скорый отъѣздъ вновь смѣнились тревогой. Люди ходили похожіе на тѣнь, избѣгая появляться на людныхъ улицахъ и предпочитая ходить по безмолвному парку, каждая дорожка котораго была теперь нами изучена, и по аллеѣ у источниковъ, гдѣ мы были теперь единственными посѣтителями, такъ какъ всѣ остальные, лечившіеся здѣсь раньше, уже покинули Бадъ Гомбургъ. Однако по праздникамъ приходилось оставаться цѣлый день въ комнатѣ, ибо паркъ и источники кишѣли по прежнему въ эти дни пріѣзжими изъ окрестностей, среди

которыхъ теперь уже не встрѣчалось совсѣмъ людей средняго возраста. Въ воздухѣ чувствовалась тѣмъ не менѣе какая-то перемѣна въ положеніи. Замолкли реляціи о побѣдахъ, приходившія передъ тѣмъ почти ежедневно съ французскаго фронта. Центръ тяжести событій передвигался видимо на востокъ, гдѣ русское наступленіе, котораго теперь уже нельзя было скрывать, встревожило германцевъ. Какъ-бы въ утѣшеніе жаждущимъ быстрой побѣды, однажды вдругъ получилось изъ Франкфурта извѣстіе о паденіи крѣпости Бельфоръ и о взятіи въ плѣнъ 200.000 французовъ, составлявшихъ его гарнизонъ. Разцвѣтились всѣ зданія флагами, зазвонили въ церквахъ колокола, тысячная толпа ликовала на улицахъ, но черезъ часъ неожиданно флаги были сняты, прекратился звонъ, и было объявлено, что извѣстіе о взятіи Бельфора преждевременно. Помню чувство удовлетворенія и торжества въ душѣ, когда, возвращаясь домой, я увидѣлъ Виктора, сконфуженно снимающаго флагъ съ зданія «русскаго дома», того самаго Виктора, который передъ тѣмъ, захлебываясь отъ радости, говорилъ мнѣ, что теперь дорога въ Парижъ открыта также и съ юго-востока. Между тѣмъ, приблизительно въ это самое время, главнокомандующій французской арміей Жоффръ, воспользовавшись ослабленіемъ германскихъ силъ на западномъ фронтѣ, отбросилъ нѣмцевъ отъ линіи Мо-Момирайль къ востоку.

За неимѣніемъ „побѣднаго“ матеріала германскія газеты этого періода были наполнены описаніемъ жестокостей, будто-бы совершенныхъ русскими войсками въ очищенной теперь ими части восточной Пруссіи. Можно только удивляться необыкновенной довѣрчивости къ печатному слову нѣмецкой публики, принимавшей всякую небылицу за непреложную истину, разъ о ней было напечатано въ газетѣ. Такъ, напримѣръ, всѣ вѣрили сообщенному «Франкфуртской газетой» „факту“ нахожденія въ жилетныхъ карманахъ плѣненныхъ при Сольдау русскихъ офицеровъ отрѣзанныхъ дамскихъ пальцевъ, владѣлицы которыхъ будто-бы были обезчещены передъ тѣмъ ими. Сообщалось также, что въ деревняхъ, оставленныхъ русскими, находили, какъ правило, искалѣченное нашими солдатами мужское населеніе: у одного была отрублена

правая нога, у другого лѣвая, а у слѣдующей пары такимъ же образомъ отрублены правая или лѣвая рука. Приводились въ той же газетѣ и случаи безсмысленной жестокости русскихъ: при отступленіи послѣдніе, не имѣя возможности увести съ собой награбленный у населенія скотъ, разбивали послѣднему головы о каменные устои мостовъ. Вмѣстѣ съ трупами животныхъ будто-бы найдены были тамъ же съ разможженными головами и грудные дѣти въ люлькахъ. Позднѣе отъ одной нѣмки, пріѣхавшей изъ восточной Пруссіи къ намъ въ Гомбургъ, я узналъ, откуда появилась эта послѣдняя версія: германцы заманили русскія войска въ ловушку на мазурскихъ озерахъ, открывъ затѣмъ внезапно всѣ плотины и затопивъ все пространство между озерами. Вода поднялась при этомъ такъ быстро, что хлынувшей массой былъ унесенъ съ пастбищъ скотъ, а изъ внезапно залитыхъ жилищъ—вся движимость, и въ томъ числѣ даже колыбельки съ младенцами. Все это неслось теченіемъ и разбивалось о мосты, а по спадѣ воды найдено было на обнаженныхъ поляхъ. Устроивъ наводненіе, германскіе военоначальники не пощадили и своихъ, но вину за всѣ разрушенія свалили на русскихъ.

А между тѣмъ о нашемъ отъѣздѣ все еще не было слышно ничего утѣшительнаго. Положеніе продолжало оставаться неопредѣленнымъ. Появились даже упорные слухи, что насъ всѣхъ въ ближайшемъ времени выселятъ изъ Гомбурга куда-нибудь въ глухое мѣстечко южной Германіи, такъ какъ здѣсь въ Гомбургѣ поселится германская императрица. И дѣйствительно, мы видѣли, что гомбургскій дворецъ сталъ дѣятельно готовиться къ встрѣчѣ высокихъ гостей. Нѣкоторымъ удалось побывать во Франкфуртѣ у самого Generalcommando, которому былъ подчиненъ нашъ начальникъ гарнизона (Garnisoncommando), и они привезли оттуда еще болѣе печальную вѣсть, что по всей вѣроятности будутъ отпущены только женщины и дѣти, а всѣхъ мужчинъ оставятъ до конца войны въ Германіи. И какъ-бы въ подтвержденіе этого нашъ Garnisoncommando (упомянутый лейтенантъ въ отставкѣ von Mack) сталъ крайне неохотно выдавать проѣздныя удостовѣренія, отговариваясь, что онъ ждетъ какихъ-то новыхъ инструкцій. Въ то же самое время изъ

Франкфурта и изъ Наугейма были отправлены спеціальные поѣзда для американцевъ съ вагонами ресторанами и спальными мѣстами. Газеты оповѣщали о дняхъ и часахъ отхода этихъ extra-поѣздовъ, всячески подчеркивая внимательное отношеніе властей къ этимъ возвращавшимся через Голландію на родину курортнымъ гостямъ. Мы убѣждались изъ этого, что границы были закрыты не для всѣхъ, а лишь для насъ русскихъ, англичанъ и французовъ. Нервы были напряжены до крайняго предѣла, тѣмъ болѣе, что отношеніе къ намъ властей и населенія вновь стало измѣняться къ худшему, вѣроятно подъ вліяніемъ печатаемыхъ въ газетахъ нелѣпостей о варварствѣ русскихъ войскъ въ восточной Пруссіи. Тяжелѣй всего приходилось «военнообязаннымъ“, которые два раза въ недѣлю должны были являться въ комендатуру (позднѣе во дворъ полицейскаго управленія), гдѣ von Mack командовалъ ими, выстроивъ, какъ настоящихъ военныхъ, и покрикивая на нихъ Теперь онъ обрушился на нихъ за то, что по дошедшимъ до него жалобамъ они позволяютъ себѣ говорить по русски, раздражая этимъ мѣстныхъ обывателей. Подъ страхомъ выселенія ихъ въ казармы онъ запретилъ имъ не только говорить по русски, но и попадаться на глаза нѣмецкой публикѣ. Не лучше было и намъ. Одинъ мой знакомый докторъ, больной сердечной болѣзнью, попросилъ меня сходить съ нимъ къ управляющему курортомъ (Kurdirector), отъ котораго онъ всегда получалъ льготные билеты на дорогія углекислыя ванны. Пришли мы въ Kurhaus, вошли въ комнату, гдѣ сидѣлъ Kurdirector со своими помощниками, и мой пріятель протянулъ ему оставшійся у него послѣдній билетикъ, прося выдать вновь таковые же. Директоръ спросилъ, какой онъ національности, и узнавъ, что онъ русскій,—рѣзко отказалъ. Когда же докторъ хотѣлъ взять положенный на барьеръ рѣшотки остававшійся у него билетъ, Kurdirector поспѣшно схватилъ послѣдній, разорвалъ его на мелкіе кусочки, бросилъ на полъ и, растаптывая ногой обрывки, злобно сказалъ:

„Das hat mehr kein Werth!“ (это не имѣетъ больше дѣйствительности).

Сконфуженные, мы поспѣшили удалиться, досадуя на себя за свою опрометчивость и, проходя домой мимо рус-

ской церкви, натолкнулись на другую дикую сцену. Человѣкъ тридцать подростковъ (школьниковъ), вооруженныхъ палками вмѣсто ружей, «брали приступомъ» русскую церковь, окруживъ ее полукругомъ и по командѣ съ гиканьемъ атакуя ее. Стоявшій подлѣ церковный сторожъ (теперь облекшійся въ костюмъ санитара съ краснымъ крестомъ на рукавѣ) довольно улыбался, глядя на эту „военную игру", равно улыбались и взрослые нѣмцы, проходившіе по улицѣ и привлеченные этой сценой. Больно было намъ видѣть, какъ дѣти палками ударяли по стѣнамъ церкви, но еще больнѣй становилось отъ сознанія, что взрослые, не останавливая дѣтей отъ оскорбленія церкви, способствуютъ униженію не только русской національности, но и религіознаго чувства вообще, и готовятъ въ будущемъ людей, для которыхъ не будетъ уже ничего святого. „Не вѣдаютъ, что творятъ", хотѣлось сказать о нихъ,—и мы поторопились уйти поскорѣй отъ этого грустнаго зрѣлища...

XXIII.

Однажды по обыкновенію сидѣли мы утромъ у источниковъ и, какъ евреи на рѣкахъ вавилонскихъ, грустили о далекой родинѣ. Одна мысль была на умѣ и одинъ вопросъ на языкѣ у каждаго: «когда же, когда же наконецъ насъ отпустятъ?» Подходили новыя лица, обмѣнивались новыми слухами, сидѣвшіе поднимались, прохаживались по длинной аллеѣ, встрѣчались со знакомыми и вновь садились, медля уходить домой, словно чего-то ожидая. И дождались новости, которая заставила всѣхъ встрепенуться. Появился П. И. В—ій, директоръ одной изъ петроградскихъ гимназій, какъ всегда съ виду спокойный, сдержанный, и показалъ таинственно ближайшимъ лицамъ письмо и телеграмму отъ г. I—на, выѣхавшаго, какъ оказалось, три дня тому назадъ вмѣстѣ съ однимъ русскимъ аптекаремъ на Гамбургъ, чтобъ оттуда попытаться вернуться въ Россію. Письмо было изъ Гамбурга, куда они оба добрались съ нѣсколькими пересадками, а телеграмма изъ Копенгагена, слѣдовательно, уже внѣ предѣловъ германской досягаемости! Счастливцы, какимъ чудомъ удалось имъ проѣхать черезъ границу, когда какъ разъ въ день ихъ отъѣзда была получена телеграмма

отъ испанскаго посла съ извѣстіемъ, что всѣ границы закрыты? I—нъ писалъ, что по пріѣздѣ въ Гамбургъ онъ визировалъ паспортъ у датскаго консула, что въ пути самое важное—Passierschein, т. е. то пропускное удостовѣреніе для заранѣе опредѣленнаго маршрута, которое выдавалъ желающимъ выѣхать изъ Бадъ Гомбурга г. von Mack, начальникъ гарнизона.

„Ѣхать, скорѣй ѣхать, пока не поздно", мелькнуло въ головѣ у меня. Горячо я сталъ убѣждать соотечественниковъ немедленно послѣдовать показанному намъ г. I—мъ примѣру, такъ какъ все можетъ быстро измѣниться, и въ результатѣ или границы вновь закроются, или г. von Mack (Garnisoncommando) перестанетъ выдавать пропуски, какъ онъ намѣревался было сдѣлать, узнавъ о полученіи отъ испанскаго посла неблагопріятной телеграммы. Но какъ всегда бываетъ у насъ, русскихъ, въ рѣшительную минуту откуда-то выплыли колебанія и нерѣшительность. Люди, которые передъ тѣмъ каждый день твердили, что при первой возможности выбраться, хотя бы съ громадными неудобствами, уѣдутъ отсюда,—теперь медлили рѣшеніемъ и всячески старались оправдать отсутствіе у себя рѣшимости. Одни говорили, что не будь они съ семьей здѣсь, конечно не задумались бы рискнуть и поѣхали бы. Другіе ссылались на болѣзнь, не позволяющую ѣхать «на ура», и наконецъ третьи, болѣе откровенные, не скрывали своихъ опасеній, какъ-бы не пришлось вмѣсто Копенгагена попасть опять въ Гиссенъ, или еще куда-нибудь, гдѣ придется жить въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ здѣсь. Съ трудомъ нашелъ я двухъ компаньоновъ, съ которыми мы и рѣшили сейчасъ же итти къ von Mack'у за разрѣшеніями, а завтра съ утреннимъ поѣздомъ выѣхать въ Гамбургъ по пути, указанному только-что пробравшимся въ Копенгагенъ г. I—мъ. Эти два компаньона были: бухарскій еврей (магометанинъ) съ женой, котораго благодаря его костюму и наружности принимали всѣ за перса, и тоже еврей—аптекарь изъ Екатеринослава, если не ошибаюсь.

Полные рѣшимости уѣхать во что бы то ни стало, пришли мы въ комендатуру, къ г. von Mack'у. Послѣдній покачалъ головой, когда узналъ, что мы намѣреваемся попытаться черезъ Гамбургъ—Копенгагенъ возвратиться въ

Россію, вновь подтвердилъ, что, насколько ему извѣстно, границы еще не открыты и, выдавая намъ удостовѣренія на проѣздъ, предупреждалъ насъ, что снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за могущія встрѣтиться затрудненія. Мы намѣренно умолчали о томъ, что г. I—ну удалось только-что, имѣя въ рукахъ его разрѣшеніе, проѣхать благополучно черезъ границу. Довольные, мы возвращались отъ von Mack'a, держа въ рукахъ пропускныя свидѣтельства, въ которыхъ значилось, что такой-то русскій подданный (russischer Staatsangehöriger) ѣдетъ въ направленіи черезъ Гамбургъ въ Копенгагенъ. Внизу стояла подпись: Leutenant a. D. (aus Dienst — въ отставкѣ) von Mack, и была оттиснута круглая печать Garnisoncommando съ одноглавымъ прусскимъ орломъ въ серединѣ. Необходимо было имѣть на удостовѣреніи еще другой штемпель—отъ полицейскаго управленія съ датой числа выѣзда, что служило доказательствомъ отсутствія препятствій со стороны полиціи. Это было также нами выполнено,—и штемпель полученъ. Мы условились встрѣтиться всѣ завтра на вокзалѣ рано утромъ, чтобъ ѣхать съ раннимъ поѣздомъ во Франкфуртъ, откуда въ 8 ч. отправлялся скорый поѣздъ до Гамбурга. Однако поздно вечеромъ ко мнѣ забѣжалъ одинъ изъ попутчиковъ—аптекарь и сообщилъ, что бухарецъ съ женой рѣшили переждать еще нѣкоторое время здѣсь, такъ какъ на посланную утромъ послѣ нашего свиданія срочную телеграмму испанскому послу въ Берлинъ, бухарцемъ только-что полученъ былъ отвѣтъ: «пока выѣзжать нельзя, надѣюсь скоро послѣдуетъ разрѣшеніе.» По всему было видно, что и мой аптекарь теперь тоже колеблется. Тѣмъ не менѣе онъ обѣщалъ зайти завтра за мной передъ отправленіемъ поѣзда, но на самомъ дѣлѣ не зашелъ. Я же не отважился пока пускаться безъ товарищей въ рискованное путешествіе, а рѣшилъ подыскать себѣ новыхъ компаньоновъ, по крайней мѣрѣ одного, чтобъ въ ближайшіе же дни уѣхать изъ Гомбурга.

Сколько я ни старался найти компаньона для совмѣстнаго путешествія,—такового не оказалось: всѣхъ смущало, что отъ испанскаго посла получается каждый разъ категорическій отвѣтъ о невозможности пока проѣхать черезъ границу,—и на свободный проѣздъ г. I—на смотрѣли,

какъ на счастливую случайность, которая врядъ-ли повторится. Мнѣ же какой-то внутренній голосъ подсказывалъ, что если не удастся выѣхать теперь, придется застрять въ Германіи надолго, или, быть можетъ, даже до конца войны. Предчувствіе какой-то бѣды, которая неминуемо случится съ нами здѣсь, угнетало меня и не давало покоя. Скрѣпя сердце, я рѣшилъ наконецъ выѣхать одинъ, оставивъ весь свой багажъ въ „русскомъ домѣ", за исключеніемъ небольшого ручного саквояжа съ самыми необходимыми вещами. Какъ вдругъ опять произошло нѣчто неожиданное, измѣнившее намѣченный мной планъ.

XXIV.

Первая новость, которую узналъ я на утро слѣдующаго дня, было извѣстіе о томъ, что ночью былъ разгромленъ фешенебельный отель Victoria Hotel, занятый исключительно состоятельными русскими. Толпа бомбардировала отель камнями съ главной улицы, и съ задворковъ, и не оставила цѣлымъ почти ни одного стекла въ окнахъ. Камни падали внутрь занятыхъ помѣщеній и произвели переполохъ среди спавшихъ людей. Нѣсколько камней упали въ дѣтскія кроватки, но по счастью никого не задѣли. Дѣтишки отдѣлались такимъ образомъ однимъ испугомъ. Полы и мебель были усѣяны повсюду мелкимъ, битымъ стекломъ, какъ-будто гдѣ-нибудь вблизи произошелъ взрывъ бомбы необычайной силы. Непосредственной причиной къ погрому было, помимо нахожденія въ отелѣ русскихъ, присутствіе въ немъ поваровъ—французовъ, которымъ предпочтительно передъ нѣмецкими специалистами того же рода (оставшимися послѣ закрытія по случаю войны нѣкоторыхъ отелей безъ работы) хозяинъ швейцарецъ поручилъ веденіе кухни. Никто изъ безчинствовавшихъ не былъ арестованъ, а наоборотъ гостинница была окончательно закрыта и всѣ жильцы выселены, о чемъ на дверяхъ оповѣщало населеніе вывѣшенное печатное объявленіе за подписью начальника полиціи. Правда въ этомъ объявленіи упоминалось, что въ случаѣ повторенія толпой чего-либо подобнаго,—будутъ приняты самыя крайнія мѣры. А между тѣмъ городъ былъ полонъ слухами, что въ ближайшую ночь готовится новый погромъ всѣхъ го-

стинницъ, гдѣ еще остались русскіе, и нашего „русскаго дома“. Положеніе становилось весьма напряженнымъ, какъ никогда еще не было до сихъ поръ. Къ тому же толпа, по большей части безработная, пока еще молчаливая, но на настроеніе которой трудно было положиться, не переставала собираться кучками то тамъ, то сямъ на главной улицѣ. И невольно дѣлалось жутко на душѣ у каждаго.

Однако, какъ въ театрѣ на смѣну однихъ картинъ являются другія, такъ и для насъ въ это время готовилась уже перемѣна очередного номера программы, которую въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ намъ до конца предстояло выполнить. И видна была опытная рука дирижера: мы должны были сначала испытать радость, чтобъ тѣмъ больнѣй потомъ почувствовался приготовленный ударъ. Въ три часа дня по гостинницамъ и вилламъ стали разносить литографированныя объявленія отъ имени полицейскаго управленія, гдѣ къ нашему крайнему изумленію мы прочитали радостную вѣсть о томъ, что „во исполненіе приказанія Generalcommando (командующаго генерала) XVII армейскаго корпуса отъ 13 (!) августа предлагается подданнымъ всѣхъ государствъ, съ которыми Германія находится въ войнѣ, *въ самый кратчайшій срокъ* оставить предѣлы Германіи“. Далѣе упоминалось, что распоряженіе это разумѣется не распространяется на военно-обязанныхъ, которые должны будутъ остаться здѣсь до конца войны,—и внизу объявленія заботливо были обозначены фамиліи всѣхъ военно-обязанныхъ, живущихъ на данной виллѣ. Можно представить себѣ ту радость, которая охватила насъ при ознакомленіи съ этимъ распоряженіемъ. Вотъ онъ наконецъ насталъ давно жданный, желанный часъ! Не будемъ дожидаться новыхъ приглашеній оставить „гостепріимную“ Германію. Скорѣе въ путь! Довольно уже приказъ этотъ по неизвѣстной причинѣ лежалъ подъ спудомъ. Сколько дорогого времени потеряно съ 13 августа! Всѣ русскіе рѣшили ѣхать завтра утромъ, даже самые неисправимые скептики и колеблющіеся люди. Число моихъ компаньоновъ на завтрашній выѣздъ изъ Гомбурга неожиданно для меня сдѣлалось громаднымъ. Вереницей потянулись русскіе въ комендатуру, и von Mack едва успѣвалъ подписывать однообразныя „пропускныя“ удостовѣренія, раз-

водя руками отъ удивленія и видимо неохотно выдавая эти „бумажки“. Мы же объясняли себѣ почти двухнедѣльную задержку въ опубликованіи приказа командующаго корпусомъ (Generalcommando) тѣмъ, что полиція по просьбѣ владѣльцевъ гостинницъ и виллъ (которые были матеріально заинтересованы въ возможно дольшемъ задержаніи насъ въ Гомбургѣ) намѣренно держала подъ сукномъ это распоряженіе, пока, напуганная начавшимися погромами, не рѣшила поскорѣй избавиться отъ „безпокойнаго“ элемента, какимъ сдѣлались мы теперь для „мирныхъ“ нѣмцевъ.

Послѣдній вечеръ и ночь, повидимому, проводили мы подъ сѣнью «русскаго дома». Радостные, заняты были всѣ укладкой вещей и приготовленіемъ къ отъѣзду. Грустные были лишь агрономъ Е. и псаломщикъ, мой бывшій товарищъ по неудачному, первому выѣзду изъ Гомбурга. Имъ предстояло остаться до конца войны въ Германіи, какъ военно-обязаннымъ, имена которыхъ были обозначены отдѣльно на полицейскомъ объявленіи, принесшемъ намъ вѣсть о свободѣ. Старикъ генералъ И. съ дочерью тоже поспѣшно укладывался, очевидно бросивъ, наконецъ, какъ неосуществимую, свою мечту (упорно имъ все время отстаиваемую) уѣхать изъ Гомбурга не иначе, какъ въ международномъ вагонѣ, безъ пересадки до Копенгагена. Наконецъ всѣ сборы были окончены, и мы, всѣ обитатели „русскаго дома“ (кромѣ генерала) вмѣстѣ съ нашими хозяевами собрались въ послѣдній разъ по обыкновенію внизу, въ гостинной. Оживленіе и смѣхъ царили сегодня здѣсь. И кому-то пришло въ голову ознаменовать какъ-нибудь по особенному наше заключительное собраніе здѣсь. Макса командировали на велосипедѣ въ городъ за виномъ и фруктами, и онъ быстро вернулся оттуда. Викторъ таинственно въ кабинетѣ отца занялся приготовленіемъ изъ привезеннаго вина крюшона. Скоро мы всей компаніей сидѣли тамъ, чокаясь на прощаніе наполненными бокалами и выражая другъ другу лучшія пожеланія. Душа умиротворялась, и какимъ-то далекимъ представлялись всѣ испытанныя до сихъ поръ невзгоды. Не чувствовалось также больше протеста и противъ этихъ, въ сущности славныхъ, Виктора, Макса и Фридриха, которые не всосали съ молокомъ матери (рус-

ской) любви къ Россіи, а наоборотъ на каждомъ шагу демонстративно показывали къ ней свою ненависть. Все было забыто въ чаяніи скораго возвращенія на родину. Какъ вдругъ въ эту минуту благодушнаго настроенія раздался неожиданно рѣзкій, настойчивый звонокъ въ передней. Такъ звонятъ только или по праву сильнаго, или когда случится какое-либо несчастіе. И невольно у всѣхъ дрогнуло сердце, и явился вопросъ: „кто могъ въ такой поздній часъ притти къ намъ?“ Въ открытыхъ дверяхъ стояла хорошая наша знакомая, извѣстная въ Петроградѣ женщина-врачъ О. А. Ш—ва, и прерывающимся отъ волненія голосомъ повторяла: „несчастіе, страшное несчастіе!.“

„Что случилось? Въ чемъ дѣло?“ наперерывъ забросали мы ее вопросами.

„Ѣхать нельзя. Запрещено! Я пришла предупредить.“

И она протянула намъ сложенный въ нѣсколько разъ большой, желтый листъ бумаги. На немъ крупными буквами было напечатано:

„По приказанію Generalcommando 17 армейскаго корпуса отъ 23 сего августа всѣмъ подданнымъ воюющихъ съ Германіей государствъ строжайше воспрещается подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ оставленіе Бадъ Гомбурга. На основаніи этого предписывается всѣмъ лицамъ, получившимъ отъ нижеподписавшагося разрѣшенія на выѣздъ, возвратить таковыя подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности въ помѣщеніе канцеляріи Garnisoncommando (Doroteenstrasse, 33) во вторникъ 25 сего августа отъ 11 до 12 час. дня. Безъ непосредственнаго разрѣшенія Generalcommando никто не имѣетъ права выѣзда за предѣлы Гомбурга. Съ неисполнившими настоящаго распоряженія, равно попытавшимися выѣхать изъ Бадъ Гомбурга, будетъ поступлено по законамъ военнаго времени“.

Bad Homburg, Garnisoncommando,
am 24 August 1914. Leutenant a. D.
J. von Mack.

Какъ громомъ поразило насъ это извѣстіе. Что же это такое? Намѣренное издѣвательство надъ людьми, попавшими подъ власть прусскаго произвола, своего рода игра кошки съ мышкой, или полная «неразбериха» благодаря несогласованности дѣйствій военныхъ властей и

полиціи, столь трудно допустимая, принимая во вниманіе пресловутую нѣмецкую аккуратность? Два взаимно противорѣчащихъ приказа (отъ 13 и 23 августа) одного и того же лица (Generalcommando), задержаніе полиціей приказа о выѣздѣ почти на двѣ недѣли, и наконецъ въ одинъ и тотъ же день сначала предложеніе немедленнаго выѣзда, а затѣмъ запрещеніе такового подъ страхомъ суроваго наказанія. Какъ связать во едино всѣ эти факты, какъ оправдать ихъ внутреннюю непослѣдовательность? Если тяжело и больно было намъ мириться съ плѣномъ прежде, то во много разъ тяжелѣй и невыносимѣй сдѣлался онъ теперь, когда мы начали считать себя уже наполовину свободными.

Подавленные, съ тяжелымъ чувствомъ въ сердцѣ и съ глухой, все возрастающей ненавистью къ германцамъ, шли мы на другой день къ Garnisoncommando, чтобы согласно приказанію возвратить полученныя отъ него удостовѣренія для выѣзда. У воротъ комендатуры стоялъ столикъ, около котораго сидѣлъ мальчикъ лѣтъ 15 и, улыбаясь, предлагалъ всѣмъ опускать бланки съ разрѣшеніями на дно двухъ пустыхъ ящиковъ отъ сигаръ, поставленныхъ здѣсь для этой цѣли. Никакихъ объясненій по поводу происшедшаго, никакого разговора съ Garnisoncommando не полагалось. Лица, видѣвшія von Mack'a мелькомъ, передавали, что онъ, что называется, рвалъ и металъ, и не пожелалъ ни съ кѣмъ разговаривать. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что имъ полученъ строгій выговоръ отъ Generalcommando за то, что онъ выдавалъ разрѣшенія на выѣздъ, не имѣя, будто-бы, на это полномочія. Такъ печально кончилась моя, вторая по счету, попытка выбраться изъ «заколдованной» Германіи.

XXV.

Опять потянулись медленно дни нашего подневольнаго пребыванія въ Германіи, которому, казалось теперь, конца не будетъ. Еще тяжелѣй становилось на сердцѣ. Словно кто-то на минуту пріоткрылъ двери темницы, подразнилъ предстоящей свободой, и злорадно, передъ самымъ носомъ, вновь захлопнулъ ихъ... Надежды на скорый отъѣздъ уже не было. Г-нъ von Mack не выдавалъ больше никакихъ пропусковъ, даже въ сосѣдній Франкфуртъ, и избѣгалъ

вести съ нами какіе-либо разговоры. Несмотря на свой суровый видъ и грубоватые окрики, онъ былъ въ сущности не злымъ человѣкомъ, и по перемѣнѣ, происшедшей въ немъ, мы видѣли, что и наше дѣло измѣнилось къ худшему. Нѣкоторымъ, бывшимъ съ нимъ и ранѣе въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, удалось все-таки повидаться съ нимъ и узнать, что въ виду несомнѣннаго пріѣзда въ Гомбургъ германской императрицы, а можетъ быть и самого императора Вильгельма, представляется весьма вѣроятнымъ интернированіе всѣхъ насъ въ какой-нибудь захолустный городокъ южной Германіи, о чемъ уже вырабатывается проэктъ у Generalcommando во Франкфуртѣ.

На короткое время пріѣзжалъ изъ своего полка нашъ хозяинъ—докторъ, въ походной формѣ оберъ-лейтенанта, загорѣлый, помолодѣвшій. Гдѣ-то на Рейнѣ онъ обучалъ молодыхъ солдатъ и пока еще не попалъ въ дѣйствующую армію. Отношеніе его къ намъ было уже не такое предупредительное, какъ прежде. Несмотря на то, что ему было извѣстно о плохомъ состояніи нашихъ финансовъ и о нашей жизни впроголодь теперь въ его пансіонѣ, онъ сумѣлъ у каждаго энергичными пріемами выжать бо́льшую или меньшую часть причитающейся ему за житье суммы (а съ генерала даже получилъ плату впередъ), великодушно разрѣшивъ намъ остатокъ выслать по возращеніи въ Россію. Въ сущности говоря, уже полученное имъ съ насъ вполнѣ вознаграждало тѣ ничтожные расходы, которые приходилось ему теперь тратить на нашъ, болѣе чѣмъ скромный, столъ. Никакого вздорожанія на предметы первой необходимости въ то время не было въ Германіи, а попытка нѣкоторыхъ торговцевъ въ самомъ началѣ войны поднять цѣны на продукты была строгими мѣрами остановлена въ самомъ зародышѣ. Устроивъ бурю изъ-за пребыванія въ его домѣ жены, съ которой онъ не жилъ, и настоятельно посовѣтовавъ русскому священнику (германскому подданному) во избѣжаніе весьма плохихъ для него послѣдствій немедленно вернуться на свою родину, Саксонію, въ распоряженіе военныхъ властей,— онъ исчезъ такъ же быстро и внезапно, какъ пріѣхалъ.

Послѣ его отъѣзда мы узнали, что Викторъ получилъ разрѣшеніе отъ отца поступить добровольцемъ въ армію и на

дняхъ отправляется къ нему вмѣстѣ съ братомъ—Максомъ, который, быть можетъ, тоже останется тамъ для подготовки, чтобъ сдѣлаться въ ближайшемъ времени солдатомъ. Оба брата (какъ иногда и третій, 13-ти лѣтній Фридрихъ) съ самаго начала войны усиленно обучались стрѣльбѣ въ цѣль изъ духового ружья въ своей комнатѣ, и мое ухо уже давно привыкло различать короткіе, отрывистые звуки ихъ ружья отъ бухающихъ, протяжныхъ выстрѣловъ на пробной артиллерійской стрѣльбѣ, производившейся гдѣ-то загородомъ. Скоро, дѣйствительно, Викторъ и Максъ уѣхали, а хозяйствомъ сталъ управлять теперь по приказанію отца Фридрихъ, безъ помощи матери, которой запрещено было отнынѣ даже появляться въ нашемъ пансіонѣ. Фридрихъ занялъ мѣсто старшаго брата за обѣденнымъ столомъ, сталъ разливать супъ и покрикивать при всякомъ случаѣ на Aenchen и Paul'я, совершенно такъ же, какъ передъ тѣмъ на нихъ, и на него самаго кричалъ Викторъ, и какъ еще раньше на всѣхъ нихъ по малѣйшему поводу обрушивался отецъ. Глядя, какъ онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ колотилъ по головѣ за каждую провинность братишку и сестренку, я вспоминалъ одну сценку „воспитательнаго“ значенія, случайнымъ свидѣтелемъ которой незадолго до войны пришлось мнѣ быть въ этой семьѣ. Докторъ Ш. за что-то рѣшилъ наказать Макса и съ хлыстомъ въ рукѣ гнался по комнатамъ за послѣднимъ, стремившимся ускользнуть отъ отцовской расправы. Наконецъ онъ былъ настигнутъ и получилъ должное, а черезъ нѣсколько минутъ я увидалъ, какъ Максъ ни за что, ни про что дубаситъ подвернувшагося ему Фридриха, который въ свою очередь спустя короткое время пребольно ударилъ показавшую ему языкъ Aennchen. Послѣдняя съ крикомъ сорвалась съ мѣста, гдѣ сидѣла, и бросилась изъ комнаты, въ которую въ этотъ моментъ входилъ радостный, возвратившійся только-что изъ школы Paul. Взглянувъ на его улыбающееся лицо, она по дорогѣ со злостью ударила его по щекѣ, и Paul взвылъ, какъ рѣзанный теленокъ, и съ плачемъ, лишившись тотчасъ настроенія, шарахнулся въ сторону, а затѣмъ выбѣжалъ въ садъ, гдѣ еще долго слышались его горькія завыванія. Такъ въ этой нѣмецкой семьѣ (а можетъ быть и въ остальныхъ?) процвѣтало „кулачное“ право:

каждый старшій вымещалъ на слѣдующемъ по возрасту, болѣе слабомъ, ударъ, полученный отъ сильнѣйшаго, и больнѣй всѣхъ приходилось Paul'ю, котораго били всѣ. Не отсюда ли тотъ культъ грубой силы, который на каждомъ шагу проявляютъ германцы въ настоящей войнѣ? Жалѣя Paul'я и смотря на вошедшаго въ роль главнаго теперь члена семьи Фридриха, мы думали: „а что если намъ придется еще долго пробыть въ плѣну,—пожалуй тогда роль хозяина преемственно перейдетъ къ Paul'ю, какъ преемственно до сихъ поръ получалъ онъ пинки и побои отъ старшихъ. Но кого въ такомъ случаѣ будетъ бить онъ, и не разстроится ли вся эта „система" послѣ того, какъ исчезнетъ кулакъ сверху?"

Скоро надъ нами разразилась новая бѣда. Въ одно прекрасное утро полицейскій принесъ предписаніе начальника полиціи, запрещающее намъ выходить куда-либо изъ дома, начиная съ 6 часовъ вечера этого дня. Одновременно съ этимъ и хозяева отелей и частныхъ виллъ получили предписаніе подъ угрозой отвѣтственности слѣдить, чтобъ ни одинъ русскій, французъ или англичанинъ не выходилъ впредь до отмѣны этого распоряженія на улицу. Оба эти гектографированныя объявленія должны были быть повѣшены по приказанію полиціи на видномъ мѣстѣ рядомъ, въ каждомъ пансіонѣ. Мы подверглись такимъ образомъ неопредѣленно долгому домашнему аресту. Причина его скоро сдѣлалась извѣстна. Въ этотъ вечеръ ожидалась въ Гомбургѣ германская императрица, и власти рѣшили на все время ея пребыванія здѣсь спрятать насъ отъ ея глазъ, вѣроятно изъ опасенія, что кто-нибудь изъ поименованныхъ иностранцевъ можетъ оскорбить ее уже однимъ своимъ видомъ. Императрица къ счастью пробыла всего два дня въ Гомбургѣ и, осмотрѣвъ лазареты, отбыла обратно въ Берлинъ, не подозрѣвая, конечно, о нашемъ сидѣньи въ „карцерѣ" изъ-за ея пріѣзда.

Когда намъ наконецъ разрѣшили выходить изъ дома, мы напоминали собой до нѣкоторой степени „лѣсныхъ" людей, попавшихъ неожиданно въ городъ: настолько рѣзокъ былъ переходъ отъ тишины одиночнаго заключенія къ уличному движенію. Немудрено, что многіе изъ насъ въ связи со всѣми предшествовавшими переживаніями

потеряли душевное равновѣсіе и какъ тѣни двигались по улицамъ, боясь обратить на себя чье-либо вниманіе. Забитость и охватившая всѣхъ безпомощность чувствовалась въ движеніяхъ каждаго. Какъ сейчасъ, представляю себѣ фигуру извѣстнаго адвоката К., огненными рѣчами котораго я когда-то зачитывался. Подавленный, весь ушедшій въ себя, особенно послѣ разгрома „Victoria Hotel", въ которомъ вмѣстѣ съ семьей жилъ, онъ рѣдко показывался на улицѣ, осторожно двигаясь и опустивъ глаза въ землю. Стоило подойти къ нему и заговорить, какъ онъ испуганно махалъ руками, оглядываясь по сторонамъ и прося прекратить разговоръ. А вотъ на аллеѣ у источника женщина-врачъ О. А. Ш—ва, съ своимъ неизмѣннымъ бѣлымъ зонтикомъ, торопливо идетъ, озабоченная одной мыслью отыскать своего брата, генерала, о которомъ она въ самое послѣднее время получила свѣдѣнія, что онъ въ день объявленія войны выѣхалъ изъ Эмса вмѣстѣ съ двумя другими генералами и по дорогѣ въ Берлинъ пропалъ безъ вѣсти. Ей удалось въ концѣ концовъ отыскать своего брата. Оказалось, что всѣ три генерала были высажены изъ поѣзда въ Гиссенѣ и заключены въ тюрьму, гдѣ претерпѣли невѣроятныя униженія, а затѣмъ (послѣ 25-ти дневнаго пребыванія въ Гиссенѣ и день и ночь въ обществѣ часового въ одной комнатѣ) были выселены въ Наугеймъ, гдѣ имъ разрѣшено было жить на частной квартирѣ. Это и были тѣ три генерала, о которыхъ сообщилъ намъ съ псаломщикомъ въ Гиссенѣ одинъ изъ портье послѣ высадки насъ изъ поѣзда.

XXVI.

Наконецъ, спустя 2—3 недѣли послѣ нашей послѣдней, неудачной попытки выѣхать изъ Гомбурга мы прочли во „Франкфуртской газетѣ" сначала весьма неопредѣленное сообщеніе о происходящихъ между Россіей и Германіей переговорахъ относительно обмѣна задержанными мужчинами въ возрастѣ моложе 17 и старше 45 лѣтъ. Нѣсколько позднѣе появилось тамъ же и извѣстіе о состоявшемся уже соглашеніи, на основаніи котораго разрѣшалось возвращеніе на родину всѣмъ лицамъ указаннаго возраста за исключеніемъ офицеровъ, какъ состоящихъ на службѣ,

такъ и отставныхъ. Конечно, въ число отпускаемыхъ входили и всѣ женщины, безъ различія возраста.

Радостно стало на сердцѣ, но скоро оказалось, что несмотря на достигнутое между обоими правительствами соглашеніе,—Generalcommando никакихъ разрѣшеній на выѣздъ не выдаетъ по прежнему. Опять полетѣли телеграммы испанскому послу и опять былъ полученъ сходный съ прежнимъ отвѣтъ: „надѣюсь въ ближайшемъ времени выѣздъ будетъ разрѣшенъ". Дѣло вновь затягивалось въ долгій ящикъ, и ни отъ кого нельзя было ничего узнать. Г-нъ von Mack былъ лишенъ теперь всякихъ полномочій, а Generalcommando вывѣсилъ на дверяхъ своей канцеляріи во Франкфуртѣ объявленіе, что онъ не принимаетъ ни русскихъ, ни французовъ, ни англичанъ, справляющихся о выѣздѣ на родину. Съ большими затрудненіями графу Т. удалось быть принятымъ Generalcommando (командиромъ корпуса), послѣ того какъ послѣднему сдѣлалось извѣстнымъ его высокое положеніе при дворѣ, чинъ и занимаемая должность. Указавъ, что въ настоящее время невозможно еще опредѣлить, когда будетъ разрѣшенъ русскимъ выѣздъ, Generalcommando прибавилъ, что онъ долженъ къ сожалѣнію огорчить графа, которому въ виду его высокаго положенія придется покинуть Германію позднѣе другихъ, такъ какъ русскимъ правительствомъ задержаны въ качествѣ заложниковъ многія высокопоставленныя лица изъ восточной Пруссіи. Это однако не помѣшало Generalcommando вскорѣ послѣ этого выдать пропускное свидѣтельство на выѣздъ черезъ Гамбургъ въ Копенгагенъ одному богатому еврею (г. С—лю), внесшему одновременно съ полученіемъ этого разрѣшенія весьма большую сумму на германскій красный крестъ. Сынъ этого еврея (отъ котораго я узналъ о сообщаемомъ фактѣ) остался, какъ военно-обязанный въ Гомбургѣ на все время войны, и повидимому былъ доволенъ своей участью. Онъ же сообщилъ мнѣ потомъ о полученіи телеграммы отъ своего отца о благополучномъ переѣздѣ черезъ границу сначала изъ Копенгагена, а потомъ и изъ Стокгольма. Становилось очевиднымъ, что мы находимся въ полной зависимости отъ произвола Generalcommando, который былъ какъ

бы военнымъ генералъ губернаторомъ всего франкфуртскаго округа.

Получалось странное явленіе. Съ одной стороны оффиціально было объявлено въ газетахъ о состоявшемся относительно насъ между Россіей и Германіей соглашеніи, а съ другой,—наше ближайшее „начальство“ и слушать не хотѣло о нашемъ отъѣздѣ и отказывало въ разрѣшеніи на таковой. Внести крупную (или какую-бы то ни было) сумму на германскій красный крестъ не позволяли средства и убѣжденія. Приходилось искать другіе способы къ полученію отъ свирѣпаго Generalcommando желаннаго проѣздного свидѣтельства. Я рѣшилъ написать письма нѣсколькимъ знакомымъ профессорамъ, изъ которыхъ съ нѣкоторыми у меня завязались въ предшествующія поѣздки въ Германію дружескія отношенія,—съ просьбой засвидѣтельствовать передъ франкфуртскимъ Generalcommando мою личность и способствовать скорѣйшему моему освобожденію, подобно тому какъ изъ Россіи уже давно были отпущены командированные туда (для наблюденія солнечнаго затменія) германскіе ученые. Въ то же самое время приватъ-доцентъ Г. (астрономъ, о которомъ я упоминалъ выше), написалъ соотвѣтствующую просьбу о себѣ своему учителю, профессору Н. во Франкфуртъ, съ указаніемъ, что въ числѣ отпущенныхъ русскимъ правительствомъ лицъ были молодые астрономы призывного возраста, какъ и онъ. Его жена съ двумя малютками, которой удалось выѣхать изъ Гомбурга въ тотъ памятный день, когда всѣхъ насъ изъ отелей погнали на вокзалъ, а оттуда обратно,—какимъ-то чудомъ добралась до Россіи, проѣхавъ значительную часть пути въ одномъ вагонѣ съ нѣмецкими солдатами, какъ мы потомъ узнали изъ ея писемъ съ дороги мужу. Она увезла съ собой и общій паспортъ, въ который были вписаны они оба, и г. Г. пришлось испытать изъ-за этого много непріятностей, пока наконецъ паспортъ изъ Россіи черезъ испанское посольство не былъ ему вновь присланъ.

Ни отъ кого изъ нѣмецкихъ коллегъ я не получилъ отвѣта на свое обращеніе о содѣйствіи къ освобожденію моему изъ плѣна. Лишь отъ профессора Н., изъ Франкфурта, получилъ я отказъ на просьбу посодѣйствовать

передъ Generalcommando о выдачѣ мнѣ разрѣшенія на выѣздъ,—съ предложеніемъ терпѣливо ждать и не выражать протеста. Отъ того же профессора Н. получилъ отвѣтъ и приватъ доцентъ Г., занимавшійся раньше, какъ уже упоминалось, въ его институтѣ. Въ этомъ отвѣтѣ почтенный профессоръ также отказывался хлопотать и за г. Г., но предлагалъ послѣднему, въ случаѣ стѣсненныхъ обстоятельствъ, работу за небольшое вознагражденіе въ своей лабораторіи, заканчивая письмо послѣ этого предложенія слѣдующей курьозной (но типичной для самовлюбленнаго нѣмца) фразой: „изъ этого видно, какъ я гуманно думаю" («wie ich humanitär denke»). Вскорѣ намъ сдѣлались понятны эти слова: въ газетахъ появился „знаменитый" призывъ германскихъ ученыхъ, подписанный многими извѣстными именами, не допускать впредь никогда въ лабораторіи и клиники русскихъ профессоровъ, ассистентовъ и студентовъ, такъ какъ эти лица являются „ворами" („Raubdiebe") германской науки и культуры. Въ то же самое время газеты были полны описаніемъ происшедшаго въ Лувенѣ (нѣмцы упорно называли его „Löwen"). Сначала съ чувствомъ самоудовлетворенія сообщено было, что въ виду стрѣльбы по германскимъ войскамъ изъ домовъ—солдатами не оставлено было въ городѣ камня на камнѣ. Затѣмъ, когда не только враждебная, но и нейтральная печать начала возмущаться проявленной жестокостью и вандализмомъ, появились во «Франкфуртской газетѣ» корреспонденціи „очевидцевъ", сообщавшихъ, что первоначальныя свѣдѣнія о разрушеніи оказались преувеличенными, что пострадала всего лишь четвертая часть всего города. Наконецъ, въ послѣднихъ сообщеніяхъ говорилось, что ни университетъ, ни библіотека не пострадали значительно, такъ какъ солдаты съ опасностью для своей жизни спасали (!) изъ огня музейныя рѣдкости. Съ этого момента въ германскихъ газетахъ появился особый отдѣлъ подъ заглавіемъ (крупнымъ шрифтомъ) „Lüge" (ложь), въ которомъ нѣмцы всячески старались привести оправданія противъ обвиненій въ варварскомъ веденіи войны, все чаще раздававшихся въ станѣ ихъ враговъ. Повидимому, германское правительство сознало, что ему необходимо такъ или иначе реабилитиро-

вать себя въ глазахъ государствъ, еще продолжавшихъ оставаться по отношенію къ Германіи нейтральными.

Между тѣмъ начиналась осень, дождливая, съ туманами, и приходилось цѣлыми днями сидѣть дома, не встрѣчаясь съ соотечественниками, какъ прежде, у источниковъ, и не зная, что новаго извѣстно о нашей судьбѣ. Теперь противъ насъ вооружилась и погода, а ни у кого не было съ собой теплыхъ вещей, такъ какъ никто не предполагалъ остаться столь долго въ Германіи. Впереди же предстояло, въ случаѣ невозможности возвратиться на родину, просуществовать въ лѣтнихъ костюмахъ и легкомъ пальто всю зиму. Дни начали тянуться еще медленнѣе, въ непрестанномъ ожиданіи момента освобожденія, въ которое теперь несмотря на состоявшееся соглашеніе между правительствами,—какъ-то плохо вѣрилось. Столько уже совершено было германцами къ этому времени правонарушеній, что, казалось, и тутъ надо было ожидать какого-либо „подвоха“ съ ихъ стороны. Факты говорили, повидимому, за это: нѣмцы изъ Россіи продолжали возвращаться, а мы по прежнему сидѣли на томъ же мѣстѣ. Но вотъ наконецъ кѣмъ-то было получено изъ Берлина письмо, что тамъ при комендатурѣ составляются списки отъѣзжающихъ русскихъ, и что каждому, получившему разрѣшеніе на выѣздъ, назначается опредѣленный день и поѣздъ, съ которымъ онъ долженъ уѣхать. А вскорѣ затѣмъ получилось извѣстіе, что первые поѣзда съ русскими отправились изъ Берлина на Стокгольмъ. Встрепенулась вся наша колонія, полетѣли вновь телеграммы испанскому послу, и опять полученъ былъ мало удовлетворившій насъ отвѣтъ, что пока разрѣшеніе коснулось лишь живущихъ въ Берлинѣ русскихъ. Многіе пожалѣли, что въ свое время они не переселились въ Берлинъ, а нѣкоторые начали дѣятельно хлопотать передъ Generalcommando о разрѣшеніи выѣхать теперь въ Берлинъ. Однако въ газетахъ появились сообщенія, что вслѣдствіе переполненія Берлина русскими, послѣднихъ больше не пускаютъ въ столицу, и что вслѣдствіе недостатка лишнихъ вагоновъ произошелъ перерывъ на неопредѣленный срокъ въ отправленіи поѣздовъ. Къ этому прибавлялось, что пока не будетъ очищенъ отъ русскихъ

Берлинъ, гдѣ скопилось около 60.000 русскихъ,—изъ другихъ мѣстностей не предполагается отправлять русскихъ. И снова погасла на сердцѣ вспыхнувшая было надежда...

XXVII

Тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько дней вновь были отправлены изъ Берлина нѣсколько поѣздовъ съ русскими. А одновременно съ этимъ въ мѣстной газетѣ напечатано было объявленіе отъ полиціи, предписывающее живущимъ здѣсь русскимъ въ опредѣленный день и часъ явиться въ полицейское управленіе, чтобъ сообщить свѣдѣнія, необходимыя для исходатайствованія у Generalcommando разрѣшенія на выѣздъ въ Россію. Такія же объявленія отъ полиціи появились во Франкфуртѣ и въ Наугеймѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что предполагается отправить три поѣзда съ русскими: одинъ изъ Наугейма, и два изъ Франкфурта. Одинъ изъ послѣднихъ поѣздовъ долженъ былъ принять и насъ—изъ Гомбурга.

Въ назначенный часъ потянулись всѣ русскіе (кромѣ военно-обязанныхъ) къ зданію полицейскаго управленія, противъ кургауза. Шли сосредоточенные, серьозные, не проявляя ничѣмъ радости по случаю обѣщаннаго скораго отъѣзда. Уже столько разъ приходилось разочаровываться въ германскихъ обѣщаніяхъ, что не вѣрилось и теперь въ предстоящее освобожденіе изъ плѣна. Въ полиціи насъ по одному впускали въ комнату, гдѣ сидѣлъ начальникъ полиціи съ своимъ помощникомъ. Первый просматривалъ у каждаго паспортъ и спрашивалъ, сколько денегъ есть на дорогу, а второй записывалъ на особомъ листѣ фамилію, положеніе и лѣта всякаго выразившаго желаніе возвратиться на родину. Этотъ списокъ на другой день былъ отправленъ во Франкфуртъ къ Generalcommando, который, какъ говорили, вычеркнетъ изъ него всѣхъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ чемъ-нибудь, или по какой-либо другой причинѣ долженствующихъ остаться въ Гомбургѣ.

Вскорѣ въ газетахъ появилось новое объявленіе отъ бюро „Koch, Lautern и С°", приглашающее насъ заблаговременно заказать проѣздные билеты до Стокгольма или до Петро-

града, каковые по соглашенію съ шведскимъ бюро путешествій можно было получить только отъ Koch'а и С°. Съ этого момента начались наши безконечныя посѣщенія конторы бюро сначала для записи билетовъ и уплаты денегъ за проѣздъ, а потомъ для полученія самыхъ билетовъ и справокъ о днѣ отъѣзда изъ Гомбурга. Маленькій человѣкъ съ испитымъ лицомъ, завѣдывавшій бюро, командовалъ нами, какъ раньше von Mack, грубо покрикивалъ на задававшихъ вопросы, и нѣкоторыхъ, особенно назойливыхъ по его мнѣнію, собственноручно выталкивалъ изъ двери бюро прямо на улицу. Недоразумѣнія происходили по тому, что цѣны билетовъ были значительно увеличены, такъ какъ въ плату былъ включенъ (безъ всякаго предупрежденія) налогъ въ пользу мѣстныхъ лазаретовъ въ размѣрѣ 10 марокъ на каждый билетъ.

Въ то же самое время многіе изъ военно-обязанныхъ хлопотали передъ военными властями о томъ, чтобы имъ, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія и неспособности къ военной службѣ было разрѣшено возвратиться вмѣстѣ съ остальными на родину. Присланы были изъ Франкфурта военные врачи для освидѣтельствованія совмѣстно съ здѣшними докторами этихъ лицъ. И тутъ, къ нашему общему изумленію оказалось, что тѣ получили наиболѣе убѣдительныя удостовѣренія своей „инвалидности“ (и были впослѣдствіи освобождены), которые имѣли возможность заплатить за освидѣтельствованіе по нѣсколько сотъ марокъ. Нашъ генералъ принужденъ былъ также обратиться къ военнымъ врачамъ, но несмотря на благопріятныя для него заключенія послѣднихъ и дѣйствительно тяжелое состояніе здоровья,—принужденъ былъ, какъ отставной офицеръ, остаться въ Германіи: Generalcommando не согласился на его освобожденіе.

Что касалось срока нашего освобожденія, то пока объ этомъ еще не было ничего извѣстно. Посланный полиціей списокъ къ Generalcommando все еще не былъ возвращенъ обратно, и говорили, что причиной задержки является давленіе, оказываемое на послѣдняго вліятельной группой евреевъ во Франкфуртѣ, не желавшихъ выѣзжать наканунѣ наступленія еврейскихъ праздниковъ, въ кото-

рые по талмуду запрещено было даже выходить изъ дома. Дѣйствительно, и среди нашихъ гомбургскихъ евреевъ замѣчалось теперь броженіе. Ранѣе самые нетерпѣливые въ вопросѣ о днѣ и часѣ нашего возвращенія на родину,— они теперь говорили, что всѣ мы ждали долго, и повременить съ отъѣздомъ еще какихъ-нибудь недѣли двѣ (до окончанія еврейскихъ праздниковъ) не составитъ особеннаго затрудненія. Ихъ было большинство (богатыхъ и бѣдныхъ, интеллигентныхъ и некультурныхъ),— и съ ихъ мнѣніемъ по необходимости приходилось считаться всѣмъ. И вотъ, когда, казалось, послѣднія препятствія, мѣшавшія нашему отъѣзду, были устранены. вновь откуда-то поднималась темная сила, грозившая свести на нѣтъ достигнутые результаты. Тщетно мы убѣждали упорныхъ приверженцевъ талмуда, что каждый день дорогъ, что обстоятельства могутъ каждую минуту измѣниться и возвращеніе въ Россію, несмотря на разрѣшеніе, можетъ сдѣлаться невозможнымъ,—наиболѣе косные стояли на своемъ и твердили одно: «если главный франкфуртскій раввинъ не разрѣшитъ поѣздку въ праздники,—ѣхать нельзя.» Въ „Augusta Victoria“ (отелѣ, почти исключительно занятомъ евреями) происходили въ нашемъ присутствіинастоящіе диспуты и дебаты по этому поводу. Цитировались отдѣльныя мѣста изъ талмуда, относящіяся къ данному случаю, сталкивались противоположныя объясненія текста этой священной для евреевъ книги. Интеллигентные евреи отстаивали возможность отъѣзда въ ближайшіе дни, а менѣе культурные утверждали, что не говоря уже о наступающихъ дняхъ новаго (еврейскаго) года, ни одинъ еврей не смѣетъ покинуть своего жилища въ день «іомъ-кипура» (судный день). Находились и такіе, которые указывали на непримѣнимость всѣхъ этихъ обычаевъ въ военное время въ плѣну и отыскивали въ талмудѣ болѣе или менѣе подходящее мѣсто. Наконецъ, наиболѣе предпріимчивые съѣздили во Франкфуртъ, повидались съ обоими раввинами и привезли своимъ единовѣрцамъ вѣсть, что по толкованію раввиновъ талмудъ не запрещаетъ въ исключительныхъ случаяхъ проводить праздники въ дорогѣ.

XXVIII.

Благодаря ли воздѣйствію раввина, или независимо отъ этого, но скоро, какъ мы узнали, полученъ былъ отъ Generalcommando вышеупомянутый списокъ, и опредѣлился день нашего отъѣзда изъ Гомбурга. У входа въ канцелярію ландрата (на главной улицѣ) появилось большое объявленіе, въ которомъ предлагалось всѣмъ въ указанное время явиться къ ландрату (губернатору) за полученіемъ разрѣшенія на выѣздъ, которое надлежало затѣмъ предъявить въ бюро Koch'а и C°, чтобъ сдѣлаться, наконецъ, обладателемъ заказаннаго и уже оплаченнаго билета до Стокгольма. Самый отъѣздъ назначенъ былъ на четвергъ 24 сентября (по новому стилю), съ раннимъ поѣздомъ. Предусмотрительно указывалось, что мы должны были явиться на вокзалъ за полчаса до отхода поѣзда для обревизованія нашего багажа и запастись для дороги провизіей по крайней мѣрѣ на одни сутки. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ газетъ сдѣлалось извѣстнымъ, что наканунѣ нашего отъѣзда будетъ отправленъ поѣздъ съ русскими изъ Наугейма, а на другой день—еще таковой же поѣздъ изъ Франкфурта. Суть дѣла сводилась теперь къ тому, кто изъ насъ былъ вычеркнутъ у Generalcommando изъ препровожденнаго имъ къ ландрату списка.

Съ трепетомъ въ душѣ шли мы въ назначенный часъ къ ландрату, у котораго въ рукахъ уже находилось въ этотъ моментъ то или другое рѣшеніе нашей судьбы. Въ вестибюлѣ подъѣзда установлена была самими русскими во избѣжаніе толкотни и безпорядка очередь. Каждый получалъ номерокъ, и внутрь помѣщенія впускали лишь по нѣсколько человѣкъ, а всѣ остальные терпѣливо ждали ихъ обратнаго появленія. Стоило показаться въ дверяхъ кому-нибудь изъ возвращавшихся отъ ландрата, какъ его забрасывали вопросами о достигнутомъ результатѣ. И уже по виду выходившаго можно было безошибочно сразу опредѣлить, отпущенъ ли онъ, или задержанъ. Дошла очередь и до меня. Съ трудомъ сдерживая волненіе, вошелъ я въ первую комнату, гдѣ у стола сидѣлъ чиновникъ, принимавшій отъ насъ паспорта и справлявшійся въ лежавшемъ передъ нимъ спискѣ о положенной Generalcommando резолюціи. Прошло нѣсколько

мучительныхъ, показавшихся вѣчностью мгновеній, пока онъ перелистывалъ списокъ и искалъ въ немъ моей фамиліи. Наконецъ фамилія была найдена и отчеркнута карандашемъ. Вырвавъ затѣмъ изъ сшитыхъ въ видѣ толстой тетради листковъ бумаги листокъ съ моей фамиліей и отмѣтивъ въ паспортѣ номеръ разрѣшенія, чиновникъ сдѣлалъ на немъ надпись: „Die Ausreise wird gestattet" (выѣздъ разрѣшенъ) и, передавая мнѣ паспортъ, показалъ рукой на сосѣднюю комнату, куда направлялись всѣ, получившіе разрѣшеніе на выѣздъ. Здѣсь исправляющій должность ландрата ставилъ свою подпись и штемпель въ каждомъ паспортѣ, послѣ чего я вмѣстѣ съ остальными, получившими одновременно паспорта, направился въ контору Koch'a, гдѣ по предъявленіи разрѣшенія намъ выдали проѣздные билеты и длинныя полоски розовой бумаги (для наклейки на багажъ), на которыхъ было напечатано: „russischer Zug, 24 September 1914." Сердце радостно билось въ груди, но въ то же время гдѣ-то въ тайникахъ души шевелилось сомнѣніе: «а можетъ быть опять отмѣнятъ распоряженіе и отберутъ назадъ разрѣшенія на выѣздъ»?

Не получили разрѣшенія возвратиться въ Россію нѣсколько сенаторовъ (въ числѣ ихъ графъ Т.), и генералъ И. Сенатору Г—ру первоначально было выдано разрѣшеніе, но затѣмъ неожиданно отобрано. Причиной было, какъ говорили, заявленіе остальныхъ задержанныхъ ландрату, что г. Г—ръ является такимъ же сенаторомъ, какъ и они, а потому участь всѣхъ ихъ должна быть одинакова. Тяжело было видѣть угнетенное состояніе г. Г—ра послѣ того какъ его лишили права на совмѣстный отъѣздъ съ нами. Ему уже пришлось и раньше, въ самомъ началѣ войны, испытать большія непріятности (вплоть до заключенія въ тюрьму) по поводу нахожденія въ его багажѣ при обыскѣ закрытыхъ ваткой «стеклянныхъ трубочекъ» (на самомъ дѣлѣ мундштуковъ), на которыхъ нѣмцы увидали съ внутренней стороны подозрительный налетъ и рѣшили, что эти «трубочки» заключаютъ въ себѣ культуры холерныхъ вибріоновъ и предназначены для отравленія воды въ источникахъ. Лишь послѣ произведеннаго спеціальнаго химическаго изслѣдованія содержимаго этихъ трубочекъ г. Г—ръ и его спутникъ были освобождены изъ-подъ ареста.

До отъѣзда оставалось всего два дня, и хотѣлось, чтобъ поскорѣй пролетѣли они, такъ какъ не было увѣренности, что въ послѣднюю минуту не произойдетъ чего-либо неожиданнаго, въ результатѣ котораго намъ придется опять остаться въ Гомбургѣ. Всѣ дѣятельно, между тѣмъ, готовились къ отправленію: закупали для дороги теплыя вещи, пледы, накидки, пальто, заготовляли провизію. Приходилось быть въ то же время до крайности экономными, такъ какъ денегъ у каждаго находилось въ обрѣзъ, а впереди предстояло еще длинное путешествіе. И тутъ отношеніе къ намъ мѣстныхъ жителей было двойное. Съ одной стороны нѣкоторые элементы проявили стремленіе выжать изъ насъ послѣдніе соки. Такъ, въ нѣсколькихъ отеляхъ, въ которыхъ раньше выговорено было право заплатить часть причитающейся за пансіонъ суммы по возвращеніи въ Россію, предъявлено было требованіе немедленной уплаты всего долга. Съ другой стороны мнѣ извѣстны единичные случаи ссуженія денегъ. Такъ мои знакомые неожиданно получили передъ самымъ отъѣздомъ сто марокъ взаймы отъ своей прежней хозяйки въ Наугеймѣ, гдѣ въ предшествующіе годы они жили. Предлагая деньги, эта добрая женщина просила только ничего не говорить объ этомъ ея мужу и окружающимъ, опасаясь, очевидно не безъ основанія, возмездія за свое хорошее отношеніе къ русскимъ. Въ томъ же Наугеймѣ въ это же время появилось въ мѣстной газетѣ такое обращеніе къ мѣстному населенію:

Amtlicher Teil.

Bekanntmachung.

Es wird hierdurch zur öffentlichen Kenn tnis gebracht, dass jede Begünstigung der hier anwesenden Russen mit den schärfsten Strafen bedroht ist. Gegen Zuwiderhandelnde wird unnachsichtlich vorgegangen.

Friedberg, den 21 September 1914. Grossherzogliches Kreisamt. Herberg.

(Доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что всякое вниманіе, которое будетъ оказываться проживающимъ здѣсь русскимъ, угрожаетъ штрафомъ. Обратное же отношеніе не будетъ имѣть послѣдствій.)

Одновременно съ этимъ обращенiемъ къ населенiю, направленнымъ противъ русскихъ (напечатано въ Bad Nauheimer Zeitung, 21. ix. 1914), распространялись, повидимому тоже по распоряженiю властей, среди русскихъ литографированные листки для коллективной подписи, въ которыхъ выражалась благодарность властямъ и населенiю за благожелательное отношенiе во все время нашего пребыванiя съ начала войны въ Германiи, и подчеркивалось, что никакихъ стѣсненiй съ какой-бы то ни было стороны нижеподписавшiеся не испытывали. Насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ покидавшихъ Гомбургъ соотечественниковъ не подписалъ, несмотря на грозившую возможность быть вновь задержаннымъ, этого безстыднаго «удостовѣренiя», которымъ оправдывались всѣ совершенныя надъ нами германцами издѣвательства. Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ каждый уклонился отъ „чести" быть защитникомъ въ глазахъ нейтральныхъ государствъ германскаго правительства, столь безцеремонно при помощи послушнаго и ослѣпленнаго имъ населенiя помыкавшаго нами каждую минуту. А что германцы считались съ мнѣнiемъ о нихъ нейтральныхъ странъ видно было изъ того, что они старались и ранѣе этого при помощи печати распространять благопрiятныя о себѣ въ смыслѣ корректнаго отношенiя ихъ къ иностранцамъ свѣдѣнiя. Такъ, напримѣръ, незадолго до нашего освобожденiя во многихъ газетахъ на первой страницѣ появилось воззванiе (Aufruf) къ иностранцамъ, живущимъ въ Германiи. Въ этомъ воззванiи (цитирую по Kasseler Neuesten Nachrichten, 15. ix. 1914) этимъ послѣднимъ предлагалось въ виду „безчисленныхъ, засвидѣтельствованныхъ сообщенiй о совершенныхъ въ странахъ, съ которыми Германiя находится въ войнѣ, надъ германскими мужчинами, женщинами и дѣтьми беззаконiй и даже жестокостей—выступить въ качествѣ незаинтересованныхъ свидѣтелей и громко возвѣстить всему культурному мiру, считая это долгомъ своей совѣсти (angesichts dieser Vorgänge empfinden wir es als Bedürfnis und als eine Ehrenpflicht, als unparteiische Zeugen hervorzutreten), что въ Германiи никакихъ подобныхъ несправедливостей по отношенiю къ находящимся подъ защитой нѣмецкихъ законовъ иностранцамъ совершено не было". Далѣе прибавлялось, что „если въ какомъ-нибудь смыслѣ измѣнилось во время войны

отношеніе къ иностранцамъ со стороны властей и населенія,—то только въ смыслѣ *повышенной* заботливости о нихъ (so ist es nur im Sinne *erhöhter* Fürsorge gewesen)". Съ чисто нѣмецкой пунктуальностью тутъ же прилагался точный адрессъ „частнаго лица", отъ котораго можно было получить листки для подписи съ упомянутымъ „разъясненіемъ" всему культурному міру, каковые листки надлежало затѣмъ прислать обратно, или достаточно было на обыкновенной открыткѣ (не требуя листка) послать этому лицу согласіе на присоединеніе своего имени къ этому „разъясненію". То же самое лицо, какъ значилось въ воззваніи, должно было всѣ собранные „листки для подписи" (Unterschrittsbogen) препроводить германскому канцлеру, равно подробное сообщеніе о числѣ подписавшихся и объ ихъ національностяхъ должно было быть напечатано въ германскихъ и нейтральныхъ газетахъ.

XXIX.

Но вотъ наконецъ наступилъ день нашего отъѣзда на родину, давно жданный, желанный. Въ половинѣ шестого утра вышелъ я съ псаломщикомъ, пожелавшимъ проводить меня до вокзала, изъ «русскаго дома», съ надеждой никогда уже больше не возвращаться въ него. Но не было полной увѣренности, что и на этотъ разъ не случится чего-либо неожиданнаго, какъ случалось уже это раньше. Со всѣхъ сторонъ стекались къ вокзалу русскіе, большинство пѣшкомъ, неся на плечахъ свои вещи. У входа въ вокзалъ стоитъ уже не часовой, какъ прежде, а штатскій (милиціонеръ) съ ружьемъ за плечами и бѣлой повязкой на рукавѣ. Не доходя до подъѣзда мы простились сердечно съ псаломщикомъ, и послѣдній, передавъ мнѣ тѣ вещи, которыя онъ помогалъ нести мнѣ, грустно пошелъ назадъ, въ сознаніи неизбѣжности еще долго, быть можетъ остаться въ Гомбургѣ. А я, показавъ у входа свой паспортъ съ разрѣшеніемъ на выѣздъ, поспѣшилъ, съ замираніемъ сердца, войти внутрь вокзала, не зная, начинается ли съ этого момента дѣйствительно мое «освобожденіе», или только новая варіація глумленія на старый ладъ.

Около багажной кассы, въ ожиданіи пріема багажа и предварительнаго его освидѣтельствованія, толпилось уже много народа. Раскрытые чемоданы, сундуки и баулы

лежали и на пріемныхъ ларяхъ, и даже на полу. Публика терпѣливо ждала прихода командированныхъ военными властями лицъ для осмотра нашихъ вещей, ранѣе чего никому не разрѣшалось выходить на платформу. Наконецъ появились два одѣтыхъ въ новую форму, повидимому, унтеръ-офицера (или вольноопредѣляющіеся) и приступили къ ревизіи нашего большого багажа. Осмотръ въ общемъ былъ поверхностный, но обставленъ торжественно. По прежнему особенно интересовались фотографическими аппаратами и снимками. Аппараты не отбирались, но въ сопроводительной запискѣ, которая выдавалась за подписью осматривавшаго каждому владѣльцу багажа, упоминалось, что такой-то имѣетъ въ своемъ чемоданѣ фотографическій аппаратъ безъ какихъ-либо снимковъ (или пластинокъ), къ вывозу каковаго, а равно и прочихъ находящихся тамъ вещей, препятствій не встрѣчается. Эту записку, написанную тутъ же при осмотрѣ карандашомъ, надлежало вмѣстѣ съ багажной квитанціей предъявить въ Стокгольмѣ, что избавляло по словамъ вручившаго мнѣ ее лица отъ вторичнаго досмотра багажа въ Швеціи. Я не придалъ тогда значенія этому, но къ удивленію своему, когда я въ Стокгольмѣ предъявилъ кромѣ багажной квитанціи и эту записку,—мнѣ былъ выданъ мой чемоданъ безъ осмотра, тогда какъ багажъ моихъ спутниковъ, забывшихъ объ этой запискѣ, подвергся новому осмотру. У выхода на платформу тѣ же два лица осматривали поверхностно нашъ ручной багажъ, отмѣчая мѣломъ на каждой вещи свои иниціалы, какъ знакъ пропуска.

Но вотъ, наконецъ, мы вырвались на платформу и, обгоняя другъ друга, заняли „съ боя“ мѣста въ стоявшихъ на пути вагонахъ приготовленнаго для насъ поѣзда. Несмотря на то, что списки всѣхъ отправлявшихся были составлены заблаговременно и всѣ мѣста въ купе расписаны,—все перепуталось, но не по нашей винѣ, такъ какъ въ результатѣ мѣстъ оказалось меньше, чѣмъ надо, и взявшіе билеты 1-го класса съ трудомъ находили себѣ мѣсто въ низшемъ классѣ. Нѣкоторые больные запаслись лишними билетами на проѣздъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи цѣлый диванъ въ купе во время долгаго путешествія, и, несмотря на полученную гарантію въ этомъ при оплатѣ билетовъ, не могли достать ни одного свобод-

наго мѣста. Во Франкфуртѣ въ наши вагоны влилась еще масса новыхъ русскихъ,—и теперь заняты были людьми и вещами не только всѣ купе, но и проходы съ площадками вагоновъ. Тѣмъ не менѣе мы радовались, прежде всего тому, что ѣдемъ (и ѣдемъ безъ пересадки въ Франкфуртѣ, какъ предполагалось раньше), а затѣмъ тому, что кругомъ (за исключеніемъ кондукторовъ) были только русскія лица, и слышенъ только русскій разговоръ...

XXX.

Много разъ останавливался поѣздъ во время нашего необычнаго путешествія съ юга Германіи черезъ Берлинъ въ Засcницъ, гдѣ мы должны были пересѣсть на шведскій пароходъ. Но останавливался нашъ поѣздъ не у станцій, какъ это всегда бываетъ, а или не доходя до станціи, или далеко проѣхавъ послѣднюю. Насъ везли словно зачумленныхъ, изолировавъ вполнѣ отъ сношенія съ кѣмъ-либо. И ѣхали мы какъ-бы по мертвой странѣ: вокзалы, мимо которыхъ проходилъ поѣздъ, были пусты, на поляхъ и дорогахъ не видно было обычной картины суеты, лишь изрѣдка попадались тамъ и сямъ женщины и дѣти, поражало полное отсутствіе мужского населенія. Да и у насъ въ поѣздѣ, вмѣсто обыкновенно большого количества кондукторовъ находилось всего двое пожилыхъ служащихъ, которые, отобравъ билеты, исчезли куда-то и оставили насъ въ покоѣ. Не было въ поѣздѣ и ни одной уборщицы вагоновъ (Waschfrau), безъ которыхъ трудно представить себѣ какой-бы то ни было поѣздъ въ Германіи, а нашъ поѣздъ приравненъ былъ по тарифу курьерскому поѣзду. Повидимому, тѣ, отъ которыхъ это зависѣло, рѣшили, что русскимъ во время продолжительнаго пути не слѣдуетъ умываться, или пользоваться какими-бы то ни было удобствами. По крайней мѣрѣ съ самаго начала путешествія не было въ уборныхъ ни воды для умыванія (и другихъ цѣлей), ни обычныхъ кусочковъ мыла и полотенецъ, ни прочихъ принадлежностей.

Поздно вечеромъ мы пріѣхали наконецъ въ Берлинъ, гдѣ нашъ поѣздъ остановленъ былъ на какой-то окраинной станціи. И опять насъ поразила необычная тишина какъ на станціи, такъ и на прилегающихъ улицахъ. Первоначально предполагалось, что въ Берлинѣ намъ придется

перемѣнить поѣздъ, но послѣ продолжительной остановки нашъ поѣздъ передали на ту желѣзную дорогу, которая вела на сѣверъ, къ Балтійскому морю. Послѣ полудня слѣдующаго дня пріѣхали мы въ Штральзундъ, гдѣ неожиданно выросло передъ нами вновь опасность быть задержанными на неопредѣленное время въ Германіи. Едва нашъ поѣздъ остановился у самаго мѣста переправы на островъ Рюгенъ (у сѣверной оконечности котораго находился Зассницъ, откуда отходили пароходы въ Швецію), какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что только что получена телеграмма о проходѣ черезъ проливы англійской эскадры въ 30 вымпеловъ и о прекращеніи вслѣдствіе этого наладившагося было сообщенія между Засcницомъ и Трёллеборгомъ (въ Швеціи). Не вѣрилось въ возможность и цѣлесообразность такого „прорыва“ англійской эскадры. Тѣмъ не менѣе наши кондуктора узнали точно (по ихъ словамъ) отъ начальника станціи о полномъ прекращеніи съ сегодняшняго дня вслѣдствіе указанной причины движенія *нѣмецкихъ* пароходовъ (Fahrschiffe) между указанными пунктами, при чемъ сохранялась надежда, что, быть можетъ, таковые же *шведскіе* пароходы еще циркулируютъ. И вновь въ сердцѣ появлялось опасеніе за благополучный исходъ нашего путешествія. Къ тому же поѣздъ нашъ долго задерживался здѣсь, несмотря на то, что тутъ же рядомъ стояли готовые къ отправленію паромы (Fähre), на которыхъ вагоны должны были быть перевезены на другую сторону пролива, т. е. на островъ. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія къ нашему поѣзду подошелъ паровозъ, который отцѣпилъ нѣсколько вагоновъ и поставилъ ихъ на одинъ изъ паромовъ (снабженныхъ рельсами). Вслѣдъ за тѣмъ паромъ этотъ быстро отчалилъ на буксирѣ, а тотъ же паровозъ распредѣлилъ оставшіеся вагоны между двумя другими паромами, въ свою очередь отчалившими одинъ за другимъ.

Менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, паромы были уже на другой сторонѣ, гдѣ опять тѣмъ же порядкомъ всѣ вагоны соединены были въ одинъ поѣздъ, и мы двинулись дальше, находясь въ полной неизвѣстности, что ожидаетъ насъ въ Засcницѣ. Но вотъ, наконецъ, вдали показалась блестящая при солнечномъ освѣщеніи поверхность моря, а на немъ бѣлѣющіе тамъ и сямъ паруса и силуэтъ па-

рохода, приближающагося къ берегу. И невольно у каждаго мелькнула радостная мысль: стало быть пароходное сообщеніе не прекратилось и, быть можетъ, этотъ пароходъ изъ Швеціи. Поѣздъ между тѣмъ быстро спускается къ небольшому городку, расположенному у самаго моря. Это и есть Засссницъ. Мы останавливаемся у вокзала, и скоро дѣлается извѣстно всѣмъ, что только что дѣйствительно пришелъ шведскій пароходъ, доставившій сюда нѣмцевъ изъ Россіи, и что какъ только поѣздъ съ пристани привезетъ этихъ послѣднихъ, насъ тотчасъ на нашемъ поѣздѣ доставятъ на берегъ, у котораго стоитъ этотъ пароходъ. Проходитъ полчаса томительнаго ожиданія, подошелъ наконецъ съ пристани поѣздъ, привезшій всего десятка три нѣмцевъ (большинство уже давно вернулось изъ Россіи),—и мы двигаемся дальше. Путь зигзагами сбѣгаетъ къ морю, и черезъ нѣсколько минутъ нашъ поѣздъ останавливается у пристани, и мы видимъ ожидающій насъ большой пароходъ „Король Густавъ V“.

Однако не такъ легко было сразу попасть на пароходъ, и мы должны были пройти еще черезъ одно «чистилище», чтобъ оставить, наконецъ, позади себя весь адъ испытанныхъ нами въ Германіи мученій. У самаго входа на пароходъ была устроена на берегу какая-то палатка, передъ которой вся масса насъ русскихъ, вышедшихъ изъ вагоновъ, съ вещами въ рукахъ и на плечахъ, была остановлена двумя рослыми жандармами. Началась постройка въ ряды измученныхъ длинной дорогой, обремененныхъ при этотъ багажемъ людей, и не мудрено, что въ этой разнородной толпѣ несмотря на постоянные окрики, ругань и даже удары жандармовъ—не было никакого порядка. Цѣлый часъ продержали насъ стоя на солнцепекѣ на этомъ мѣстѣ, пока наконецъ окончательно измученныхъ, и нравственно и физически, обливающихся отъ жары потомъ, не начали пропускать по нѣсколько человѣкъ сразу въ эту палатку. И тутъ происходили сцены, которыя врядъ-ли забудутся когда-нибудь очевидцами. Обозленные жандармы не считались совершенно съ тѣмъ, что на стоявшихъ впереди напирали задніе ряды,—и нещадно били по чему попало (и кого попало) всякаго, выдвинувшагося изъ цѣпи. Иной, вытолкнутый внезапно толпой внѣ очереди, пытался проскользнуть въ палатку, и

получалъ въ догонку отъ жандарма нѣсколько ударовъ кулакомъ въ спину, сопровождаемыхъ кромѣ того отборною нѣмецкою бранью. Но и тѣмъ, кто попадалъ въ палатку съ разрѣшенія жандармовъ, — приходилось немногимъ лучше, такъ какъ каждаго (или каждую) жандармъ при этомъ грубо схватывалъ за руку и толкалъ изъ всей силы въ палатку. Это было, повидимому, «послѣднее прости» отъ страны онаглѣвшихъ тевтоновъ. Въ палаткѣ находились уже шведы, которые вѣжливо спрашивали у насъ о содержимомъ багажа и, въ большинствѣ случаевъ не открывая его, пропускали на пароходъ, гдѣ у сходней каждый долженъ былъ предъявить свой паспортъ съ отмѣткой о разрѣшеніи на выѣздъ.

Итакъ, мы находились уже на шведской территоріи, хотя еще и въ германскихъ предѣлахъ. Всѣ уютно расположились на верхней палубѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали отвала парохода отъ вражескаго берега. Послѣ испытанныхъ лишеній, чѣмъ-то необыкновеннымъ казался комфортъ кругомъ и вѣжливая прислуга, накрывавшая въ огромномъ салонѣ столы для обѣда, съ явствами, давно уже невиданными нами. Пришелъ еще одинъ поѣздъ, привезшій новыхъ русскихъ, среди которыхъ мы увидали нѣсколькихъ знакомыхъ, уѣхавшихъ изъ Гомбурга утромъ того памятнаго дня, 6 Августа, когда была устроена мистификація отъѣзда на родину собранныхъ въ отеляхъ русскихъ. Оказалось, что имъ удалось доѣхать тогда только до злополучнаго Гиссена, гдѣ они были высажены и просидѣли до настоящаго момента безъ права выѣзда кудалибо оттуда.

Но вотъ, наконецъ, короткій свистокъ возвѣстилъ всѣмъ объ отправленіи парохода. Быстро сталъ удаляться отъ насъ берегъ страны, въ которой вмѣсто ожидаемаго гостепріимства мы встрѣтили злобу, издѣвательство, сознательное игнорированіе всѣхъ нашихъ человѣческихъ правъ и злорадство по поводу несчастій, обрушившихся на нашу голову. Съ каждымъ поворотомъ винта нити, связывавшія еще насъ съ ней, становились все тоньше и тоньше. Вотъ уже еле замѣтны стали очертанія острова, и въ концѣ концовъ все, что оставалось еще видимымъ на немъ, потонуло безвозвратно въ надвинувшемся отовсюду морѣ. Радостно бились сердца наши: мы находились уже въ нейтральныхъ

водахъ, и подъ защитой шведскаго флага. Весь ужасъ остался позади, намъ удалось, наконецъ, вырваться изъ цѣпкихъ рукъ тевтонскаго палача!..

Когда я заканчиваю сейчасъ писать эти строки, передо мной встаютъ уже не картины разрушенія Лувена и Реймса, неотступно стоявшія въ глазахъ раньше. Лувенъ и Реймсъ отодвинулись далеко назадъ въ сравненіи съ тѣмъ, что успѣли совершить за это время германцы. Примѣненіе удушливыхъ газовъ, потопленіе „Лузитаніи" и другихъ пассажирскихъ (даже госпитальныхъ!) судовъ безъ всякаго предупрежденія, длинный мартирологъ безсмысленныхъ убійствъ мирнаго населенія цеппелинами въ Англіи, и еще цѣлый рядъ другихъ, утонченныхъ жестокостей, совершенныхъ не ради военной необходимости... И въ то же время самомнѣніе, граничащее съ самовлюбленностью, повидимому искреннее убѣжденіе, что они являются носителями истинной, высшей культуры, и во имя этой послѣдней совершаютъ свои безчинства, свойственныя обыкновенно варварамъ. Какъ примирить между собой эти непримиримыя вещи? Отвѣтъ, думается мнѣ, можетъ быть лишь одинъ: германцы усвоили обще-европейскую культуру постольку же, поскольку дикарь усвоилъ себѣ обращеніе съ усовершенствованнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ надо ожидать въ результатѣ одного зла,—такъ и отъ примѣненія германцами ихъ *внѣшней* культуры получается то же самое. На лицо—культура техники, орудій истребленія, правильно распланированныхъ улицъ и садовыхъ дорожекъ, но нѣтъ культуры *духа*, и нѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ того злодѣянія, какого не могли бы совершить германцы.

Они презрительно называютъ насъ „низшей" расой и хвастаются, что ихъ нервы все выдержатъ. Мы же, содрагаясь при видѣ творимыхъ ими жестокостей и чувствуя, что не въ силахъ совершить что либо подобное, должны съ сожалѣніемъ назвать ихъ „гибнущею" расой.

Мартъ 1916 года.

